

EX ORIENTE LUX

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

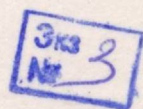
ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

2 / 2013

Венок поэту

6 июня 2013 года исполнилось 214 лет со Дня рождения великого А.Пушкина

Памяти А.С.Пушкина

Ласкает слух звучанье русской речи, язык
кто лирой пробуждал все доб
кто миру дал звучание онегинской строфы, поэ
что красотой лечит безду
чьим именем горды не только люд его Отечес
но стар и млад любой стр
Гордится им все человечество! Он памятник
на все века воздвиг в сердцах лю
К нему тропа не зарастет забвеньем нико
Тропа к нему, проложенная в вечно

О.Бордов

У памятника А.С.Пушкину

От Петербурга до Ташкента
И от Ташкента до Москвы
Жив дух великого поэта
Под сенью солнечной листвы.

На языке его великом
Почти полсвета говорит,
И в бурном XXI веке
С ним рядом не один пиит

И к праведным его истокам
Ведет дорога — не тропа.
И светит ей Звезда Востока
Как символ Невского столпа.

Святая пушкинская лира
Ни в кои веки не умрет,
От тундры до вершин Памира
Ей внемлет небо и народ.

Ю.Романов

Памяти А.С.Пушкина

Российской поэзии Солнце затмила
Пришельца безумного злая рука,
Но гений его с неизбывною силой
Нам светит и греет сердца сквозь века.

Он радовал с детства волшебною сказкой
И образом чудной Татьяны пленил,
Мог выложить правду царю без опаски
И в бедную избу как свой приходил.

Он жил и в опальных домах декабристов
И в свежих роскошных салонах звучал,
В поэзии честен и в чувствах неистов,
Он в бронзе взошел на земной пьедестал

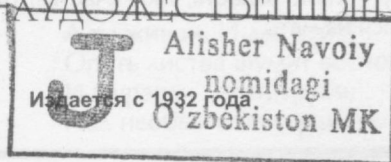
И мы, устремленья его продолжая,
Шлифуем слова на его оселке;
Поэзия Пушкина, вечно живая,
И ныне трепещет в бессмертной руке!

В.Кудряв

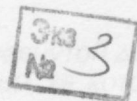
Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Михаил ГАР
Ольга ГРИГОРЬЕВА
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Шухрат СИРОЖИДДИНОВ
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Лариса ЮСУПОВА

Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Саъдулло КУРОНОВ

Редактор
Нургали СЫЗДЫКБАЕВ

Республика Узбекистан
Ташкент

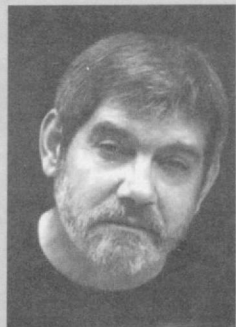
Михаил ГАР

ПОЭЗИЯ

ПЫЛЬ ВАВИЛОНА

(Роман)

Мика, сынок, не уходи далеко от дома – ни сейчас, пока ты маленький, ни потом, когда станешь большим, как твой отец. Никто и ничто не спасет тебя далеко от дома: там много несчастий, проклятых, жадных, страшных, которые могут отнять то, чего я не хочу отдавать никому, – твою радость, твоё счастье, твою жизнь. Запомни и не обижайся на мать.

Алексей ГВАРДИН

ПОЭЗИЯ

Дни мои – тень танцующих журавлей...

...рукокрылой
взлечу я птицею
наяву
взлечу
не во сне
раздвигая
пространства границы

рассекая
прокисшую стынь
вверх взлечу
человеком-птицей
только
вверх
и
до самых глубин

Вера ВАВИЛОВА

проза

ГОРОД ОДИНОЧЕСТВА

(Рассказ)

Большой чёрный город, светящийся огнями, как многочисленными глазами хищного монстра, готового поглотить её, маленького человечка. И нет ему дела до того, что творится у этого человечка в душе, как одиноко и больно, как невыносимо тоскливо и жутко, как сердце раскалывается на мелкие осколки, будто разбитое зеркало.

переводы

Абдулла АРИПОВ

У памятника Пушкину

перевод А.А.Файнберга

Поэт, виновных не вини.
Им небеса за все отплатят.
Исчезли навсегда они
С печатью вечного проклятья,

А ты живой. И для тебя
Опять листва шумит весною.
И журавли летят, трубя,
Над необъятною страной.

проза

Эркин ЖОЛДАСОВ

Задумал я роман...

(Повесть в страницах из дневника)

Мои дневники – документ человека с вывернутой душой. Взор на себя из своего Я как из темницы, от которой некуда деться... созерцание своего медленного шествия от былого к тому, что тоже станет когда-то былым

переводы

Дилшод НУРУЛЛАЕВ

Черепаша и я

(рассказ)

перевод М.Муминовой

– Тень... Она такая хитрая. Она падает с удобной ей стороны. В итоге человек видит только свой живот. Перед глазами ЖИВОТ, словно мешок, да нет, словно гора, которая требует постоянного внимания. И, благодаря этой тени, ты каждую минуту, час, день думаешь, как его заполнить. Чем больше становится живот, тем меньше человек начинает задумываться о человеческих чувствах. И мир заполняют ЖИВОТЫ, которые в любую секунду готовы поглотить друг друга.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей Слоним. Слово или пустословие?
(Из цикла статей «Быть или казаться?») 5

НОВЫЕ ИМЕНА

Руслан Таджибаев. Созвездия созвучием живут... (Лирика)...9
Адель Чильякова. Познай столица волнение борьбы... (Лирика)...11
Лутфулла Хасанов. К вопросу о поэтике жанра детектива.... 13

ПРОЗА

Эркин Жолдасов. Задумал я роман...
(Повесть в страницах из дневника).....15
Михаил Гар. Пыль Вавилона. (Роман)49
Рустам Шагаев. Далекое близкое – «Как я стал знаменитым», «Сосиска в тесте» (Эссе).....64
Вера Вавилова. Город одиночества. (Рассказ).....113

ПЕРЕВОДЫ

Орзикул Эргаш. Логика. (Рассказ,
перевод А.Абдуллаевой, Б.Зикириллаева).72
Дильшод Нуруллаев. Черепаха и я.
(Рассказ, перевод М.Муминовой)75
Мавлюда Ибрагимова. Белый домик в черных скалах.
(Повесть, перевод В.Васильева).....80
Маджид-Абид. Газели, перевод Е.Абдуллаева).....95
Абдулла Арипов. За дальние дали опять смотрю я...
(Лирика, перевод А.Файнберга, Н.Ильина).....97

ЛИРИКА

Владимир Васильев. Я помню Вас в одной
из прежних жизней...100
Алексей Гвардин. Дни мои – тень танцующих журавлей... ..103

МИР ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Раим Фархади. Солнечный жираф. (Лирика)108
Николай Красильников. Гуляламыш по потолку. (Лирика) ..110
Лариса Юсупова. Дружная семья Я. (Лирика)111

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Дильшод Арзикулов. Ассоциативное и символическое
в романе «поток сознания»133
Давлятбек Саъдуллаев. Стилистические заимствования
в художественном контексте.137

КАРАВАН ИСТОРИИ

Юрий Флыгин. Ранние страницы истории
Национального университета Узбекистана.139

Александра Давшан. Памяти Сергея Ивановича Зинина.128
Василий Костешкий. Последняя книга С.И.Зинина
(А.В.Ширяевец – поэт российский и туркестанский).130

*На 3 и 4 страницах обложки картины художника
Эркина Жолдасова*

Звезда Востока

2013 № 2

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Per. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).
Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Хуршид Иброхимов

Подписано в печать 11.06.2013.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 820 экз. Заказ 132-13.
Цена договорная.
Отпечатано в типографии
ИПТА «Укитувчи».
г. Ташкент, ул. Навои, 30.

**Редакция журнала выражает
благодарность Николаю Попову
за новый дизайн обложки
«Звезды Востока».**

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.
Набор текста в любом формате с
приложением дисков и распечаткой.
Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.
Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

публицистика

Слово или пустословие?

(Из цикла статей "Быть или казаться")

... В НАЧАЛЕ было слово...

Именно так сказано в одном из основных источников постижения законов Бытия человеческого.

Когда в текстах цитируется эта ключевая фраза Священного писания, часто пишут: «ВНАЧАЛЕ» (то есть как бы ПЕРЕД чем-то, что свершалось позднее). И этим рушится главное. Слово – не прелюдия к чему-то последующему. Оно рождается в сердцевице одного из важнейших НАЧАЛ мировых законов.

Слово... В любом языке мира в нём заключено чудо. Определенное сочетание звуков рождает в наречиях разных народов образы, действия, движения мысли. Стоит произнести, к примеру, слово «кошка» – и сознание тут же создаёт конкретный для каждого из нас «портрет». Но у разных людей в восприятии родится совершенно разный облик этой спутницы нашей жизни. Затем, помимо воссоздания образа совершенно конкретной кошки, наша ассоциативность немедленно спроецирует это понятие на психологию самих людей – «гибка, как кошка», «ступает неслышно, словно кошка», «невозмутима, как кошка» – и так далее. Развивать образность слова куда сложнее. И одним из важнейших атрибутов человеческого сознания является фантазия, подсознательное умение отождествить с детства знакомое слово со смыслом, который оно несёт.

Слово не только имеет «цвет», «объём» и «вес», оно может стать в нашем сознании абсолютно реальным, как бы живущим рядом с нами объектом, живым или неодушевлённым. Разнообразие, множественность смыслов слова поистине безграничны. Словом можно "рисовать", из слов можно составлять мелодию, словом можно рифмовать по созвучиям и смыслам.

Слово помогает осмыслить даже то, что подчас и не уложить в разнообразие физических действий.

... Вот одна из множества поистине мировых загадок Слова. Как известно, трагедия А.С.Пушкина «Борис Годунов» завершается смертью преступного царя, гибелью его детей и торжественным въездом Самозванца под именем царевича Димитрия. Народу объявляют о всех этих тёмных событиях. И реакция его своеобразна. Ведь Пушкин заканчивает трагедию одной короткой фразой: «Народ безмолвствует». Читая эту фразу, мы как будто вполне понимаем, что произошло. Но КАК воплотить в действии на сцене смысл этой гениальной ремарки? Простым молчанием? Увы, это совершенно не адекватное воплощение глубины авторского замысла. Главная трудность в том, что эта ремарка подразумевает и полную внешнюю статику толпы, и отсутствие слов. И нечто иное, воспринимаемое только в чтении глагола «БЕЗМОЛВСТВУЕТ» (недоумение, за-

**Андрей
СЛОНИМ**

*Режиссер-постановщик
и сценограф
Государственного
Академического
Большого театра
имени
А. Навои,
Заслуженный
работник культуры
Республики
Узбекистан.*

таённая тревога, неуверенность). Сценическая история постановок пушкинского «Бориса Годунова» не так богата количеством постановочных решений и открытий. Иногда пресловутую финальную ремарку просто ЧИТАЮТ ИЗ-ЗА КУЛИС В МИКРОФОН, довершая звучащим смыслом сценическую суть. И решение этого «ребуса», оставленного потомкам Поэтом, до сей поры где-то рядом. В такой проблеме звучащее слово оказывается ёмче и глубиннее, нежели физически осязаемое действие на сцене...

Слово издавна имело весомость и наполненность, причём, не только прямым значением, но и подтекстом. Как тут не воспринять заново удивительный источник образности драматургии А.П.Чехова? Слово здесь «работает» во всей полноте – от построения элементов жизни, общения, событий героев до названия произведения. Да, само название чеховской пьесы «Чайка» на проверку оказывается вовсе не таким «линейным» и понятным, как кажется на первый взгляд. Начиная с вопроса – а КТО в пьесе эта пресловутая чайка? Со школьных лет мы привыкли считать, что это героиня Нина Заречная, с её драматичной судьбой и противоречиями. Всё как будто просто – есть цитаты из текста: «Я чайка... Нет не то, я – актриса...», «Возле озера жила девушка, свободная как чайка, но пришёл человек и от нечего делать погубил...». Есть и реально застреленная другим героем – Константином Треплевым – подлинная чайка. Все эти аргументы кажутся неизбежными, но...

Но как быть с образностью самой чайки, воплощающей стремление к полёту? Летящей над романтическим озером где-то в самой глубинке, вдали от городов, и подстреленной буквально без цели и смысла? Нина? Да, и она тоже... А как сладить с порывами самого Треплева – мятущегося, талантливого, необычного! – взлететь, подняться над пустотой и обыденностью? Как быть с попытками вырваться из пошлой серости видного литератора Тригорина, которому лишь безволие и апатия мешают стать гораздо масштабнее и значительнее, чем он есть? Как не заметить несостоявшуюся судьбу многих иных персонажей «Чайки» – доброго, но стёртого привычностью Сорина, беззаветно влюблённой в Треплева Маши, затерявшегося в глуши и привычности доктора Дорна и многих, многих других. А скрытый неизведанный полёт самой Аркадиной – провинциальной актрисы, рассеявшей свой талант на пустырях мнимых «успехов» и забывшей даже о собственном сыне! Почти все они воплощают своими невзлетевшими жизнями и помыслами именно чайку, полёт которой нелепо прерван стечением обстоятельств, замкнутостью, погружением в привычную каждодневность. Всё метафорично в чеховской «Чайке», и даже финальная фраза Дорна «Лопнула склянка с эфиром...». Этими словами доктор Дорн иносказательно сообщает о самоубийстве Треплева, который застрелился в соседней комнате. А по сути – они предстают символом эфемерности пустых грёз, драматичности крушений судеб. Как и чучело застреленной чайки, которое приносят в комнату перед этим трагическим концом – страшный символ всех тщетных потуг героев взлететь, подняться над суетой... Всё это заключено в одном слове – названии пьесы. И ещё одно слово – характеристика жанра чеховской «Чайки» – комедия...

Слово... О, как же всесильно оно в большой поэзии, где каждый из Мастеров находит его с истинно снайперской точностью. И только тогда оно вершит свою образность в немыслимо огромном масштабе обобщений. Примеров множество, но вот один из самых впечатляющих – четыре строчки знаменитого блоковского творения:

*В голубой далёкой спальне
Твой ребёнок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.*

Там, где стихотворец средней руки начертал бы десятки строк о трагической гибели ребёнка, Поэт лаконичен и твёрд в выбранных словах. «В голубой, далёкой спальне» – это стены комнаты, растворённые до вселенской бесконечности. Только туда и может взмыть душа, порывающая с земными оковами. «Опочил» – не «заснул», нет! В самом этом слове свершилось нечто внеобыденное, внебытовое, несоразмерное с обычным... А карлик вовсе не «вышел» (как могло представиться бы на первый взгляд!), а «вылез»! Это

гораздо ёмче, более жутко, более бездонно по смыслу. Остановленные часы довершают странный мир перехода из бытия в «синий сумрак и покой»...

... В нашу бурную эпоху слово странно теряет свою ёмкость и могущество. Убийственно примитивная, канцелярская, а подчас и малограмотная речь сообщений пытается повествовать о событиях. Примитивизм и искусственное упрощение слова приводят к тому, что слово теряет не только подтекст и «второй план», но и свой прямой смысл. Драматурги и писатели в стремлении «поспеть за веком» селятся найти правду в максимальном, как им кажется, приближении слова к реальной жизни. В беседах и интервью всё чаще утрачиваются индивидуальные личностные черты субъекта, его рассуждения концентрируются вокруг его собственного «я», причём сугубо авторитарно: «есть два мнения: одно – моё, другое – неправильное»!

Слово... Оно искажается сегодня. Слова зачастую лишаются объёма и глубины, образности и многоцветности. Они убийственно просты и гладки, как обшуганная доска. Во все времена истинное творчество знало не только прорывы и взлёты, но и сомнения. Кто-то из великих философов некогда сказал: «есть два похожих слова – «сомнение» и «самоомнение». Первое ведёт к открытиям, второе – к тупику». Характерно, что никто из тех, кто был подлинно велик и значителен, не номинировал себя «гениальным», «неповторимым», «великим». Отдавая должное светлосту таланту своих не менее ярких коллег, эти люди знали цену слову и не гремели им всуе. В письмах А.П.Чехова впечатляет не только его стремление и умение поддержать дарования лишь начинающих свой путь писателей-коллег, но и поразительная скромность самооценок. «Мою слабую (так! – А.С.) пьесу «Чайка» Художественный театр сделал удивительно ярким спектаклем» – читаем в одном чеховском письме. А в другом, почти в конце жизни, создав почти все свои рассказы, повести, пьесы, Антон Павлович резюмирует: «да, наверное, я – не писатель. Я всего лишь врач, занимающийся литературой»! А между тем – сколько тонкой, нерасхожей иронии, доброго юмора и света сквозит в этих письмах, как богато и ёмко слово, живущее в них, как целеустремлён его дух...

Сегодня, уже второе десятилетие, умы будоражит престранный и необъяснимый термин «звезда», лихо залетевший в наш мир из-за океана. Что он означает по сути, в смысле истинности таланта, самобытности – ответить практически невозможно. Практика «конвейерного» штампования «звёзд» приводит к трагическим парадоксам – симпатичная десятилетняя кроха, которую научили ритмично манипулировать своим телом, заявляет: «А я уже звезда, я в пяти конкурсах победила!».

Слово в высшем его смысле становится всё более упрощённым, «сленговым». Оценки того или иного явления в культуре размываются, индивидуальность суждений нивелируется так называемой «модой» и невозможностью самобытного восприятия. Обманчивая «вседозволенность» размывает ощутимые границы допустимого. И реет мираж, внушающий, что в эпатирующих искажениях внутреннего мира человека и низведения его до уровня простых инстинктивных потребностей – как раз и заключено всё, что можно бы считать «истинно актуальным».

Слово – это то, что и как мы пытаемся сказать людям. И ранит то, что мы сегодня всё более и более склоняемся к отстаиванию не высоких порывов духа, не примеров подлинной красоты и гармонии, а первобытной сути самых примитивных инстинктов. И не для того ли, чтобы прослыть «истинно современными», мы, не сумев адекватно воссоздать всю сложность авторского образа, одним махом низводим его до простенькой серии читаемых «низких истин». И было бы поистине смешно, когда бы не было так грустно – оценить «перл» одного из дирижёров, объясняющих молодым исполнителям оперы «Евгений Онегин», как ему казалось, суть взаимоотношений Онегина и Татьяны: «Да что вы мудрите, тут всё дело в том, что он её хочет, но знает, что она никогда ему не отдастся!». Что на это ответить «бедным» Пушкину и Чайковскому, которые хранили в глубинах своих душ совершенно иную суть своих героев? Подобный примитивизм уже породил целую серию вполне узаконенных приёмов, которые можно было бы назвать «секс-штампами», когда героини, изображая (именно изображая, а не проживая!) любовное томление, в равной мере одинаково... валяются по полу и сучат ногами. А истина, а тайна духа, обаяния и света героини, а излучение её красоты – вновь остаются «где-то рядом». «Я в «Катерине

Измайловой» обливаю на сцене избитого до полусмерти героя настоящей водой!» - заявляет режиссёр на творческой встрече. «А у меня в «Князе Игоре» в сцене у Галицкого на сцене – настоящий... деревенский нужник!» - самодовольно хвастается другой. Да полно – настоящие неразгаданные «ребусы» глубинной драматургии, оставленной нам великими создателями, быть может, откроются кому-то другому, который захочет и сумеет обрести своё сценическое Слово, пусть неожиданное, пусть ещё неизведанное – но адекватное истинно Высокому началу классики. И разительно отличающееся от надоедливое пустословия в разных масках...

Слово в «драматургии» множественных телесериалов столь же пагубно скудеет. Диалоги теледетективов, мелодрам на телеэкране всё более напоминают «беседы в подворотне» с вульгарно-специфической, чаще всего агрессивной, в том числе и активно-ненормативной лексикой. Работа актёра с таким материалом уже не требует большого мастерства, личностного развития самих исполнителей. Чаще всего актёр Х в одном сериале изображает (а отнюдь не играет!) следователя, а в другом, параллельно идущем на другом канале, он же, «родной и узнаваемый», предстаёт в образе матёрого бандита. Причём, с абсолютно не меняющимся психологическим и внешним образом, с той же «уличной» лексикой, с той же силой кулака и бессилием («импотенцией») интеллекта. И ничего, даже отдалённо напоминающего творчество, в этих поползновениях – увы! – не удаётся встретить.

Отчего так однообразно-примитивно мелькают перед нашим взором и сознанием однотипные герои и героини самых разных сериалов, совершенно «свободно» и в одночасье поддающиеся некоему выплеску инстинктов и хладнокровно предающие в своих семейных и человеческих отношениях всё, что в этой жизни предавать недопустимо? Почему так запросто и «по-братски» пристроился почти к каждому сюжету пресловутый афоризм «от сумы и тюрьмы не зарекайся!»? И любая героиня или герой в силу «злодейских интриг» непременно попадают в следственный изолятор или тюремную камеру – как будто только пройдя через это, можно постичь некие высшие начала. Почему примитивный криминал всё прочнее вростает в драматургию, кино, театральное действо, становясь одной из неперменных сторон биографии любого персонажа, да ещё с оттенком некоей «высшей» печати судьбы, только после которой, якобы, можно стать личностью? А соответствующий словесно-лексический «багаж» с его «подзаборной» спецификой прилежно следует за убожеством образности...

Пустословие... Оно гроыхает, как пустой кувшин, катящийся с горы. Оно зачастую звучнее истинного Слова, которое рождается как еле слышный шёпот.

Кто-то из очень мудрых людей некогда сказал, что истина не рождается в крике. Её постижение берёт своё начало в тишине, в стремлении услышать голос души. Истоки Слова на нашей земле поистине благодатны и неисчерпаемы. Они в веках, в гармоничной мудрости великих мыслителей и поэтов нашей родины, устремлены в самую сердцевину человеческого духа, к его полёту, целомудрию, умению преодолевать препятствия и восходить к вершинам. В глубинах истории и культуры каждого народа таится великое и непреходящее значение настоящего Слова. Как же необходимо сегодня отличить его от настырного пустословия! И довериться его животворности...

Слово извечно передавалось из поколения в поколение, от отцов и матерей – детям, от дедов – внукам. И сейчас как никогда жизненно важно сохранить и расслышать истинное Слово в хаосе и шуме отупляющих миражей пустословия. И если мы не остановимся, чтобы послушать тишину и в недрах её услышать негромкий голос, напоминающий человеку о его истинном предназначении на земле, то не откроем для себя и своих детей непостижимой тайны живой жизни. Не сохраним её, да и сам род людской на завешанном нам потомками высочайшем уровне духовности.

Именно в Слове, в его высшем, первозданном смысле – залог жизни, интеллекта и гармонии будущих поколений нашего столь необъятного – и такого маленького и беззащитного в бесконечности Вселенной Отечества...

НОВЫЕ ИМЕНА

*Созвездия созвучием
живут...*

УТРО

Небо, лентой разделяя,
Ложится крадучись туман.
Пленяет инеем, сжимая,
Морозной свежести капкан.

Всю приаллейность чувств мятежных,
Что с осени в себе храню,
Покоем савана, неспешно,
Природа лечит боль мою.

ОСЕНИ...

Всплывают снов воспоминанья,
В них жизни длится череда.
Осенней грустью в миг желанья
Приходят нужные слова.

Издав унылый звук прощальный,
Слетает с ветви жёлтый лист.
И чтит природа с замираньем,
Что в обновлении есть жизнь.

* * *

Созвездия созвучием живут.
Бездонность. Космосу внимая,
Чредой под ними облака плывут,
Гонимая ветрилом стая.

Земное кроткое блаженство
Капзльно вторит небесам,
И вдохновляет совершенство
Невечное о вечном там.

И двух миров единство мироздания
В тенетах мудрости творенья новь.
Союз извечного преданья,
Надежда верует в любовь.

И нет предела Возрожденья
Божественной Любви исток,
Здесь созиданье – мира обновление,
И высшей красоты восторг!

МИР РАСТВОРИЛСЯ...

в молчаливом томлении ночи,
Жизнь воплотилась,
Надежда получила одеянья.
В снах заструились образы,
ночь

**Руслан
ТАДЖИБАЕВ**

Родился в городе
Бекабаде в 1974
году. Окончил
филологический
факультет
Наманганского
государственного
университета. Работает
в Наманганском
филиале ООО
CCBU Ltd. В «Звезде
Востока» публикуется
впервые.

Доверчиво глядит в глаза рассвета.
Лучами рук твоих раздвинут
мой туман...

ТАЙНА

Вслед бесконечности я с тишиной
простился:
открыл печаль седых вершин
И глубину мечтающих озёр,
Проплыл всю необъятность океана
И с ветром прокатился меж колонн,
Проник с кометою в зазвездность дали,
Устал и растворился каплей
В поднебесье тайн.

ТАНЕЦ ТАТАРКИ

Затихли звуки шёпота морского,
Угасла скрипка, с красотой не споря.
За тенью ускользящей чадры
Явилась Лань небесной красоты.
Покорность ниц опущенных очей,
Венчает своенравие бровей,
Уста скрывают жемчуга морские,
На плечи ниспадают кудри колдовские,
Горда осанка статью величавой,
И шелка блеск, заманчив взгляд лукавый.
Летящей тенью звук кларнета ожил,
Чудесный сон живой водой встревожил,
Очнулась скрипка, вновь запело море,
И жажда жизни победила горе.
И взмахом крыльев-рук мелодия вспорхнула,
Сиянье, радость в сердце мне вдохнула.
Татарка легкой поступью столы обходит,
Такт Хайтармы её дыханьем водит.
Вслед девушке дойра легко ступает,
Изящество мелодии собою оттеняет.
Спокойный лад мелодии звенящей,
Сменяет вихрь, томленье приносящий.
Жизнь танца, обретая темп и высоту,
Раскрасила, как радуга, палитры нищету.
Татарка подвижна порывами желаний,
Ведомая любовью в миг признаний,
Она кружит и говорит со мною,
Без слов я понимаю её волю.
Вздохнуло море радостным прибоем,
Его сияние сменило вихрь покоем,
Кружит татарка, тишине внимая,
И в легком танце воплощает облик края
Соцветьем красок, музыки и света.
Поет душа, гармонией согрета.
На небе солнце, из-за вершушек гор
Продолжило со мною танец-разговор.
Природу Крыма, колыбель Гиреев,
Хранит татарка, вечности поверив.
Исчезла легким бризом в танце Лань,
Отдав прекрасному Гурзуфу дань.

Познай сполна волнение борьбы...

КРЕДО ПОЭТА

Когда спокойно жизненное море,
попутный ветер дует в паруса,
шутя с волной и со стихией спора,
бросает кормчий вызов небесам.

Но если гаснет в сумерках заря,
темнеет водная пустыня,
корабль летит, не слушая руля,
и шторм его несет в пучину,
вцепись что силы есть в кормило,
не допусти, чтобы разбила
мечту слепой стихии сила
и поглотила песню темнота.
И не сдавайся прихоти судьбы
и вопреки ее гоненью
познай сполна волнение борьбы
и мужества благословенье.

Но вот обласканный судьбой
и окрылен победой
ты думаешь: закончен бой
с изменчивой Фортуной.
Ан нет! Готовая напасть,
она подстроит новую напасть.
Горазда пошутить и поиграть
и, одаривши, снова отобрать,
и, увлеченная такой игрой,
поднять тебя до поднебесья
и снова опустить вниз головой,
лишая сил и равновесья.

И зная, как изменчива звезда,
дары Фортуны я кладу туда,
откуда прихотливая судьба
их заберет, не причинит вреда.
Кто не раздулся спесью фаворита,
не лопнет от досады и стыда.

Лишь те дары достойны для поэта,
которых не уносит с собой Лета:
гореть и в радости, и в непогоду,
служа Земле и своему народу.
В том светлом поэтическом полете
Уходит тьма, ломаясь на излете.

**Адель
ЧИЛЬЯКОВА**

Поэт, журналист, переводчик, руководитель проекта «Планета – наша общая Родина» и Арт студии «Свет». Родилась в Ташкенте, окончила Московский государственный университет факультет журналистики, публиковалась в чешских изданиях. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

РЕКОЮ ЖИЗНИ

Из сети сонных, цепких паутин,
Над водопадом изумрудных струй
Заглядываю в зеркало глубин
И наблюдаю странную игру:
Прошедшего и будущего нить
Сплетает время воедино,
Художника невидимая кисть
Гротескную творит картину.
Но обрета благую дерзость,
Отринув перевозчика паром,
Оставив ветхой жизни крепость,
Плыву рекою жизни напролом
Стремительным потоком к океану,
В котором утопают небеса,
И тот, кому пою Осанну!
Дарует вечной жизни паруса.

ПОЭТУ

Недвижны перья облаков
И их тяжелые крыла
Над бледной серостью домов
Посредственность в узор сплела.
В узор, в котором нет игры,
Недостает воображенья...
Так будней тягостных теченье
Без света веры и любви
Лишает счастья и прозренья.
Оставь, мой друг, свои сомненья!
Поверь, что нашей жизни дни
Подарят радость и веселье.
Ты только душу распахни!
Пусть у других душа потемки –
В Твоей душе я вижу свет,
Раскрой серебряные створки
Любимых строк,
Ведь Ты поэт.

КНИГА ОСЕНИ

Книгу осени листает ветер,
Обрывая желтые листья,
Плачут окна об ушедшем лете,
Осени цветные лоскуты
Зависают в паутинной сети,
Хрупкие, прозрачные цветы.
Паутины нежную вуаль
Надевают призрачные тени
И, хотя чуть-чуть чего-то жаль,
В осени сокрыто воскресенье.
И ресницы веток опустив,
Шепчут в полусне о том деревья,
Вздрагивает их тяжелый лист,
Сбрасывая капли-ожерелья.

Их алмазы снова пьет земля,
Жажда во имя обновления,
Снова погибая, семена
Жизнь даруют новому творенью.

* * *

На склонах крыш звенит оркестр
Из ледяных, хрустальных струн:
Закончился зимы семестр,
Весна играет свой ноктюрн!

ТАМТАМЫ ДОЖДА

Тамтамы дождя
барабанят по ставням,
Диковинный марш
пробуждает от сна,
Прозрачные струи,
как струны у арфы,
под пальцами ветра
играют скользя.
И прошлые песни
привычного ретро
с собою навеки
уносит вода:
Жизнь пишет ноты
с чистого листа!

МЛЕЧНАЯ ДОРОГА

Надо мною Млечная дорога
В россыпи из белых жемчугов.
Замираю у ее порога
В бесконечность неземных миров.
Застилают город клубы дыма
Словно сливы сизая пыльца.
До чего же мне необходимо
Прикоснуться к вечности Творца!

Обратив к истокам мирозданья
Красотою обостренный слух,
Слышу ораторию хора:ла:
Песню Песней ангелы поют.
Звуки обретают силу в ночи,
И звучанье чище и ясней,
И глядят с небес святые очи
Из бездонных кладезей огней.
Я стою, торжественно внимая,
Трепету земного естества,
Что в теснине сердца изнывая,
Гулко отливается в слова.

Слово сотворил Вселенной Зодчий,
Словом осветил ее во тьме.
Благодарность этой звездной ночи
Зазвучит поэзией во мне.

К вопросу о поэтике жанра детектива

Изучение детективного жанра в последнее время становится весьма актуальным. Об этом свидетельствует возрастающее количество написанных о нем работ. Из литературоведов, внесших существенный вклад в развитие теории жанра, можно указать Г.А.Анджапаридзе [1], С.П.Бавина [2], В.Мясникова [3], также А.Адамова [4], А.Вулиса [5].

Первыми произведениями детективного жанра обычно считаются рассказы Эдгара Аллана По, написанные в 1840-х годах. Именно он создал первого Великого Сыщика — сыщика-любителя Дюпена («Убийство на улице Морг»). Дюпен впоследствии породил Шерлока Холмса (Конандойл) и патера Брауна (Честертон), Лекока (Габорио) и мистера Каффа (Уилки Коллинз). Именно Эдгар По ввёл в сюжет детектива идею соперничества в раскрытии преступления между частным сыщиком и официальной полицией, в котором частный сыщик, берёт верх. Существенный вклад в развитие образов сыщика внесла Агата Кристи (Эркюль Пуаро и мисс Марпл).

Какова же функция детектива, в чем его ценность? Думается, тройная. Прежде всего, нравственная, даже дидактическая, т.к. любая самая простенькая пропаганда норм морали все же предпочтительней их забвения. Затем познавательная. Заставляя читателя присмотреться к вымышленным типам, иногда упрощенным психологически, но за счет этого крепче прописанным в социальном плане, автор показывает людей, их отношение и окружение с различных точек зрения. Третья немаловажная функция детектива — развлекательная, точнее занимательная.

Детектив проникает практически во все национальные литературы мира. Но наиболее прочное и авторитетное место он занимает в литературе США и Англии, где наиболее полно представлены различные виды детективов.

Знатоки и любители этого жанра выделяют более десятка его видов. Существует разработанная литературоведами классификация детективов, в основе которой лежат различия в методах расследования, в характере преступлений, занятиях действующих лиц, масштабе событий.

В 20-30-е годы в США начинается новый этап развития детективов, появляется новая школа — «крутой» детектив. Этот термин — название одного из наиболее читаемых видов детективов — менее известен, чаще вместо него используют «черный» или «гангстерский» детектив. Но такое название не случайно. Оно обусловлено тем, какие герои преобладают в произведениях. Всякое время рождает своих героев и антигероев, свое понимание добра и зла. Изменения в реальной жизни, расширение и усиление профессиональной преступности, захлестнувшая

**Лутфулла
ХАСАНОВ**

Старший научный
сотрудник-соискатель
кафедры русского
и зарубежного
литературоведения
НУУз имени Мирзо
Улугбека.

волна гангстеризма вызвали появление в обширном море приключенческой литературы гангстерского (крутого) детектива, занявшего достойное место среди своих собратьев.

Родоначальником его стал известный американский писатель и критик, автор ставших классикой детективных романов, повестей и рассказов Дэшил Хэммет (1894-1961 гг.). В течение пяти лет (с 1929 по 1934) он написал пять романов, несколько повестей, новелл и рассказов, в которых отразились реалии современной жизни: новые явления в преступном мире и в деятельности правоохранительных органов США.

Так как работы, посвященные феномену «крутого» детектива малочисленны, исследование этой разновидности детективного жанра оказывается весьма актуальным.

Первым теоретиком детектива как особого жанра стал Г.К.Честертон. В своем эссе "В защиту детективной литературы" Честертон делает упор на то, что «детектив является совершенно законным литературным жанром», его «важнейшее достоинство состоит в том, что это – самая ранняя и пока что единственная форма популярной литературы, в которой выразилось некое ощущение поэзии современной жизни» [6].

Современные исследователи детектива (А.Адамов, Г.Анджапаридзе, Н.Берковский, В. Руднев, А. Вулис) прослеживают историю жанра, анализируют его поэтику, проводят исследование художественных параллелей в произведениях разных авторов. В узбекском литературоведении жанр детектива исследовали Ш. Сулаймонов и Т.Ирисбоев [7].

Детектив, по В. Рудневу, – это «жанр, специфический для массовой литературы и кинематографа XX века» [8]. Руднев видит особенность жанра в том, что «главный элемент его заключается в наличии сыщика-детектива (как правило, частного), который раскрывает преступление. Главное содержание детектива составляет, таким образом, поиск истины. Понятие истины претерпело в начале XX века ряд изменений. Истина в аналитической философии не похожа на истину, как ее понимали представители американского прагматизма или французского экзистенциализма» [8]. В свою очередь, Руднев выделил три разновидности классического детектива: 1) английский, или аналитический (А.Конан-Дойль, А.Кристи); 2) американский, или «жесткий» (Д.Хэммет, Р.Чандлер); 3) французский, или экзистенциальный (С.Жапризо)» [8].

Представляется убедительной характеристика А.Вулиса. Он определяет детектив как приключенческий роман (повесть, рассказ), дающий деяние через исследование. Автор констатирует: а) «детектив сейчас особо популярен у читателей; б) детектив одновременно и литература в традиционном смысле и нечто ей противоположное; в) когда нарушаются законы жанра, детектив «теряет свое лицо» и перестает быть самим собой. А.Вулис так определяет детектив: «Детектив – приключенческий роман (повесть, много реже рассказ), дающий деяние через исследование, через узнавание, который принимает остро сюжетную форму и завершается обнажением скрытых событийных пружин, в принципе необязательно уголовных. Детективу свойственна «проницающая» тенденция: время от времени его элементы вторгаются в серьезную прозу, организуя согласно своим сюжетным законам более или менее обширные структуры – от эпизода до произведения» [5].

Литература:

1. Анджапаридзе Г.А. Детективы века. – М.: 1999. – 925 с.
2. Бавин С.П. Зарубежный детектив XX века (в русских переводах): Популярная библиографическая энциклопедия. – М.: Кн. Палата, - 1991. – 206 с.
3. Мясников В. Бульварный эпос. Журнальный зал. Электронная библиотека современных литературных журналов России // Новый Мир, 2001. - № 11.
4. Адамов А. Мой любимый жанр – детектив. Записки писателя. – М.: Сов. писатель, 1980. – 312 с.
5. Вулис А.В. В мире приключений: Поэтика жанра. – М.: Сов. писатель, 1986. – 384 с.
6. Честертон Г.К. В защиту детективной литературы // Честертон Г.К. Писатель в газете. - М.: Прогресс, 1984. - С. 35-39.
7. Сулаймонов Ш.С. Ўзбек детектив насри: генезиси ва табиати. Филол. фан. номз. ... дисс. автореф. – Т., 2002. – 24 б.; Ирисбоев Т.Т. Ҳозирги ўзбек детектив адабиётининг тараққиёт хусусиятлари (Тоҳир Маликнинг "Шайтанат" асари асосида). Филол. фан. номз. ... дисс. автореф. – Т., 2001. – 25 б.
8. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 2003. – С. 111.

проза

Задумал я роман...

(Повесть в страницах из дневника)

Как неисповедимы пути и дела твои, Господи, так и приудливы тропы и судьбы твои, Человеке! Я понимаю — как и почему носил людей по миру, как и почему встретились внук киевского дворянина и внук ишана из казахской степи в фьохотном оазисе, застрявшемся в среднеазиатской пустыне. Но не могу понять — кто зажег в этих внуках искру, которая сожгла их жизнь в служении Призванию? Плот, кто ответил на этот вопрос — ответит на вопрос о смысле человеческой жизни...

... Мы ехали с родственниками с кладбища, где похоронен Эркин и его родители. Сестра сказала: «Кажется, Эркин в своей жизни следовал судьбе Ван Гога». Я согласился, но добавил, что судьбы множества творцов схожи, потому что они следуют единому божественному предначертанию, но жизни творцов не похожи одна на другую.

Из дневников Эркина, сына Алимжана Жолдасова

«Я понял, что нельзя отождествлять свою жизнь с льей-либо. Моя жизнь не будет похожа ни на лью. Это будет моя жизнь со своими взлетами и падениями, увлечениями, разочарованиями, смятениями, томлениями. Прudentное решение стать художником принято, и от него я не отступлю. Когда-то оно принесет свои чудесные, хотя и горькие, как я подозреваю, плоды. (Какая таинственная фраза выпала из-под пера...)».

Первый учитель, художник В.И.Подгурский, с детства внушал Эркину, что жизнь Художника — это судьба, predeterminedенная Богом для избранных — тяжкий труд в творчестве вне мирской суеты. И горе тому, кто впал в эту суету. И Эркина эта суета ловила в тяжкие для него годы, но он сбежал от нее в творение своих дневников, воспоминаний, в сочинения любимых писателей, композиторов, в учения ислама, христианства и индуизма. Во всем этом он искал примирения с собой и миром в отчаянном стремлении к возвышению Духа и глубоком смирении души и тела.

Эркин относился ко всему с точки зрения разных народов. И как казах (по отцу и предкам, о которых собирал по крупинам память и в которых искал свои корни); и как каракалпак (в своих дневниках он мечтал стать одним из голосов Каракалпакии); и как русский (думал по-русски и переживал за державу, куда уехал его сын); и как узбек (объездил свою Родину, вплоть до дальних горных и пустынных кишлаков, где беседовал с людьми об их жизни и наблюдал ее, когда подрабатывал интервьюером в социологических центрах).

Он разделил с народом тяготы 1980-1990-х годов, как их разделила часть художников, потерявших поддержку музеев, выставочных фондов и пр. А на «кладбища» коллекционеров Эркин свои работы продавать не хотел, мечтая о том, чтобы его творчество сохранилось как цельное собрание картин.

Эркин ЖОЛДАСОВ
(1954-2012)

Родился в 1954 г.
в с.Солдатское
Ташкентской области.
Окончил Ташкентский
театрально-
художественный
институт, работал
научным сотрудником,
а затем реставратором
и заведующим
экспозицией в
государственном Музее
искусств Каракалпакии,
преподавал в
Нукусском училище
искусств. С 1988 г. член
Академии художеств
Республики Узбекистан
и Союза художников
СССР. Жолдасов Э.
автор многочисленных
живописных работ,
рисунков, листов
графики.

После него остались живописные полотна, графика, рисунки. Его живопись достаточно полно представлена в музее И.В.Савицкого.

С 1976 г. Эркин вел дневники, о которых писал: «Дневник — это способ самопознания, осмысления пройденного пути. Это некий творческий акт, где я фиксирую свою жизнь в слове, в тексте. По ним кто-нибудь и когда-нибудь поймет меня. Возможно, это графомания как вид психого и безобидного помешательства, но это приносит мне удовольствие. Дневники пишут очень одинокие люди. Мои дневники — документ человека с вывернутой душой. Взор на себя из своего Я как из темницы, от которой некуда деться. В воспоминаниях и дневниках я мечтаю, но о прошлом. По-видимому, все то, что я пишу, сценарий трагикомедии моей жизни с завязкой, фрустрированным и смешным развитием действия и, конечно, с развязкой и опусканием занавеса».

Наблюдая время и стремясь его поймать, Эркин очень много фотографировал, считал, что «однажды старые фотографии вызовут уже забытые чувства. Куда-то уходит прошлое, далекие уже встречи, люди, лица. Чем-то улыбка, взгляд пробуждают тоску по бытуму, по таму, чего никогда больше не будет. Пожалуй, ряд этих фотографий и есть созерцание своего медленного шествия от былого к тому, что тоже станет когда-то былым».

Сначала я полагал, что воспоминания Эркина могут быть интересны только тем людям, о ком он писал. Но сам он невольно надеялся, что они будут полезны всем как искренние размышления о жизни и творчестве. Из дневников Эркина: «Мои ошибки, метания, разброд, смятение мыслей искренни, и в этой искренности я иду от себя к познанию мира, природы, людей. Жизнь и люди прекрасны своей естественностью. В искусстве то же самое — беспощадное обнажение души, боль, сострадание и любовь, пусть в заблуждениях, но в искренних — ценнее холодной правильности, неизмеримо скучной, потому что она ничего не говорит сердцу. Да, истина в искусстве может быть и в неправоте, но истинной до конца».

В своих дневниках он детально пишет о себе и о судьбах множества людей, с которыми его свела жизнь. Перечитывая их, он написал: «Я задумал роман в условных главах — «Отец, мать и оптим», «Школа, Подурский, Фанна Перова, Дубровин и пр.», «Институт, Кокоткин, Чернышев», «Нукус, Савицкий, музей, археология», «Семья — Люда, Алим и Азим», «Ольга, Арслан и Виля», «Шуков, Квон, кришнаит Саша», «Художники» и т.д. Но надо непременно вести дневник для того, чтобы собрать материал для романа».

Предлагаемые читателю страницы из воспоминаний и дневников Эркина Жолдасова, подготовлены к публикации его братом Арсланом (arslan@expert-center.uz), даются примерно в той же последовательности, как в задуманном Эркиным романе.

«Грусть все равно бы осталась»...

Сегодня 15 ноября 2011 г. Дальше откладывать нельзя. Я еле хожу. Похоже на гриппозную жабу, от которой умер Валентин Александрович Серов, похоже на болезнь Савицкого, Алимджана — моего отца, Алексея Квона — моего старшего друга. Не знаю, сколько мне осталось жить, но эту оставшуюся часть жизни хочется прожить истинно, с достоинством и успеть описать ее и тех, в ком я вижу себя и кого ношу в себе.

Я упомянул Серова потому, что, образно говоря, он «дед» Игоря Витальевича Савицкого. Если считать Игоря отцом своим, как я считал Савицкого, то я окажусь «правнуком» Серова.

Воспоминания и дневники можно сравнить с автопортретом в живописи, это попытка воплотить себя в тексте, пусть, даже для самого себя. И не важен результат, что будет с моими воспоминаниями. Будут ли они напечатаны, станут ли известны? Неважно. Важно пройти по пути своей памяти, еще раз пережить все в контексте времени, в смене эпох с 1950-х по 2000-е годы, когда менялась жизнь, и я менялся, отвечая или не отвечая на вызовы перемен. Мне важно осмыслить не свой личный путь, а путь как начало, продолжение и конец пути предков и современников.

Велико счастье родиться на Земле человеку, велика случайность этого рождения. В детстве думаешь, что это неизбежность, а с возрастом понимаешь, что тебе неслучайно выпал счастливый случай в переплетениях и блужданиях по Земле бесконечных поколений твоих предков. И пытаешься оставить о себе память, но без памяти о них — знаешь, откажут им в заслуге своего явления в этот мир.

Пишу не для Истории, она переполнена такими же судьбами, как и моя. Но та часть жизни, которая соприкасалась с непостижимыми судьбами близких мне по духу людей, особенно с жизнью Игоря Витальевича Савицкого, и прошла под сенью его гения, может представлять интерес не только для моих детей и родственников, но и для всех, кому не безразлична судьба этого гениального художника.

Надеюсь, сын через мою судьбу увидит судьбу страны и моего поколения. Сквозь дымку лет моей жизни он, возможно, разглядит и призрачные пути наших предков — его бабушки, деда и прадеда. Он должен понять — мы продолжение их жизни и должны быть достойны их. Ведь для того, чтобы превратить человека в «манкурта» — достаточно лишить его памяти и Слова.

Конечно, в воспоминаниях хорошо бы следовать хронологии и линии судьбы каждого отдельного человека. Но придется перемешаться из одного времени в другое, от одного события к другому, от одного лика – к другому. Время движется прямо и неуклонно, а память вся в переплетениях событий, в которых глубокий старик бывает гораздо ближе к своему детству, чем в юности. Возможно, так замыкается круг жизни, где старость цепляется за воспоминания детства в ожидании смерти. Рождение и смерть. Одно великое небытие соприкасается с другим и промелькнувшая жизнь – как нечто драгоценное и эфемерное – была лишь чудесным сновидением на фоне череды обыденной серости текущих дней.

Каждый человек, видимо, есть только клубок воспоминаний в некоей машине, методично пережевывающей время, пространство, людей в «сундуке» чьих-то воспоминаний до тех пор, пока не наступит смерть, и сундук не исчезнет в бесконечном пространстве бытия или в чьем-то чулане. И есть ли какой-то смысл в этом пространстве, полном тоски, страха, пустоты двора одинокого короля без подданных? Наверное, есть. Иначе для чего фиксировать время и память в текстах.

Жизнь пролетела. Сделано много ошибок, потеряно много сил и драгоценного времени на суетные пустяки, но не построен дом, не взращен сад, нет крепкой большой семьи, не признано людьми мое искусство. Накопленные знания, труды мои не принесли особой пользы ни мне, ни кому-то другому. Я растерял друзей, не приобрел новых, не приобрел богатства, славы и сейчас влагу жалкое существование, как Иов, терзая свою душу.

Оттого я часто был близок к самоубийству, но не решился, страшно было понять, что мое кратковременное осознанное бытие исчезнет без следа в мире, который был и будет до и после меня. Не менее страшно было самоощущение невозможности выйти за пределы своего «Я». «Я» — моя тюрьма. И выхода нет, кроме как в слово. (Принимая этой рефлексии, скорее всего, служит подавленное чувство свободы от мирской суеты, отсутствие близких мне по духу людей, метания от одной крайности в другую). Теперь же, с большим, нежели раньше, самообладанием привыкаю к себе и к мысли: если я не нужен миру — уйду от мира в себя и в воспоминания.

В юности я был восторженным идеалистом, был полон радужных надежд, верил в великую миссию художника, в силу духовности. Всю жизнь я бежал от мира кармисты и не заметил, как с разбега влетел в комнату смеха. Когда я в ней бился о кривые зеркала, в которых видел худощавую то, закрыв глаза, обратил свой взгляд в себя и увидел, как в бездне моей души добро борется со злом, будто шлюпка с бурным морем. Но знаю — и это море, и душа моя когда-нибудь успокоятся?...

Пережив не одно кораблекрушение, продолжая свое плавание, сменив курс. Мне теперь не нужны ни мои картины, ни деньги, ни люди. Я ухожу в прекрасный мир героев и образов, мыслей и чувств Достоевского, Чехова, Баха, Моцарта, Шопена, Малера, Шнитке... Они реальнее, ценнее, глубже и ближе для меня, чем окружающая меня пустыня. Я размышляю вместе с ними, радуюсь и горюю, иногда проливаю слезы.

Все забудется и все простится. Останется только судьба и душа моя, запечатленные в текстах, рисунках, картинах, в том немногом большом и светлом, что я искал и нашел в своей жизни.

Под сенью судьбы...

Из самого раннего детства помню, как мать брала меня к себе под теплое одеяло. Позднее из одеяла и подушек я делал себе убежище, где ощущал подобие такого же покоя и уюта. Видимо, это чувство основано на животной памяти зародыша в утробе матери.

Села Солдатского, где я родился, не помню. Не помню и отца. Мне было три года, когда он умер в 37 лет. Отчетливо помню запах его мотоцикла «Урал». И сейчас, когда чувствую запах мотоцикла – вспоминаю отца. Помню, как я бегал с кружкой за молоком через двор к маме, которая доила корову. Помню, как мама, уходя из дома в магазин, привязывала меня к столу или к кровати, где я спокойно сидел до ее возвращения. В нукусском детстве запомнил фильм «Мальчик с пальчик», в каком-то страшном месте я вдруг во весь голос заревел. Почему-то все вокруг смеялись. С детства и даже взрослым я был робок – боялся всего, особенно боялся смерти во всех ее видах.

Нукусское детство... В детстве день казался бесконечным, а путь в школу был путешествием. Не говоря уж о целом походе(!) на канал Кыз-Кеткен, где мы, братья и друзья, купались или рыбачили.

В школьные нукусские годы мы сидели с друзьями у текущей воды, у арыка перед домом, смотрели на звезды, мечтали о звездных путешествиях. Я любил пересказывать друзьям книги, которые читал. Как-то прочел «Тимур и его команда» Гайдара. Эта книга поразила меня. И мы создали тимуровскую команду на своей улице, а потом и в школе.

Сейчас, когда мы встречаемся с ровесниками, они с грустью вспоминают об этой команде. Мы бегали к бедным одиноким старушкам, помогали им. Забирались на крышу четырехэтажки в Черемушках и высматривали в бинокль – кому бы еще помочь. А своих родных и родственников забывали, не понимая, что помогать надо было, прежде всего, им. Тогда не будет нужды и старушкам помогать, их будут обихаживать такие же, как мы, их родственники.

У меня дома всегда была работа и обязанности. Мать с утра до ночи работала, и домашним хозяйством приходилось заниматься мне. Даже прозвище у меня было с детства – «домхоз». В шесть-семь лет я умел готовить плов, ходил на базар, покупал все, что надо было по хозяйству – уют, наперстки, мясо, хлеб. Домашняя «касса» была у меня. И, кажется, все детство – с 5 до 12 лет – я простоял в очередях за продуктами. По 4-5 часов стоял в очереди за мясом, которое стоило 1 рубль 80 копеек, в то время как на базаре и без очереди оно стоило 2 рубля. Эти 20 копеек были тогда большими деньгами, целая буханка хлеба, за которым тоже были очереди, даже за жестким хрущевским кукурузным хлебом со странным привкусом. Но мне он нравился. Вкуса другого, не магазинного хлеба, мы почти не знали, хотя мама иногда и пекла вкуснейший домашний хлеб.

Однажды, после 4-го класса, в сентябре 1966 г. я рано утром проснулся и услышал разговор матери с отчимом. Моя первая нукусская учительница Ая Имановна сказала как-то, что у меня способности к рисунку, и меня решили отправить учиться в Ташкент. Я слушал этот разговор, лежа в постели с закрытыми глазами, с захватывающим чувством предстоящих перемен. Я был рад уехать в Ташкент, город, откуда брат Арслан привозил связки вкусных бубликов. Прилетел. У трапа встретили брат и Саша Карпунин. У Саши была гениальная рука рисовальщика, равная руке Рембрандта. Он был родом из Чимкента. Александр Пономарев (Пономарь) – один из легендарных корифеев художественного училища имени Бенькова – тоже был родом из Чимкента. Он как-то узнал, что у Саши хорошие способности к рисованию, а мать Карпунина попросила Пономаря устроить его в интернат, который был через стену училища Бенькова, на Бешагаче. Наш класс примыкал к зданию училища. Если перепрыгнуть с крыши класса на крышу училища, то можно было попасть на его чердак. А там!... Лежало множество холстов дипломных работ студентов. На этой крыше по воскресеньям я писал этюды и рисовал. Учительница, дежурная по интернату, звала меня на обед и выговаривала: «Ты думаешь, что если выше заберешься, лучше будешь рисовать!?!». Как-то я опять забрался на крышу, а там Саша лакомился банкой своей извечно любимой «сгущенки». Он угостил меня и помог дорисовать пейзаж. Карпунина в последний раз я видел, когда учился в институте. Длинное старое пальто, рыжая борода и голубые чистые глаза. Перед кинотеатром Навои, «бисиком» (как он говорил), сняв сандалии, он сидел, скрестив ноги на зеленой траве, читал японские хокку и медитировал. Говорил обрывочно – «Искусство..., я никогда не пойму – откуда оно..., наверное..., интуитивное самопознание и познание мира». Он пристрастился смотреть индийские фильмы, потому что нашел в них что-то очень простое и искреннее. Несколько лет назад в театре «Ильхом» была выставка немногих сохранившихся работ Саши. К сожалению, Саша умер в 1989 г. в 38 лет, у него с детства было больное сердце. Это был очень наивный и добрый человек, с которым мы были очень дружны во время моей учебы в школе. Недавно я увидел в Интернете, что Саша внесен в список художников России.

У Саши была своя маска – автопортрет из гипса. Старшеклассники, впоследствии известные скульпторы Фарид Ахмедзянов и Павел Подосинников, показывали нам, как снимать с себя гипсовую маску. И мы пристрастились. Лицо намазывали вазелином, вставляли тростиночку в рот для дыхания и заливали лицо гипсом. Странно было потом смотреть на свои маски, как на посмертную маску, вроде маски Пушкина, которая висела в классе. (Фарид Ахмедзянов и в школе, и в институте относился ко мне как к братишке). Павел, Фарид, Гулям (Хикмат Гулямов) учились у могучего и колоритного скульптора Немировского и стали талантливыми мастерами, а Гулям – интересным живописцем. (Позднее как-то при встрече Фарид сказал, что Гулям в психиатрической клинике). У скульпторов в интернате была своя мастерская на заднем дворе бывшего детского дома для одаренных детей. Но, вернее сказать, в детдоме, а позже в интернате были одаренные, гениальные преподаватели.

Детдом номер 20, на Бешагаче был создан еще до войны. Кирпичные здания спален и классов располагались за забором в большом дворе с фонтаном и с задним хозяйствен-

ным двором. Это была целая страна. Через дорогу от детдома был мясокомбинат, откуда иногда ветер доносил смрад. Но оттуда же на площади Бешагач продавали удивительно вкусные пирожки по 4 копейки за штуку. Целые поколения бедных студентов-художников вскормлены этими пирожками. Эти художники, даже став уже не бедными, приезжали на своих машинах на Бешагач, вспомнить молодость, вкушая эти пирожки. Кажется, теперь таких уже нет.

Обучение детей искусству в детдоме началось когда-то с духового оркестра. Позднее в детдом и интернат набирали детей, способных к музыке, изобразительным искусствам и балету из Узбекистана и Южного Казахстана. Были в детдоме и дети политических беженцев, например, греков (Майя Гогу), курдов (Мустафа Иса Мула Шамиль).

В 50-е и в начале 60-х годов директором детдома был Михаил Соломонович Оренберг, легендарный директор. Он создал при детдоме цех по производству пластинок для граммофонов, там несколько часов в неделю работали ученики 9-10-х классов. Заработок шел детям на счета в сберкассе, и при выпуске у них были свои деньги на первое время. Часть дохода цеха шла на содержание детей детдома – в спальнях были «кремлевские» ковровые дорожки, а зимой фрукты на столе.

Возможно, этот цех кому-то понадобился, и Оренберг попал под суд за предпринимчивость и «эксплуатацию детского труда». На его место назначили нового директора И.В. (он сутками пил, не выходя из кабинета). В годы его директорства цех исчез. После него директором, но уже Республиканской специальной музыкально-художественной школы-интерната, была долгое время Мысырхон Норбутабековна Мансурходжаева, при которой интернат перевели в новое здание школы на 22-й квартал Чиланзара. Сейчас он там же и называется Лицей искусств. Помню, как однажды, когда я ночью рисовал в мастерской, случилось землетрясение 1966 года, подо мной качался пол, вокруг шатались стены. Я выскочил во двор, меня трясло от страха, а навстречу – Мысырхон-опа, обняла и успокоила.

По приезду в Ташкент вошел я первый раз в свой пятый класс. Класс был небольшой, и сидел в нем огромный старик – художник Виктор Иванович Подгурский. В Музее искусств Узбекистана, в мраморном вестибюле, я видел как-то его гуаши с видами старых китайских храмов, прекрасные акварели с подцветкой белилами и очень точными и тонкими оттенками в тенях. Подгурский после войны вернулся с женой-англичанкой (совсем не говорила по-русски) и со взрослым сыном, тоже художником, из Шанхая, где была русская эмигрантская колония. Так судьба свела меня с одним из больших и скромных художников. Подгурский, в основном, преподавал в художественном училище Бенькова. Его по училищу хорошо знал Алексей Квон, первый реставратор живописи в Музее Савицкого. Там же, в училище, вроде, преподавали и сын старика Подгурского, и легендарный Айзик Аронович Гольдрей, потерявший в ленинградскую блокаду жену и двоих детей. Квон вспоминал засаленные широченные брюки Гольдрея, как он от бедности укрывался вместо одеяла матрацем в съемной комнате с земляным полом, о его влюбленности в юную, пышную, рыжую студентку, о его перлах-фразах, которые заканчивались словами «... это не все»: «Беньков – это не все!», «Вы что думаете, что искусство это турник – это не все!» и т.п. Гольдрей приносил банки охристо-желтой краски из дома, сам готовил для студентов.

В 60-е годы мы жили в интернате, как на уютном островке, отгороженные от шумного мира большого города стеной. Здесь были знакомы каждая аллея, каждый дом, дерево и забор. Влюблялись по-детски, ссорились, мирились. Ночью, когда шли теплые проливные дожди, иногда бегали нагишом под дождем, потом плескались в фонтане с прохладной водой.

Во время большой перемены, когда все дети разбегались по двору, я оставался рядом с Виктором Ивановичем. Он внушал мне: «У людей бывают суббота и воскресенье, когда они отдыхают от своей работы и пожинаят плоды своих трудов. Но у художника нет дней отдыха, у него вечный, беспрестанный труд, а плоды труда сомнительны. Помни, это большой риск – стать художником». И Фаина Михайловна Перова, наша учительница, говорила, что у художника либо извилистый путь творческих поисков, либо прямой и примитивный путь. Две крайности, две полярности. А меня привлекал путь Ван Гога, чьи письма к брату Тео я тогда переписывал от руки. Слова Виктора Ивановича и Фаины Перовой напомнили замечание гениального графика и искусствоведа В.А.Фаворского о

том, что художником быть легко до сорока лет, далее очень сложно. В этом есть глубокая правда. Я тоже оставил живопись в 94 году, в сорок лет. Кончился кураж творчества. Последнее, что я писал, были натюрморты с овощами или с хлебом, в ту голодную нукусую осень, когда я бегал в поисках заработка.

После Подгурского у нас преподавал художник Бойко Владимир Иванович. А в старших классах нас «захватили» художники-корифеи – Бурмакин, Талдыкин, Плаксин и другие. С большим увлечением мы отдавались их урокам. По субботам и воскресеньям я пробирался через форточку в закрытые рисовальные классы и работал ночами над натюрмортами, стараясь в акварели добиться материальной точности блестящей поверхности кумгана, роскоши цвета драпировки. Такое напряжение однажды под утро вызвало у меня приступ, когда мне показалось, что я повис вниз головой, ноги у меня загибаются куда-то за голову, на меня надвигается чудовишная тяжесть, которую я не в силах перенести, меня бил озноб.

В школе я дружил с Валерием Унамом, он был сирота. Вместе вставали в 5 часов утра, бегали, «качались» на турнике. Будучи уже в институте, он женился на старшей дочери художника М., ученика А.Волкова (хотя Савицкий отрицал его ученичество у Волкова). Позднее я узнал, что Валера погиб. Потерял несколько тысяч рублей, тогда это была колоссальная сумма, то ли не перенес упреков, то ли сам не пережил – покончил с собой.

После уроков, пообедав, я отправлялся до вечера на этюды. Приходил уже затемно, мыл кисти хозяйственным мылом в раковине у входа в столовую и шел ужинать. И меня кормили, даже если ужин давно прошел. В кишлаке, за 22-м кварталом Чиланзара, почему-то было малоллюдно, стояли сгоревшие пустые дома, среди полей старинное, но уютное и не заброшенное кладбище. Могилы, засыпанные золотыми листьями, надгробия, небольшие мазары, тихие аллеи, скамейки, вековые деревья, редкие старики, обрыв реки и... небеса. Талдыкин, видимо, ошущая настроение моих акварелей, но не зная о кладбище, смотрел эти этюды и поучал: «Ты так трагически пишешь, будто тебе ботинки жмут. Откуда трагизм!? Тебе 14 лет. Будь самим собой». Несколько тех этюдов с цветущими деревьями я подарил Фаине Михайловне Перовой.

С детства я любил музыку. Папа ставил пластинки с «Парадом зверей» Сен Санса, с музыкой Паганини, маршем из «Аиды», оперу «Севильский цирюльник». Музыку я потом искал в живописи, где линией пытался передать мелодию, а цветом – гармонию. Преподаватели Плаксин и Дубровин подталкивали нас к поискам параллелей между звуком и цветом – музыкой и живописью. Увлёкся музыкой Баха. Писал его воображаемые портреты. С музыкой знакомил и композитор Борис Дубровин. Он устраивал необычные музыкальные вечера, сопровождая музыку показом репродукций художников. Усиливало интерес к музыке и то, что художники учились в одном классе с музыкантами. Бывало так, что тот, кто окончил музыкальное отделение, становился художником, но, почему-то, не наоборот. Странно, почему? Например, Таня Литвинова окончила интернат как музыкант, потом в Ашхабаде окончила художественное училище и сейчас работает в ТЮЗе художником.

В старших классах я подружился с Дубровиным. Он подшучивал, говоря, что я подражаю Модильяни, увидев однажды, что я пишу картину в легком подпитии. Дубровин был учеником знаменитого композитора Козловского. А Козловский, в свою очередь, был другом художника Александра Волкова. Помню, Дубровин показывал мне Библию и говорил, что эту Библию Козловскому подарил сам А.Волков.

Почти целый год в институте я регулярно посещал театр Навои. Пересмотрел почти весь репертуар, познакомился со всеми балеринами настолько, что ходил со служебного входа за кулисы, делал наброски, пытался передать в рисунке, как балерины парят на сцене, а за кулисами стоят согнувшись, держась за веревку и, тяжело дыша, говорят друг другу «Ой... все... больше не могу...», и вдруг опять «легко выпархивают» на сцену и летят в танце. Театр – красивые роскошные кресла, блеск огромной люстры, позолоченный орнамент, витые колонны, бездушное железо и тросы механизмов сцены, удерживающие прекрасные декорации, переливы света и цвета, роскошь, смех, улыбки, стройные ножки, пот на спинах и маленьких грудках балерин, красивых до умопомрачения даже в грязных халатах, их синие веки, локоны, дешевые блески. И на их фоне воины в шароварах смеются, плюют на пол, иронизируют. В микрофон гремят приказы, затем просьбы и потом уже усталые мольбы режиссера, худощавого молодого человека. В креслах – директор-супермен в очках, седые

композиторы и дирижеры, скользящие как тени гримеры и рабочие сцены. Волшебная жизнь.

Когда я приехал из интерната на каникулы в Нукус в 1968 году, мне было 14 лет, я узнал, что в Нукусе появился Музей искусств, который занял тогда второй этаж здания старого краеведческого музея. Я приходил и целыми днями бродил в нем. Как-то, заметив это, какой-то худенький человек, пробегая временами мимо меня, посмотрел внимательно и спросил тонким голосом: «Хочешь у меня работать?». Я сказал: «Да, хочу». Тогда он сказал: «Спроси у мамы разрешения и приходи». С тех пор, приезжая на каникулы из интерната, я пропадал в Музее, где начал со склеивания керамики, а закончил реставрацией картин, каждодневно соприкасаясь с предметами, в которых сосредоточена вечность, волей или неволей вынуждавшая задумываться о ней, оценивать все с позиций вечности.

Время от времени Савицкий выходил из фондов музея на солнце во двор и начинал перебирать куски керамики с городищ Древнего Хорезма. Уже тогда он начал собирать в музей керамику с археологических раскопок. В школьные каникулы, еще до института, Савицкий брал меня на раскопки, куда выезжал нередко с музейным археологом Юрием Маныловым. Тот впоследствии переехал в Туркмению, но в семидесятые годы работал в Музее искусств заведующим отделом археологии. В ящиках было огромное количество керамики. Полный набор черепков для сбора целого сосуда или оссуария редко попадался. Если же собиралась даже половина сосуда, остальное дополнял гипсом Жолдасбек Куттымуратов – скульптор, реставратор керамики, друг Савицкого.

Ночью углем я топил печи музея, особенно запомнилась зима 1972-1973 гг., которую по окончании учебы в интернате я провел как на каторге – топил 12 печей на 2-м этаже музея. Однажды скульптор Ж.Куттымуратов, проходя мимо, увидел меня, измазанного углем, сгибающегося под тяжестью ведер, и пошутил: «Бодришь! Ван Гог тоже начинал с угольных шахт Боринажа». Сравнение польстило, но не «воодушевило».

Здание Музея было ветхим, там надо было постоянно дежурить, т.к. не было надежной охраны, высоки были риски протечек крыши, а впоследствии и батареей отопления. Как-то замерзли трубы, которые шли в музей под открытым небом от котельной гостиницы «Нукус». Там остановили котельную, но не предупредили работников музея. И чтобы не полопались батареи, мы всю ночь с Дамиром бегали с паяльной лампой и разогревали эти трубы и батареи. Страшно подумать – что было бы, если бы их прорвало, и кипятком залил бы музей и картины?!

Днем я клеил керамику, для увлажнения воздуха расставлял тазы с водой в залах для экспозиций. При Савицком часто меняли экспозиции, пробуя и так и сяк развешивать картины. Из-за недостатка места он остановился на шпалерной развеске – картины висели близко друг к другу по авторству или периоду истории. Тогда Савицкий сказал: «Дома у Ульяновых картины висели на стене в 4 ряда, я повесил так же», – и засмеялся, обрадовавшись своему объяснению.

В музее я начал учиться реставрации у Алексея Квона, у приезжих реставраторов живописи, а продолжил уже после службы на флоте и после курсов реставрации в Москве. Профессиональные реставраторы из Москвы работали в небольшой комнатке. Тогда я подружился с Анатолием Макаровым, сильный мужик с окладистой бородой, невысокого роста, он поднимал, не сгибая руку в локте, полное ведро воды над головой. Для меня, школьника, он был потрясающе могуч. Но как нежно он наклеивал папиросную бумагу с рыбьим клеем на потрескавшуюся краску масляных холстов, проглаживал утюжками эти места; потом смывал теплой водой папиросную бумагу, грунтовал холст и тонирил красками места, утратившие красочный слой. Многому я научился у него, но ведро, не сгибая руку, так и не смог никогда поднять.

Среди искусствоведов были Валя Панжинская, одна из авторов книги о музее, Наташа Моисеева из Ленинграда, Лена Худоногова из Красноярска.

Наташа Моисеева заканчивала учебу в Ленинградской Академии художеств и диплом писала по творчеству Эрнста Барлаха – почему-то в Нукусе. Она хорошо владела немецким языком и советовала изучать язык по оригинальному тексту «Фауста» Гете, сравнивая его с русским переводом «Фауста». Потом я обнаружил, что таким же методом изучал языки археолог Генрих Шлиман. Наташа увлеклась резьбой по дереву, ездила в Кунград к известному резчику по дереву школьному учителю рисования, к Володе (Аману) Атабаеву. Он подарил ей для резьбы доски из ступ, в которых сбивали масло, хорошо

пропитавшее дерево. Это был щедрый подарок. Наташа жила на квартире у Гали Маджитовой, заведующей отделом прикладного искусства. В юности Наташа много странствовала по всему Союзу, «зайцем» даже в Сибирь летала. От кого-то я слышал, что она хотела от Игоря Витальевича ребенка, он очень растерялся, сконфузился. Возможно, это сплетни досужих выдумщиц, но, кто его знает, может быть, и осталось бы у Савицкого потомство... Спустя годы, я узнал, что она ушла в один из Новгородских монастырей.

«В Москву, в Москву, в Москву»... и обратно

После интерната мы с одноклассником Сережей Макариком решили: если учиться, то в Москве. Шансов поступить в Ташкентский театрально-художественный институт было куда больше, т.к. в институте работали те же педагоги, которые преподавали и у нас в школе.

Ехали поездом долго, но весело. Сначала поступали в Высшее художественно-техническое училище им. Строганова, в просторечье «Строгановка». Нашли приемную комиссию, показали свои работы. Мои работы понравились, в них увидели «пространственное мышление» и велели сдавать документы. Работы Сергея почему-то не прошли. Из солидарности с Сергеем я не стал сдавать экзамены. Поехали в институт им. Сурикова, но там вступительные экзамены уже прошли. Сдали документы в полиграфический институт, жили в общежитии в Люберцах, в лесу. Ездили на экзамены на электричке. Спорили о революции в искусстве, ходили в Третьяковскую галерею и в Пушкинский музей. Лето было очень жаркое и дымное, под Москвой горели торфяники. Сергей экзамены сдал, но не стал поступать, т.к. я провалился на экзамене по шрифту. За такую вот солидарность мы расплатились годами армии. Макарика забрали во внутренние войска, он провел 2 года, охраняя заключенных в Казахстане. А я прослужил 3 года на Северном флоте. Уже после учебы в ташкентском институте я узнал, что Сергей погиб в драке, в которую ввязался, пытаясь защитить своего брата.

Отчим слал мне в Москву подробные письма-инструкции. Как экономить деньги, как на 10-20 копеек покупать пирожки, хлеб, описывал свой опыт аспирантской жизни в столице и думал, что я из этого выведу практический урок. Но ... в Люберцах мы несколько раз ходили по вечерам на танцы, познакомились с местными девушками, на знакомство с ними и соответствующее продолжение знакомства ушли последние 30 рублей, тогда это была огромная сумма. На обратную дорогу денег не хватало. В Ташкент добирались «зайцами». Помогла добродушная проводница, с ней мы рассчитались по приезду. Трое суток в пути кормили сердобольные земляки-узбеки.

Вернувшись в Нукус я стал думать – где бы заработать денег, чтобы помочь матери. Многие художники подрабатывали тогда «халтурой», пейзажи хороших художников висели в банях, больницах, гостиницах, в колхозных конторах.

Я подрабатывал с двумя ленинградскими художниками, которые оформляли новый аэропорт. Они платили по-честному. Работали они необычно – грунт под картины делали не белый, а черный и по нему работали светлыми красками. Несколько таких работ купил Савицкий, настолько это было ново.

Потом пробовал работать в рекламном бюро художественного оформления города. Ходил туда целый месяц, брал с собой кусок хлеба, сухого сыра, кое-какие книги почитать в обед. Доделывал незаконченные кем-то плакаты. Перед ноябрьскими праздниками в рекламное бюро пришел молодой человек из КГБ и предложил написать для фасада их здания лозунги. Никто за это не взялся, и потому взялся я. Всю ночь я писал революционные лозунги «Жасасын улуг Октябрь» и «Да здравствует Великий Октябрь». Потом я понял, почему другие не соглашались работать. За оплатой я упорно и настойчиво ходил около 2-х месяцев и с большим трудом получил «целых» 20 рублей. Коллеги по работе удивились – до того никто из них получить оплату в этой организации не мог.

Савицкий предлагал мне работу в музее, но я считал, что должен помочь матери, они с отчимом продали дом, чтобы содержать нас в интернате. А в музее была очень маленькая зарплата. Да и Маггазин соблазнял: «Если ты пойдешь к бессребренику Савицкому – будешь всю жизнь без денег, иди ко мне, я научу тебя быстро работать и хорошо зарабатывать, а искусство от тебя не уйдет». Но я не успел сделать выбор, призвали служить на Северный флот.

После службы возвратился в Нукус и уже на следующий день пошел к Савицкому, получил у него свои холсты, картины, которые оставлял на хранение. Жалко, что не-

сколько чемоданов своих рисунков и неплохих акварелей я сжег перед службой, дома возмущались, что я завалил квартиру своими работами. Надо было оставить графику у Савицкого, он бы сохранил. Он знал цену ранним работам художника.

«И мысль шла по лучу Света, пока не стала Миром...»

В Ташкентский театрально-художественный институт поступал неохотно, да и Савицкий отговаривал, считал, что институт меня только испортит. Но брат настоял – «Интернат ведь тебя не испортил!»

Вместе со мной тоже после армии поступали Сергей Макарик и другие одноклассники. Купили новые этюдники, я купил часы, чтобы не опаздывать на экзамены. Но сначала я поехал к Фаине Михайловне Перовой, моей любимой учительнице и покровительнице в интернате, попросил замолвить за меня слово при поступлении. Второй попытки поступления в институт не было бы – я это знал. Когда поступил в институт, приехал к Фаине Михайловне поблагодарить ее, она пригласила меня на ужин, испытывая неловкость пошел, и не зря – на ужине были великие художники Токмин и Перов!

Перов относился ко мне сдержанно, с некоторой иронией. И когда я восторгался Ван Гогом, замечал, что нужно не подражать, а, прежде всего, капитально учиться рисовать, Ван Гог – это самоучка и т.д. Конечно, он был прав в том, что художник-ученик должен ставить в основу творчества крепкую художественную школу, а не слепо подражать мастерам. У Перова был любимый ученик Шухрат. Он писал жанровые картины, был другом Абдуллы Арипова, тогда еще не успевшего стать ни Народным поэтом, ни автором гимна Узбекистана. К сожалению, жизнь Шухрата оборвалась в 30 лет, в 1976 году. Как я слышал, он праздновал что-то в своей мастерской, побежал в магазин в гололед, поскользнулся, попал под машину не успевшую затормозить.

Прекрасный живописец и очень тонкий художник Токмин жил в Доме художников на Актепе. Однажды, в новогоднюю ночь, у него загорелась электропроводка и начался пожар. Эта была страшная трагедия. Иногда на выставках я видел полуобгоревшие останки-фрагменты его работ. Мы, студенты, услышав про пожар, поехали к нему на Актепе, как на похороны. На верхнем этаже были почерневшие, обгорелые стены. Художник Талдыкин, мой учитель в интернате, сунул мне деньги и сказал, чтобы я купил две бутылки водки. Художники относились тогда к студентам как старшие братья к младшим. В связи с этим помню, в ОДО была выставка «Венгерская пейзажная живопись», я был там вместе с художниками Мельниковым и Рузы Чарыевым, мы зашли в кафе, и они послали меня за водкой. Я принес, они выпили и даже мне налили. Послать младшего коллегу за водкой – это было знаком признания. Гордый, сытый и пьяный студент-художник – что может быть прекраснее!

Деканом факультета в институте был знаменитый Лимаков, заведующим кафедрой рисунка – художник Иван Иванович Енин, прекрасный рисовальщик.

На первом курсе рисунок и живопись вел у нас очень красивый, рыжебородый, мудро-философичный учитель Юрий Чернышев. Он окончил Суриковский институт в Москве. Как-то писали натюрморт, очень старались, а Чернышев расстроился: «Проклятые импрессионисты, они всем вскружили голову, вам тоже!». Но позже, на третьем курсе, похвалил мою живопись, сказал «Мошно!» и одобрил рисунки «Мошь», «Убедительно», «Памятник стулу» и сказал: «Ты мой лучший студент в рисунке, ты подкупаешь личность и искренностью». Я, по его словам, становлюсь Мастером. Что может быть радостнее такой оценки Учителя! И Кокоткин хвалил мою живопись. Но зря хвалили, я возгордился и начал писать спустя рукава, ушел в студенческие пирушки. В следующем семестре Чернышев отрекся от своих «преждевременных» оценок и ругал – «Это рисунки начинающего, а не студента». Я стоял бледный от недосыпания, не зная, куда деть руки.

Учителя в институте не просто преподавали нам рисунок и живопись, а обсуждали с нами историю и проблемы искусства. Как-то с Чернышевым мы завели разговор о Савонароле. Я уважал Савонаролу за искренность и фанатизм, считал его неистовым борцом против роскоши, изощренности и извращений. А Чернышев сказал, что он сжег на костре инквизиции четыре картины Боттичелли, и ничто не может оправдать его.

Историю искусств преподавала Эльмира Ахмедова, очень красивая женщина. Я тайно влюбился в нее и рисовал ее во время лекций, за что она мне объявила строгий выговор, конечно, за рисование, про свою тайную тогдашнюю влюбленность я проговорился поч-

ти 30 лет спустя. А тогда, в аудитории, она посмотрела рисунки, подобрела и даже предложила несколько книг по истории искусств. Как-то, увидев, что я перестал рисовать ее, она сказала: «Жаль, что Вы меня теперь не рисуете». Я ответил: «Я бы рисовал, но боюсь Вас разгневать». Она пошутила: «А я с утра в пятницу готовлюсь к тому, что вы будете меня рисовать». По тем рисункам позже я написал ее портреты.¹

Лучшая черта в человеке, особенно в учителе – это доброта. Таким вселюбяще добрым человеком был Александр Сергеевич Кокоткин. Кокоткин был для меня и учителем, и другом. Он вел «Интерьер и оборудование» и дал нам основательное авангардистское образование, научил элементам формообразования, основам цветоведения, пространственного и пластического мышления в традициях раннего ВХУТЕМАСа, немецкого Баухауза, Югенд-стиля, Ле Корбюзье. Он окончил Мухомовское училище, там женился, потом развелся, сын его жил в Казани, но приезжал к отцу и бабушке. Вид у Кокоткина был солидный, огромная уральская седая борода чуть ли не до пояса, такие же седые волосы, очки, худой, высокий, вальяжный, мне казалось, что окружающие должны обращаться к нему «Ваше Высокоблагородие». Происходил он из русских инженеров и из «важных» купцов, которые приехали в Ташкент еще до революции. Жил со своей престарелой матерью в домике около старого ТашМИ. Соседи его звали «Саша – архитектор». Во дворе из пахсы он построил овальной формы мастерскую для чеканки, чтобы своим стуком не мешать матери. В углу была печка вроде камина, стол, пластинки, книги. Мы часто приходили к нему и целые вечера, а то и ночи проводили за бутылкой вина. Был у него огород, который мы иногда пропалывали, а вокруг бегала и мешала работать огромная собака Лада. Иногда мы ездили на этюды в горы. Я так много там писал, что Кокоткин говорил: «Ты как будто двумя руками пишешь эти горы».

Кокоткин рекомендовал меня в студенческое научное общество, где мы с другом Гришей Капцаном узнали много полезного. Последние 3 месяца обучения мы спешно, сутками напролет, делали дипломную работу и, конечно, «отлично» не получили. Наша богемная жизнь не привела ни к чему хорошему.

Гриша жил недалеко от гостиницы «Россия», снимал комнату с небольшим двориком. Вся стенка в прихожей была завешена пустыми консервными банками, а комната была завалена картинами, рисунками, его стихами. Там собиралась небольшая компания молодых студентов-евреев из института, часто бывал там и я. Слушали рок, джаз, Высоцкого. Я записывал на катушечный магнитофон отрывки из книги Шпенглера «Закат Европы», а вечерами чистил этот магнитофон для предстоящих «кутежей». Старостой у нас был «Петруччио» – Петя Кравцов, очень обязательный, добрый человек.

Некоторое время я жил у Димы Желудева, а напротив жил молодой преподаватель-монументалист В.Карякин с семьей.

Квартиру позже помог мне найти одноклассник Рамиль, все там же на Бешагаче, в доме Надежды Ивановны Василины, бывшей учительницы. Жил скудно: покупал супы в пакетах по 15 копеек и варил в сковороде, выбирался на базар за горячим хлебом и бешагачскими пирожками. Но постепенно обзавелся посудой и планшетами – необходимый минимум для студента-художника. Частенько Надежда Ивановна подкармливала своего квартиранта.

Ко мне часто навевались однокурсники и одноклассники, среди них была одноклассница Люда. Мы с ней ходили в кино, старательно гуляли в парке. Как-то ко мне пришли два ее брата и сурово молвили: «Женись». Я и сам был не против, и поспешил воспользоваться предложением. Свадьба состоялась. Казалось, что жизнь продлится недолго, я жил в ожидании ядерной катастрофы. Готовился к партизанской войне по книге Че, ходил по несколько часов с отцовским военным планшетом и с рюкзаком, набитым книгами, по окрестным холмам. Как-то пешком дошел до 22 квартала Чиланзара и оттуда вернулся на Бешагач. Тогда я подражал Че Геваре даже в одежде – куртка, бриджи с большими карманами, беретка со звездочкой.

Учеба шла неровно из-за «богемной» студенческой жизни. Со второго курса не получал стипендию. Но Савицкий или мать ежемесячно присылали по 50, а то и целых 100 рублей! На эти деньги жил, покупал краски, карандаши, планшеты, еду.

Бешагач был тогда людным местом, люди приезжали гулять в парке, купаться в Комсомольском озере (так оно тогда называлось).

За озером была древняя махалля, и жил там простой люд, но были там и семьи бывших

¹ См. этот портрет работы Э.Жолдасова на 3 странице обложки.

русских дворян, с одной из них я подружился. Базар Бешагача бурлил, стояли бочки с пивом, ослы в арбах, арбакеши. Мы садились на асфальт у входа на базар и делали зарисовки. Ежедневно и чаще ходили купаться в старинную баню на Бешагаче, где можно было постирать белье. В праздники или после просмотров-экзаменов около 20 студентов и преподавателей собирались в моей комнате, пили вино, спорили об искусстве, танцевали. Хозяйка Надежда Ивановна была из Сибири и поучала нас: «Как сибирские мужики вы пить не умеете, они пили в два-три раза больше вас, но и ели в пять раз больше, поэтому не становились алкашами. А вы станете, если только пьете и не закусываете!». А где ж было взять закуску студенту? Только у безотказной хозяйки.

Помню, преподавал у нас где-то с полгода философ, довольно пьющий. Впрочем, в те времена это был удел всех настоящих философов. Узнав, что я знаю экзистенциалистов и их учения, он не стал экзаменовывать меня и просто поставил зачет. Лекции по философии он читал изумительно. Несколько суток мы провели с ним в дискуссиях за 20-литровой бутылкой домашнего вина, периодически впадая в философское «небытие» и вновь возвращаясь в «несовершенное бытие».

Я устал от этой бессмысленной учебы и обязательности псевдо-богемной жизни, впадал в отчаяние, и спасал меня только Савицкий. Забросив учебу, я вдруг срывался в Нукус, жил не у родителей, а у Савицкого, и ритм его жизни, его душевное спокойствие возвращали мне уверенность в себе, желание учиться.

Савицкий часто и сам приезжал ко мне в Ташкент, порой оставлял на хранение приобретенные им картины, которые я привозил потом в Нукус. Как-то мы паковали картины Кашиной, и он предложил мне в будущем заменить его на посту директора музея, начав со слов: «Когда-нибудь я сдохну...», пренебрежительно выражаясь о неизбежности своей смерти. Но когда я поработал в музее, он говорил уже другое: «Ты не готов управлять коллективом музея, – будешь тиранить людей, внесешь в музей раздор, конфликты, и сотрудники от тебя разбегутся». Провидец!

Но сбежал из музея я сам. Вечерами он просматривал мои работы и был очень недоволен – ругал... Увидев прошлогодние работы, сказал, что они интересны, в них виден я как художник. Привел в пример работы Рождественского, Шевченко, Фалька. После вина, разбавленного водой, мы помечтали о пользе Парижа для художника. «Но только для уже сложившегося мастера» – подчеркнул он. В конце «лекции» отобрал около 60 моих работ для выставки в музее, решил, что приобретет их. Уже в трамвае говорил, что есть возможность приобрести Сурбарана, но у музея огромный долг и острая нужда в строительстве нового здания, о том, что музею нужны преданные, а не случайные сотрудники и художники. Указал на мою несобранность и привел в пример самодисциплину Ван Гога. Прошаясь на перроне вокзала, поучал: «Вот посмотри вокруг – ты видишь какой колорит, как он разнообразен, как изменчив? А ты пишешь не реальный пейзаж, а то, каким ты его чувствуешь, как его видишь. Писать надо пейзаж, а не себя в нем, тогда ты и сам проявишься в пейзаже».

Несмотря на «богемную жизнь», в студенческие годы я много писал, особенно плодотворной была осень 1980 года. Тему для дипломной работы я выбрал сам. В Нукусе намечалось строительство нового музея, и я начал проект по оформлению интерьера и экстерьера. Савицкий посоветовал обратиться к главному архитектору проекта Алефтине Козловой, дал мне записку для нее. Она работала в институте Ташгипроект, представила мне копии планов нового музея, и с этими планами я начал работать. На боковые панели внешних стен сделал эскизы монументальных росписей и эскизы интерьера со статуями. Но завершить работу не получилось по разным причинам.

Взял другую тему – монументальную роспись театра «Ильхом». Представил на экзамен дипломный проект, защитил его, захватил свои картоны, эскизы и поехал домой. По дороге немного выпил и лег спать. А сокурсники пошли в лагманную, посидели в ней и разошлись, особого праздника не получилось. Начало в институте было романтическое, вдохновенное, а конец...

Пора в Нукус, к Савицкому. Прощай Ташкент, мой любимый «Париж Востока»!

В музее Савицкого

После института в Музее меня встретили уже не как «студента». Я никогда бы не пошел работать в музей, если бы не личность Савицкого.

Игорю Витальевичу было тогда около пятидесяти. Он был энергичен и пропадал в Му-

зее с раннего утра и до позднего вечера, даже ночевал в музее на раскладушке в темной дальней кладовке, где в ящиках на пристенных полках хранились археологические находки. Зимой в этой комнате было холодно, поэтому он укрывался поверх одеяла полиэтиленовой пленкой. Он мог бы ночевать и в теплой канцелярии, служившей ему кабинетом, но она была настолько мала, что в ней могли разместиться только стол и стул.

Коллектив в музее в основном был женский. Савицкий, успокаивая, говорил мне по поводу моего неумения ладить с женщинами: «Когда женщина имеет свою голову, с ней лучше не иметь дела» и «Держись от них подальше». Но у меня не получалось. По поводу и без повода возникали ссоры с последующими примирениями до следующей ссоры.

По приезду в музей я сразу же был направлен в срочную командировку в Казань. Савицкого попросили устроить там большую выставку картин из музея в дни культуры Каракалпакии в Татарстане. Он назвал ту декаду – «Пир в Казани во время чумы в Нукусе». Уже тогда началась шумиха в прессе об аральской катастрофе и угрозе от нее людям.

Поехал я в Казань забирать выставку с молодым художником, окончившим Алма-Атинское училище. Прилетели, упаковали полный товарный вагон картин и экспонатов. Почти месяц ташились в этом вагоне от станции к станции. У входа в вагон спал я, стерег экспонаты. А напарник спал в глубине, все боялся, что из-за этих экспонатов, которые стоили уже тогда миллионы долларов, зарежут первым того, кто спит у входа. На каждой станции приходилось давать железнодорожникам на бутылку, чтобы наш вагон быстрее прицепили к очередному поезду. Мы просили спускать вагон с горки осторожно, но, наверное, одной бутылки было мало, поэтому много керамики побилось в резких толчках при стыковке вагонов. Я очень расстраивался из-за этого и жалел, что не отказался от поездки, но отказать в просьбе Савицкому не считал возможным. Приехали мы в Нукус, черные от поездной копоти и грязи. Эту поездку скрасили казанские художники, которые чествовали нас в пивном баре, доставили до вагона, дали в дорогу продукты. И конечно, обратный путь домой скрасили пейзажи – холмы и степи России.

После этой поездки я был командирован в Москву к Савицкому, помогать собирать у наследников художников картины и доставлять их в Нукус. Застал я Игоря Витальевича в квартире вдовы художника Кибардина, в знаменитом доме художников, построенном по инициативе Фаворского. Тогда, в Москве, я первый раз поссорился с Савицким из-за квартиры, которую я просил, и без которой моя жена с детьми не могли приехать в Нукус.

Хорошие люди, «нехорошие» квартиры и «квартирный вопрос»

Квартиру я получил в одном из домов, построенных ленинградцами в начале 50-х годов для строителей великой сталинской стройки века – Главного туркменского канала. Когда-то эта была первая квартира Савицкого в Нукусе и первое помещение для экспонатов будущего музея. Вход в нее был не из подъезда, а прямо со двора в прихожую, бывшую лоджию, закрытую кирпичной кладкой. Ванная с туалетом справа от прихожей, за фанерной перегородкой. Дальше комнатка, разделенная такой же некрашеной фанерной перегородкой на две. Одна чуть побольше, с высоким окном, и меньшая – кухонька – с окошком в ванную, где Савицкий отмывал будущие экспонаты музея, стирал ковры и вышивки, которые он собирал в аулах Каракалпакии.

Вторую однокомнатную квартиру Савицкий получил в 1970-е годы в только что построенных Черемушках. А в его прежней квартире, до того как я поселился, жила семья молодых искусствоведов из Ташкента, Алика Нишанова и Эльмиры Газиевой. Эльмира работала в музее заместителем директора по науке, вплоть до конца восьмидесятых годов. В этой же квартире в 70-е годы жила искусствовед Валя Панжинская, автор первых публикаций о музее.

В один злосчастный день в этой квартире Савицкий оставил включенным утюг. Соседи заметили дым и огонь, вызвали пожарных и самого Савицкого. Много картин, книг, вещей сгорело. Но часть картин сохранилась. В фондах музея я видел кипу больших холстов с натюрмортами московского периода его творчества 30-40-х годов. Эти холсты сильно обгорели с краев, т.к. были сняты с подрамников, но не были свернуты в рулон. Наверное, в музее их уже натянули на подрамники. Когда-то это надо было сделать. Живопись его классическая, мастерски исполненная. Натюрморты были написаны на заказ для государственных учреждений. Но почему-то не были приобретены и до Нукуса хранились в Москве, в квартире учителя Савицкого Н.Ульянова, где жила ученица Ульянова Кира Киселева.

Третья, двухкомнатная, квартира Савицкого была в новом девятиэтажном доме, напротив школы Пушкина и спортивного зала, которые я из окна рисовал пастелью, ловя состояния и смену свето-цветотеней. Когда я жил у него в этой квартире, он каждый день мыл полы сам, водил ногой мокрую тряпку по полу (трубка для вывода пищи из брюшной полости не позволяла ему наклоняться). Для него это было что-то вроде физкультуры. Вставал Игорь Витальевич всегда затемно, часов в 5-6 утра. Но и ложился часов в девять вечера, сразу после программы «Время», которую смотрел, чтобы быть в курсе того, что делается на белом свете. Ничего другого по телевизору он не смотрел.

С утра еще до завтрака один из нас бежал в музей открывать или закрывать окна, в зависимости от времени года. После завтрака мы отправлялись в Музей и не замечали – как проходил день. После заката, возвращаясь в квартиру, Савицкий любовался красотой и разнообразием ночного городского пейзажа. А ночной Нукус был действительно красив – притихший, светящийся многочисленным разноцветьем окон, под низкими махровыми звездами. Савицкий восхищался тонкой игрой цвета и света на восходе и на закате – на деревьях, на зданиях, облаках и говорил, что только сейчас, в старости, когда он уже давно оставил занятия живописью, он по-особому, иначе, чем раньше, видит цвет. Иногда он спрашивал сам себя, что было бы, если бы он сейчас попробовал писать, что бы вышло из этого?

Об этой последней квартире Савицкого рассказывали то ли легенду, то ли быль. После первой операции Савицкий лежал в больнице, кто-то из кремлевских врачей в Москве (возможно и академик Ефунин) при осмотре секретаря обкома партии из Нукуса спросил: «Как поживает Игорь Витальевич Савицкий, как его здоровье? Говорят, он лежит в больнице». В ходе разговора пациенту дали понять – кто такой Савицкий. После этого в душную палату, где лежал Савицкий, начались визиты высокопоставленных посетителей с пакетами фруктов и еды. (Савицкий говорил, что это было что-то вроде оперетты с вбегающими и выбегающими героями). Кто-то из тех посетителей спросил: «Игорь Витальевич, в чем Вы нуждаетесь?» Савицкий, как он сказал, «нахально» попросил квартиру. Вскоре ему сообщили, что он может получить ордер и ключи от квартиры. Кто-то из руководителей торговых организаций после упоминания Савицкого о том, что квартира не обставлена, предоставил бесплатно огромный тогда дефицит – импортную югославскую или румынскую мебель на витых ножках, другой – импортную посуду и хрусталь. Пыльные черепки лежали внавалку на полированной мебели, диване, креслах. В общем, эта квартира, как и прежние квартиры, использовалась по прямому назначению реставрационных мастерских и хранилищ музея. А посуда и хрусталь пылились в импортной «стенке», ел Савицкий, как обычно, из металлической миски.

А в 1982 г. в той самой «исторической» и первой квартире Савицкого поселился я с семьей. До меня там жил фотограф музея Эдик Муратов. В квартире была только шаткая самодельная деревянная кровать. Сейчас я со стыдом понимаю, что это было единственное жилье Эдика, поэтому, пока не приехала моя семья, мы жили там вместе. Очень много хлопот мне доставила эта квартира, особенно, ежегодный ремонт водопроводных и канализационных труб, которые каждую зиму лопались от мороза. Приходилось самому долбить мерзлую землю до магистралей, нанимать сварщика, сантехника, покупать трубы, укладывать их и просмаливать. Но самым горьким было то, что соседи сверху вывешивали в своей лоджии мокрое стираное белье, с которого капало, там же мочился огромный пес, похожий на собаку Баскервилей, и все протекало к нам на первый этаж.

Это теперь я понимаю тогдашний внимательный взгляд Савицкого и его вопрос: «Ты действительно ЭТУ квартиру хочешь получить?». Он намекал, а я, по своей глупости, решительно ответил, что хочу именно эту квартиру, моей семье нужен был свой угол, каким бы он ни был. Мне казалось, что он дерет с меня три шкуры, временами меня охватывала слепая ярость. Так опостылело тащить на себе мелкие хозяйственные дела экспедитора музея, вместо того, чтобы полностью отдаться живописи, но Савицкий воспринимал это как измену, и всякий раз я смирал свою ярость перед величием его дела до очередной вспышки.

В 1984 г. я написал Савицкому, когда он лечился в московской больнице, письмо, в котором отчаянно просил поменять мою квартиру на его, поскольку дети задыхаются от потоков собачьей мочи. Ирина Коровая передала мне через Альвину Шпаде это письмо обратно и написала, что я поступил как Апостол Петр, который отрекся от своего учителя.

ля Христа. Сравнение хромает, просьба об обмене квартир – это не отречение, но плохо, что просил я об этом в бездушном письме на пороге его смерти. Но я не верил, что он умирает, потому что этого просто не могло быть. Однако слова Ирины меня смутили. Я написал Игорю Васильевичу покаянное письмо. Думаю, что он получил его, потому что звонил из Москвы в музей и просил, чтобы мне помогли с расширением жилплощади. Но без него выполнить это было уже некому.

Такая вот история о хороших людях, «нехороших квартирах» и «квартирном вопросе»...

Как было на самом деле...

И.В.Савишкому и его музею преданно служило множество сотрудников, о которых обязательно кто-то должен написать, и которые не должны остаться безвестными. Я же пишу о тех, кто уже ушел из жизни, и о ком вряд ли кто-то напишет.

Реставрации картин меня начал учить, еще до курсов в Москве, мой мудрый старший друг Алексей Квон, Кун, Конфуций, как я его называл. Он был первым реставратором музея и отреставрировал множество картин («Караван» А.Волкова и работы других художников).

Квон родился в 1932 году на Дальнем Востоке и в трехлетнем возрасте, как многие корейцы, выселен и попал в Каракалпакию. В начале 50-х годов Алексей окончил училище Бенькова и приехал в Нукус. Савицкий говорил, что Квон – это белая ворона среди предприимчивых корейцев Нукуса, потому что Алексей был бескорыстен и чист душой, как ребенок.

Алексей ценил в Савицком живописца и человека высокой и доброй души. Приведу трогательный и отчасти комичный случай. Как-то мы с Савицким сначала вели, потом несли вдвоем, и затем я сам нес на спине подвыпившего Алексея. Савицкий бежал сзади, поддерживая его голову, и объяснял невменяемому Алексею – почему нельзя пить.

Савицкий часто повторял, что Алексея надо спасать, и запирали в Музее, изолируя от спиртного, и вот там-то Квон и написал «Расстрел комсомольцев», свою фундамен-

Коллектив сотрудников музея.

тальную сюжетную картину, которой заслуженно гордился. Репродукция этой картины напечатана в книге о Музее. В той же книге приведен изумительный портрет старика-каракалпака с очень лукавым выражением лица. Этот портрет Алексей написал в один присест, но руки старика не успел дописать, поэтому картину срезал по пояс.

Алексей собирал чудные необычные картины из рыбьей чешуи, а из рыбьих костей абстрактные и прикладные конструкции. Он часто ходил на берег канала Кыз-Кеткен и писал там на небольших холстах этюды с мальчишек, пейзажи. Дома писал маленькие

натюрморты, буквально с ладонь, и много рисовал. Квон говорил: «В рисунке – это я тебе говорю тайну, которую никому не говорил – важен не сам рисунок, а то, что не нарисовано, но должно быть увиденным». Он рисовал, оставляя естественные пустоты на листе, которые выгодно оттеняли виртуозные линии и тени. Мы обнаружили эти пустоты и в рисунках у Рембрандта, который в пустотах воплощал недосказанность, ожидая сотворчества зрителя. И в этом сотворчестве заключена суть и тайна искусства.

Квон много лет после ухода из музея жил в затворничестве – в маленькой убогой комнатке, пристроенной к дому мастерской, где сам смастерил мольберт, диван, стулья. У окна была полка с несколькими книгами по искусству и среди них – история искусств Японии, которую ему подарили Виктор и Валя Панжинские.

Я часто приходил к Квону, чтобы в беседах поддерживать друга. Он часто меня поругивал «Если взялся за искусство – нужно делать дело и перестать болтать» или «Ты как старик, который никогда не был молодым». Видимо, наивный и глупый старик...

Квон много курил, но пить бросил. Это единственный случай в моей жизни, когда человек сразу и окончательно бросил пить и почти до смерти не пил, за исключением одного периода, когда у него начали отказывать легкие. Матушка его, Мария, приносила иногда водку, которая помогала ему дышать и, может быть, поэтому он прожил еще некоторое время.

За год до его смерти Жолдасбек Куттымуратов, который помогал Алексею чем мог, привел каких-то иностранцев, кажется, из Бельгии, и те купили у него за 200 долларов очень много рисунков и даже работу самого(!) Савицкого, когда-то ему подаренную. На эти 200 долларов Квон купил телевизор взамен старого. Очень любил фильмы, забывался в них. До покупки этого телевизора, он несколько лет подряд ежедневно ходил в кинотеатр на один и тот же сеанс. К нему так привыкли, что когда он однажды запоздал, сеанс задержали до его прихода.

Алексей был из поколения довоенных мальчиков, которые пронесли через свою жизнь веру в добро, в искусство, в чистоту человеческих отношений, и потому сумели сохранить достоинство и высоту Духа в бедности. Наверное, эти мальчики ушли вовремя, сегодняшнее время они бы не приняли, да и оно бы не приняло их.

Из давних сотрудников музея я вспоминаю дядю Володю (Амана) Атабаева и его сводного брата Эдика Муратова. Володя был скульптор, резчик по дереву (предпочитал промасленное дерево ступ, в которых сбивали масло). Он закончил Ташкентское училище Бенькова. Эдик Муратов долгое время работал фотографом в музее, создал замечательный фотоархив (если этот архив и его работы сохранены?).

Володя был гигантского роста. Эдик же был маленьким, шуплым, но у него был удивительной глубины бас. В 60-е годы Эдик учился вокалу в Нукусском музыкальном училище, которое тогда только открылось, и пел в фойе кинотеатра «Родина» перед сеансами. В счастливые минуты жизни и в застолья пел арии и романсы «О, если б навеки так было...», или «Налей полней бокалы! Кто врет, что, брат, мы пьяны? Мы трезвы, ей Богу...».

Оба брата были знамениты невероятной храбростью в охоте на кабанов. Но Володя был храбр осторожно, боялся осиротить дочерей. Днем он высматривал кабаньи тропы в зарослях тугаев под Кунградом, отправлялся туда на ночь, окапывался и лунными ночами ждал кабана. А Эдик охотился рискованно и без окопа. Но больше Эдик любил рыбалку, ловил метровых усачей, сазанов, полуметровых лещей, которыми подкармливал нас на раскопках хорезмских крепостей.

Часть Володы Атабаев приезжал к Савицкому в музей. Когда он только приближался к музею, было слышно, что идет громогласный кунградский «Хемингуэй». Конечно, он курил не сигары как Хэм, но дымил крепчайшим табаком из огромных самокруток. Возвращался Володя в Кунград в грузовике, груженном большими пнями и бревнами. Однажды он и меня взял с собой в Кунград. Всю дорогу, более 100 км, я просидел в кузове на бревнах, отбил себе все, что можно было отбить. Погостил у него несколько дней, написал несколько пейзажей. Утром дядя Володя нарезал огромные куски хлеба, огурцов, помидоров, и мы уминали из огромных сковородок свежую кабанятину. Обрато я привез от Володи несколько пакетиков с мумие для Савицкого и окорок копченого кабана. За ними я и ездил в Кунград.

Я был в восторге от Володи и называл его великим скульптором. На что Савицкий, посмеиваясь, соглашался, но отмечал, что я перебаршиваю. Савицкий любил его и был к нему привязан. Они были на «ты». Володя считал Савицкого старшим наставником и

тонким ценителем своих изделий из дерева – скульптур, масок, орнаментальных композиций, медальонов, царских кресел.

После похорон Савицкого Атабаев продал свой уютный дом с огородом в старом городе Кунграда, купил полдома в Ташкенте и переехал туда с грудой заготовок для своих будущих скульптур. Устроился на работу в дирекцию выставок реставратором по дереву, но ни творческая, ни реставрационная работа не заладились, как и отношения с людьми. При его провинциальном простодушии и открытости ташкентцы оказались для него слишком хитромудрыми. Переживал свой переезд и не прожил даже года после смерти Савицкого. Почему я об этом пишу? Когда хоронили Савицкого, Володя спрыгнул в могилу, чтобы мягко принять гроб и опустить на дно могилы. Не очень-то верю в приметы, но уж очень скоро после смерти Савицкого умер Володя...

Эдик после долгих мытарств получил все же однокомнатную квартиру в микрорайоне, неподалеку от бани «Хаммом», где и был найден однажды мертвым. Задолго до этого его оставила жена, Эдик запил, ружье свое отдал другу Миру Аймурзаеву, но и без ружья остался охотником... на голубей. И я с ним лазил на чердаки домов, когда у нас не было денег на закуску.

Между Светом и Тенью...

После смерти Савицкого я некоторое время продолжал работать заведующим экспозицией. Тогда мне удалось уговорить Квона вернуться в музей реставратором. А когда меня «понижили» или «повысили» до должности реставратора, мы работали с ним вместе. В 1985 году безденежье вынудило меня устроиться работать преподавателем в художественное училище, совмещая эту работу с работой в музее. В училище зарплата была намного выше. Но оказалось, что совместителям полную зарплату на обеих работах получать нельзя, и в музее начали платить половину и без того скудной зарплаты. На эту половину можно было купить в неделю только две бутылки водки или килограмм мяса. Конечно, я мог бы заняться «халтурой», городским оформительством, как начинал когда-то, но это означало продать душу дьяволу, да и грустный опыт той халтуры меня больше не привлекал.

В музее огромное количество работ нуждалось в реставрации, но я успел поработать лишь с мизерной их частью (около 100 работ разных художников). Реставрация одной картины – месяцы кропотливого труда. Особенно долго, около 3 месяцев, пришлось повозиться с картиной Лысенко «Композиция с быком и антропоморфной фигурой». Сейчас я понимаю, что для того, чтобы реставрация в музее шла, платить надо было реставратору не «полставки» или даже не «ставку», а за площадь, сложность и качество работы. И, конечно, упоминать на наклейках картин – кто реставрировал, иначе это работа штопальщика старья, а не такое же, как у художника, творчество.

Пришлось уйти из музея, несмотря на то, что эта работа приносила хоть небольшой доход, но, латая и подкрашивая чьи-то картины, я мог бы просидеть там всю жизнь, ничего не добившись в своем деле. Передо мной стоял выбор, и выбор был сделан: для прокорма – преподавать, а остальное время посвятить живописи и рисунку. Конечно, в первое время будет тяжело, но я решил не покупать книги и экономить на еде. Как трудно и страшно было мне оставить пусть бедное, но спокойное «получиновничье» место в музее!

Во многом на мое решение об уходе из музея повлияло и то, что после смерти Савицкого сотрудники музея разделились на лагеря в борьбе за пост директора и прочие должности. Музей уже прославился, желающих работать там было много, в том числе даже дети крупных чиновников. Прежние добрые человеческие отношения, сложившиеся под влиянием личности Савицкого, перерождались, превращаясь в интриги и свары, хотя Мариника как могла стремилась сохранить добрые традиции. В Музей зачастили чиновники по проверке жалоб и заявлений. Я понял, что мой «романтический» музейный период жизни прошел. Однажды я, не выдержав, написал заявление об уходе. Мариника и несколько давних сподвижниц Савицкого уговаривали меня остаться. Я чуть не плакался и убежал.

Так бывает, когда плоды вырашивают одни, а пожинают их уже другие. Работа в музее тяжелая, детей высокопоставленных родителей она не радовала, так что музею оставалось служить тем, кому он действительно дорог и кто заслужил эту честь.

После кражи распятия Христа из слоновой кости (которое подарила в музей в числе прочих копий работ из Лувра Надя Леже – жена художника Фернана Леже) и после того, как один из сотрудников музея был уличен в воровстве картин, в музее установили милицейский пост, решетки, сигнализацию. Те времена, когда мы приходили в музей со своими ключами, закрывали главную дверь на ключ, а дверь во двор музея изнутри на хлипкую шеколду, миновали. Музей стал национальным достоянием, теперь охраняется как банк, введена пропускная система, и потому я бывал в музее гораздо реже, чем когда-то. Карьеры в музее я не сделал, да и не стремился к этому, а иначе бы до сих пор работал там. Квон уговаривал меня вернуться в музей. Ему казалось, что без музея я ничто, и только вернувшись туда, я найду самого себя. Может быть, он был прав...

С 1984 по 1996 годы, почти 12 лет, я преподавал в художественном училище. Среди студентов были очень талантливые и даже гениальные студенты, работы некоторых из них я сохранил. Стали ли они художниками? Где они сейчас?

В 1988 году умерла мать жены, Люда с детьми уехали в Ташкент. Детям в Нукусе жить было опасно, свирепствовал гепатит. Несколько лет, до начала 90-х годов, я прожил в Нукусе без семьи, пока жена не обрела жилье в Ташкенте. В эти годы люди говорили о предстоящем голоде, я насытил около 200 кг сухарей. К счастью, голод так и не наступил, а мешки с сухарями я роздал коллегам по училищу и уехал в Ташкент. А зря! Жизнь в Ташкенте оказалась далеко и очень не «мьод», как называла мёд мама.

О своей живописи и последних друзьях – книгах

Моя первая персональная выставка живописи прошла в 1978 году в музее при жизни Савицкого, когда он сделал первую и самую большую закупку моих работ. Он хотел купить все 60 работ, почти на 5 тысяч рублей. По тем временам это были огромные деньги (почти стоимость автомобиля), но его отговорили «старые» художники, которые тоже нуждались в закупках. Музей испытывал финансовые затруднения, были долги за уже приобретенные работы, поэтому Савицкий закупил только треть моих работ.

Все летние каникулы в годы учебы в институте и в первые годы после института, особенно, на раскопках в Элликале, я работал в бешеном ритме, в сутки писал по 3-4 пейзажа и делал множество набросков и эскизов будущих картин.

Когда я в первый раз был с Савицким в Москве, на меня огромное впечатление произвела выставка немецких экспрессионистов: Пихштейна, Шмидта, Ротлифа, Кихнера. Я понял, что это только кажется, что у них небрежная живопись, нет, это утонченная, изощренная порывистая живопись, которая лишь кажется скорой. Я говорю о картинах и их стиле живописи. В схожем стиле я писал мост на берегу Кыз-Кеткена, парк и виды старого театра, ветхие 2-х этажные дома в Нукусе, в морозную зиму писал солнце, просвечивающее сквозь темные пасмурные облака. Мрачноватая была живопись. Говорят, несколько из этих картин сейчас в экспозиции музея и понравились знаменитому художнику Узбекистана Джавлону Умарбекову.

Потом начался период теплых портретов, в которых я отображал лица с натуры, с зарисовок и набросков. В тот период мне был близок Фернан Леже. Добиваясь в портретах законченности, классичности и энергичности стиля, возможно, некоторые портреты написаны мною излишне лаконично.

Потом начался период абстрактных работ, после них натюрморты и три последовательных Джампыкских этапа со множеством пейзажей и видов крепостей. В один джампыкский период случилась печальная история, которую я никак не могу забыть. Я на время уехал, и все работы оставил в доме лесника. После возвращения обнаружил, что около 20 моих работ, почти треть, разворованы, в том числе, геологами соседней экспедиции. Но не это было горько, а то, что свой же коллега, сотрудник музея, начальница нашей экспедиции, когда я уличил ее в краже, заявила, что Жолдасов – бездарный художник. И кому заявила? Искусствоведу Римме Еремян, чье мнение я высоко ценил. Но если я бездарность, зачем было красть мои работы!?

Римма Еремян тогда мне советовала временами прекращать работу и обдумывать то, что я уже написал. Говорила, что слишком много моих работ выставлено в музее и на выставках, что меня захваливают, а это «удушение младенца подушкой». Кстати, она приезжала с В.В.Ванякиным в 1986 г. для урегулирования склок между сотрудниками музея по поводу увольнений и распределения должностей. Мариника уже тогда потеряла

отца – академика Марата Нурмухамедова – покровителя музея, и потому перспектива Мариники стать директором музея, как мне казалось, была смутная. Директора в «демократических спектаклях» перестроечных лет выбирали в ярых интригах две группировки в музее. Одна из них была за Маринику, в том числе и я. И хорошо, что ее назначили без всяких выборов. Это было наиболее верное решение. Ее отец, Марат Нурмухамедов, очень помогал Савицкому в создании музея, используя все свои связи и авторитет. Академик историк С. Камалов и Марат Нурмухамедов были подлинными духовными и интеллектуальными лидерами каракалпаков. Отец Мариники погиб, как мне кажется, в очень странной автокатастрофе в Турции.

В тот приезд в Нукус в 1986 г. Римма Еремян показывала слайды современных ташкентских художников и рассказывала о них. Я тогда подумал, что некоторые из них не выражают своего отношения к миру, а просто иллюстрируют какие-то идеи, и все это достаточно громко, потому что пусто, как в барабане.

Маститый искусствовед Еремян была глубоко предана искусству и яростно неприимима к посредственностям и бездарностям, оценивая их с глубокой верой в непогрешимость своих суждений. Эти оценки усугублялись бешеным темпераментом, который она, как могла, обуздывала своей железной волей. Вся ее жизнь посвящена искусству, и внутреннее оправдание своих резких оценок она находит в исполнении своей священной миссии, с фанатичной решимостью вырывая беспощадной дланью сорняки, разросшиеся в саду живописи Узбекистана, как Саванорола, которому Всевышним дано право и предназначено искоренять ересь и инакомыслие...

Возвращаясь к своей живописи, как плодотворный отмечу период, когда мы с Савицким ездили на Джампык-калу (1980-1984 годы). Я писал тогда темперой условно-схематические пейзажи на обрывках холста и картонов. А летом, уже на подготовленных холстах я писал по 2-3 пейзажа маслом, по 20-30 этюдов в день темперой и гуашью. Вечером и ночью у костра рисовал портреты углем. Осенью привез домой целый автобус картин. Это был период колоссального творческого куража.

1985 год – последний Джампыкский период моих масляных работ. Жаль, что Савицкий их уже не видел. Часть этих работ купил музей, несколько работ у меня сохранилось, их я выставил, когда вступал в Союз художников. Рекомендации для вступления в Союз Художников мне дали художник Базарбай Серекеев и скульптор Жолдасбек Куттымуратов. В отборочной комиссии были художники Талдыкин, Бурмакин, Джалалов и другие. Членство в Союзе художников позволяло продавать работы через художественные салоны дороже, чем на базарах. Но в конце 80-х г. практической выгоды от членства не было, хотя все же это было признанием мастерства. Продавать работы было чрезвычайно трудно, я перестал сдавать свои картины в салон. Последнюю покупку в 2000-м году сделал один из основателей социологической науки в Узбекистане – Алишер Ильхамов, который и сам в 80-е годы учился живописи в Ташкентском театральном-художественном институте.

В 1985 году, как члену Союза художников, мне выделили мастерскую на втором этаже полуразрушенного здания, где не было ни электричества, ни отопления, а на втором этаже почти не было коридора, который обрушился на первый. Художники как тени пробирались в темноте в свои комнаты, рискуя свернуть себе шею, такими мастерскими располагал тогда Союз художников Каракалпакии. Мастерских было около двадцати, но работали в них 2-3 художника, чаще в этих мастерских художники выпивали, обсуждали работы, порой говорили о великих мастерах, вспоминали Рембрандта как виртуозного живописца, создавшего свой особый грандиозный мир, рассматривали каждый его мазок и каждую лесировку, восхищались мощным, экспрессивным, пастозным, светлым, завершающим мазком, который плавил краску в драгоценный светочувств. И, как-бы оправдывая свою нищету, вскользь отмечали, что Рембрандт тоже умер забытый в бедности и открыт был заново как величайший художник почти через сто лет после смерти. Говорили мы и том, как пришли в искусство, в живопись, будучи уверены, что и мы будем возрождены и увековечены.

В 60-е, 70-е годы молодежь шла в искусство под влиянием книг об импрессионистах и постимпрессионистах, непризнанных гениях, страдальцах на чердаках, в нишете создающих великие творения, признанные миром уже после их смерти: Ван Гог, Гоген, Лотрек, Мане и др. На удочку легенды о «великих» и о «святом» искусстве попались целые поколения художников. Но сейчас эти легенды мертвы, «не работают». Столкновение с буржуазной реальностью – куплей и продажей произведений искусства – потрясло

художников, как художника Зильбермана, писавшего удивительные полотна в стиле импрессионизма, а в последние годы увлекшегося натурализмом. Он писал старый город, стариков, лепешки и прочие этнографические, сделанные чуть ли не фотоспособом, небольшие картины. После распада Союза набежали коммерсанты, за бесценок скупили его работы, и он был счастлив. А когда выехал в Германию и увидел там те же свои картины, но стоимостью в тысячи долларов, его, говорят, чуть удар не хватил. Да, искусство искусством, но торговлей должны заниматься профессионалы. Художники для бизнеса не годятся.

В той мастерской в 90-е годы я написал несколько натюрмортов со свежим хлебом¹, стараясь закончить до того, как хлеб засохнет. Чтобы добиться эффекта золотого свечения, вместо белил я использовал стронциевую желтую и кадмий желтый. И получался хлеб золотым! Так же писал свежие овощи, прямо с базара. Писал пастозно. Много работ из этой серии я раздарил. Стыдно было выносить для продажи. Хотя, что тут стыдного? Художник Б.С., которого очень ценил Савицкий, бывало, напишет портрет и обходит базары, показывая его как наживку торговцам, чтобы те заказывали свои портреты или портреты своих родственников, нет-нет да и клонет.

После живописи и детей главное мое богатство – книги. Их у меня несколько тысяч. Именно они открыли мне мир, в жизни героев книг, как в зеркале, я нахожу отражение своей жизни.

Еще в нукуском детстве меня окружали огромные шкафы с книгами. Читать я начал задолго до школы. Чтением никто не руководил, куда вели доступные книги – туда и шел.

60-е годы были эпохой космоса, и мы с друзьями зачитывались Беляевым, Ефремовым, смотрели по ночам на звезды. Читая «Туманность Андромеды», я представлял себя летящим на космическом корабле в безжизненном пространстве космоса и рисовал композиции на космические темы.

В Ташкентском интернате началось серьезное знакомство с русской классикой. А увлечение книгами по философии пришло в студенческие годы, после размышлений об исчезновении в «никуда». Всем складом своей души я стал близок к экзистенциализму, философии обращенной к человеку непосредственно, проникнутой любовью к страдающему человеку. У меня определился избранный круг писателей: Гессе, Маркес, Томас Манн, Достоевский, Гамсун, Рильке, Гельдерлин, Ду Фу, труды Сартра, Кьеркегора, Камю и др. Их книг тогда не было в публичных библиотеках. Я знакомился с ними опосредовано, через критику западной философии советскими учеными и по цитатам из философов в этой критике.

То же было с Библией и другими Писаниями, которых тоже не было ни в продаже, ни в библиотеках. Библию, Евангелие, Коран, Хадисы я изучал по цитатам из атеистических книг, как «археолог» пытался воссоздать содержание Писаний.

Без Библии и Евангелия невозможно понять историю европейского и российского искусства. Библия была настолько редка в то время, что я запомнил все случаи, когда она побывала у меня в руках. В первый раз я увидел Библию в год окончания школы, когда мне было 17 лет. У Н.К. была тетя, одинокая старушка, а в ее комнате была большая Библия и иконы. Моя дипломная работа по живописи была посвящена Н.К. – портрет в синем платье и с красными тюльпанами в руках. Дни и ночи мои были насыщены острой, неожиданной влюбленностью в Н.К. и... романтизмом Кубинской революции, которой она увлекла меня. Н.К. была замужем за кубинцем и жила на Кубе. Наша любовь, видимо, шокировала окружающих, я еще учился школе, а она была старше меня на 6 лет. Это была первая женщина, которую я любил по-настоящему. Мы говорили ночи напролет, беспрестанно курили сигары, слушали музыку. Дописал я ее портрет уже без нее, она уехала на Кубу. Через полгода, когда мы сидели с Савицким в кино, во время фильма я прочел все ее письма, целую кипу, почему-то доставленную почтой в один раз. Игорь Витальевич не интересовался, откуда эти письма, от кого. Он знал эту историю.

Во второй раз я увидел Библию у Лены Худоноговой и прочел ее в первый раз. В третий раз мне попалось издание Библии Народно-трудового союза, когда я служил на Северном флоте. Мы пришли на корабле «Дерзком» в Швецию, матросам на берегу раздавали книжечки. На тончайшей папиросной бумаге был напечатан Ветхий и Новый Завет. Книжечка помешалась в кармане, и я пронес ее на борт не зная, что эта книга запре-

¹ См. натюрморт на 3 стр. обложки.

шена. Когда делал выписки из Библии, кто-то донес замполиту. Тот Библию у меня отнял и в наказание отказал мне в кругосветном плавании. А я-то и просился служить на флот только в надежде на это плавание...

После знакомства с последователем кришнаизма, сотрудником музея Сашей Абубакировым, я собрал довольно большую библиотеку по индуизму, в двадцати томах. Долгое время изучал тексты Шриматбагурта, Вишнуистской пураны, различные буддистские сутры. После чего сформировался интерес к востоковедению – китайскому, японскому, индийскому. В 90-е годы я оставил себе только перевод Бхагавадгиты, а прочие ценные книги продавал через букинистические магазины. Нужно было кормить семью.

В книги я бежал от жизни как в покой монашеского начетничества, в этом и мое спасение, и беда.

Боже мой, в какой нишете жила моя мама, пока я покупал книги и прятался в них от жизни!...

О Великом Старце

Недавно мне приснился сон. Мне снилось, что Игорь Витальевич лежит на больничной койке, мокрый, в трико. Я переодел его в сухое белье. Глаза его были закрыты. Вдруг погас свет. И он сказал мне: «Эдик, зажги свет, мне темно здесь». Сказал, не открывая глаз. Лицо такое же, каким оно было в последние годы его жизни.

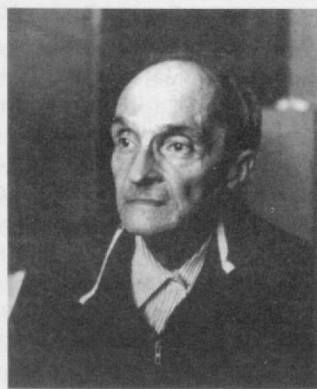
Я включил свет, но лампочка горела тускло, как это бывает при спаде напряжения в сети. Он требовал света, я теребил выключатель, и постепенно лампочка становилась ярче. Я сказал ему об этом, но он, не открывая глаз, твердил, что ему темно. Проснувшись, я долго размышлял, что бы мог значить этот сон, и пришел к выводу, что душа Савицкого, хочет напомнить мне о нем. Я решил, что должен написать о Савицком. Я и ранее собирался писать, но все откладывал. Мне мешали две причины: страх «белого листа», который вряд ли сможет вместить в себя все то, что я хотел бы сказать, и опасение, что мои воспоминания будут восприняты как спекуляция на славе Савицкого. По этим же причинам я отказывался от встреч и интервью с журналистами и искусствоведами.

Размышляя о душе, я вспомнил, как мы с Савицким как-то на раскопках устроились на раскладушках, расположились у крепости на ночлег. А наш шофер, опасаясь злых духов, лег в машине. Я спросил тогда: «Игорь Витальевич, умирает ли Душа после нашей смерти?». Он ответил: «Ты знаешь, Эдик, мне кажется, что со смертью кончается все. Это конец всего». Тогда я возразил: «Но религия говорит, что душа бессмертна». На что он ответил: «Я не знаю постулатов религии, но убежден, что религия – часть культуры, и нам следует, даже если кто-то не верует, придерживаться ее, чтобы не умерла культура, которая нас объединяет в народ». Он очень редко говорил на философские, религиозные или политические темы, вернее, вообще не говорил, но в том, в чем он мне открывался, я видел его бессмертную и благородную Душу.

Тогда, вблизи, его Величие не замечалось, как не замечается величие маленького, тощего, с тонким голосом, беззубого, в стоптанных башмаках и ветхой одежде, живущего рядом родного человека. А он хорошо понимал свое значение и знал себе цену. Как-то я спросил Игоря Витальевича, каков был Фальк в общении, был ли он гордым? На что Савицкий ответил, что Художник всегда прекрасно знает и должен знать себе цену.

Мне бы записывать за ним все и обо всем... А я вот только начал и успокаиваю себя тем, что лучше поздно, чем никогда. И, слава Богу, начало положено. Только теперь я начинаю понимать вполне слова Савицкого, его поведение, волю, расчетливость и рациональность, умение организовать себя и свою жизнь, свое дело. Несмотря на все это, он трепетно любил нас, художников и сотрудников музея, учил, всячески помогал, пестовал, даже когда поругивал. Он был нашим Духовным Отцом и покровителем, занимал большое место в нашей жизни, мы все как вихрем были захвачены его делом. И, видимо, пришло время, когда мы все, его соратники, острее и острее ощущаем Его уход.

У меня с ним было всякое – и дружба, и ругань, и неприязнь, и примирения. Но я всегда сохранял между нами незримую грань, через которую не переступал, не позволяя

И.В.Савицкий

себе «пошлой» фамильярности из благоговения и почтения к нему. Я даже побаивался его, особенно в последнее время, когда он из-за болезни стал трудным в общении.

Наверное, что-то из моих воспоминаний уже широко известно, но я боюсь упустить, пропустить что-то важное. Отец Игоря Витальевича был сыном знаменитого ученого-филолога Флоринского. Как-то он рассказал, что его отец запил и в раннем детстве оставил их одних с мамой в Москве. Как смогла выжить мать-одиночка с ребенком в те голодные годы, одному Богу известно. Наверное, поэтому Савицкий всю жизнь испытывал отвращение к алкоголю, сострадая алкоголикам. Себе он изредка позволял только разбавленное вино. Как-то в жару на раскопках, любуясь панорамой Джампыка, сказал вдруг: «Хорошо бы сейчас бокал холодного шампанского! Холодного, понимаешь?» – и рассмеялся от моего ошарашенного вида. Действительно – весь в пыли, лицо в потеках грязи, черный, потный с грязным платком на голове и, вдруг, желание – холодного шампанского, (не воды!) в пустыне.

Мать Игоря Витальевича, по-видимому, была еврейкой, поэтому ему по иудейской традиции сделали обрезание. Он прекрасно знал еврейскую среду и культуру. О своей национальности Савицкий никогда не говорил, а евреев поругивал. Говорил, что в первые послереволюционные годы, когда русские в остервенении убивали друг друга в гражданской войне, евреи признали Советы как свободу от ограничений на получение высшего образования и отмену запрета проживания за чертой оседлости. Они заполнили вузы, и потому впоследствии составили костяк технической, научной, медицинской и творческой интеллигенции страны.

Я упомянул об отношении Савицкого к евреям на встрече с искусствоведами Ильдаром Галеевым и Ириной Богословской. Ильдар тогда собирал материалы для монографии о Савицком, которую издал в 2012 г. в России под названием «Венок Савицкому». Галеев тогда заметил, что это обычное отношение к евреям русского интеллигента еврейского происхождения, вроде как у поэта Губермана.

**Люди полагают, что человек важен, если он знаменит,
обратное так же может быть истинным...**

Живопись Савицкого грандиозна, и об этом свидетельствует выставка его картин в огромных залах Пушкинского музея. В этих залах небольшие и скромные пейзажи Савицкого светились так, что Мариника удивленно воскликнула: «Смотри, Эдик! Его картины не потерялись в роскоши интерьеров этих залов».

Где-то мне встретилось, что величайшее искусство граничит с Неискусством, с безыскусностью, с величайшей скромностью. И я тогда вспомнил сотрудницу музея Эльмиру Газиеву, которая сказала мне как-то: «У тебя картины какие-то протокольные, наподобие картин Савицкого». Она сравнивала наши работы с эпосными работами Волкова, Ксенофонтовича, Тансыкбаева. В их контексте Савицкий выглядит смиренно влюбленным в натуру и очень точно передающим в своей живописи малейшие переливы света. Вот эту влюбленность и точность Эльмира назвала протокольностью. Живопись Савицкого – прежде всего, невероятная точность. Он часто подчеркивал, как важно воспроизводить природу точно, только тогда можно искренне выразить самого себя. Да, это так. Очень легко фантазировать по поводу цвета, формы, и в этом очень легко и обмануть, и обмануться. А в искренности не обманешь и не обманешься.

Игорь Витальевич вырос и сложился как художник в предвоенные годы. Это было время АХРРа (Ассоциации художников революционной России). Он учился в Суриковском институте. В музее хранятся в больших папках подготовительные материалы к его дипломной работе. Это зарисовки и акварели с изображением Юсуповского дворца в Архангельском. Он учился у художников Истомина, Ульянова, Фалька. Как-то, читая книгу с теоретическими работами Истомина, Савицкий посетовал (на мой взгляд, напрасно) что был недостаточно обучен рисунку, хотя учился у прекрасных рисовальщиков, но не слышал того, что Истомин написал в своей книге.

В искусстве важен прецедент, опора на предшественников. Таким предшественником для Савицкого стал его любимый русский художник А.Иванов, создатель лучшей русской евангельской картины «Явление Христа народу». Особенно любил Савицкий этюды Иванова к этой картине – пейзажи римской Кампании, неаполитанские пейзажи, где автор смиренно и любовно следовал природе. Савицкий, поучая меня, делился своими наблюдениями и рассказывал, что Иванов писал этюды на хорошей плотной белой бума-

ге, слегка проклеенной рыбьим клеем. Краски для работы на такой бумаге использовал масляные, но жидкие, а не пастозные, чтобы не деформировалась бумага.

Будучи на раскопках крепостей Элликалы, взирая на далекие горы Каратау, Савицкий вспоминал итальянские подготовительные студии к «Явлению Христа народу» и повторял: «И здесь можно создать очень смиренное, скромное и в то же время великое искусство». Он напоминал мне панорамные пейзажи Иванова и сам писал такие же размером 10х100 см., которые художница Альвина Шпаде, в шутку называла «макаронами».

Вот это искреннее и смиренное следование природе Савицкий избрал для себя в начале пятидесятых годов, когда впервые приехал в Каракалпакию. Он был счастлив тем, что открыл для себя здесь сокровища неброской красоты природы. Прежние навыки живописи, полученные им в его московский период творчества, здесь были непригодны. Природа предстала здесь совершенно другой, в обилии солнца, в тонких переливах цвета, но неброская и неяркая.

В те годы Савицкий поставил перед собой задачу – запечатлеть в живописи красоту городиш и замков Древнего Хорезма, которые несколько веков назад были погребены в песках пустыни после разрушительного нашествия Чингиз-хана. Он любил писать виды пустынных далей с силуэтами средневековых замков и городиш на горизонте. Тогда же он писал небольшие этюды пустыни в раннюю короткую весну или в позднюю осеннюю пору.

Он часто говорил, что природа здешней пустыни очень похожа на природу Испании. Говорил, что там, в Ташкенте, в Самарканде, тоже красивая природа. Но другая. А здесь всё более скромно и тонко. Это отразилось в оригинальности народно-прикладного искусства каракалпаков, в тонких оттенках цвета в орнаментах вышивок и ковров.

В пятидесятые годы Савицкий писал исключительно на фабричном холсте, наклеенном на картон. Эти холсты ему специально готовили в Москве. Красочный слой этих ранних среднеазиатских работ тщательно отполирован пемзой, песком и наждачной бумагой до перламутрового блеска. Живопись на ощупь гладкая, обильно покрыта картинным лаком. Савицкий стремился писать только на тщательно подготовленном холсте, что необходимо для долговечности картин, и принимал во внимание условия будущего хранения, особенности климата, условия перевозок. Об этом периоде живописи художника в Каракалпакии напоминают только две картины в темном колорите в стиле мастеров малых голландцев. Одна из картин изображает внутренность кладовки в ауле со съестными припасами: мешки, тыквы, овощи. Вторая картина изображает юрту во дворе дома. Обе картины написаны великолепно.

Позже Савицкий как Художник совершил невероятный прорыв: он полностью сменил палитру цветов, что схоже со сложным цирковым акробатическим трюком, который удается не каждому, выбросил из палитры темные краски, открыл для себя свет и цвет. Он говорил, что ему было трудно «ломать» себя, из убежденного классициста и мастера классической лаковой живописи в стиле соцреализма в духе Лактионова он становится импрессионистом. Такого художника как Савицкий в живописи тех лет не было. Из всех импрессионистов он выше всех ценил скромнейшего и тончайшего живописца Альфреда Сислея.

Остальные его картины нукусского периода располагаются по сериям. Самая большая серия – пейзажи, замки и крепости Древнего Хорезма¹, виды археологических раскопок. Вторая и небольшая серия работ – сельские пейзажи и виды. Третья серия – виды улиц Нукуса. Среди них трогательная картина, изображающая детский сад и детей под осенними деревьями. Затем была серия пейзажей с изображением камышовых домов, каналов, озер в устье Амударьи и Казакдарьи. Особняком стоит серия видов древней Хивы, среди них виды ее улиц с крыши дома, в котором он снимал комнату у местного аксакала. Это особая серия картин прекрасна, как прекрасна Хива, которая так и осталась городом-музеем, почти полностью сохранившись по сей день.

Мы сравнивали Хиву с Бухарой и Самаркандом, и я сказал, что еще в 1968 году застал в центре Бухары у минарета Калян старинный дехканский базар, груды сена, соломы, множество ослов, баранов, верблюдов. Стены Арка и дворца эмира были выстроены из пахсы. Город еще жил своей древней жизнью, но молодая жизнь уже бурлила и смывала эту древность. Савицкий с глубокой горечью тогда заметил, что Бухара сейчас декорация былой поэзии средневекового города, в том числе квартал бухарских евреев, которые жили в Бухаре со времен Вавилонского пленения.

¹ См. картину Э.Жолдасова на 4 странице обложки.

Он рассказал, что в годы войны еще застал в Бухаре что-то вроде сказки «Тысяча и одна ночь», и это восприятие Востока чувствуется в картине Роберта Рафаиловича Фалька, изображающей молодую женщину на фоне сюзана. Сейчас эта картина украшает зал Фалька в Нукусском музее. Как рассказывал Савицкий, Фальк пренебрежительно отзывался о его живописи. Савицкий же высоко ценил Фалька как художника. Что поделаться? Далеко не всегда художники восхищаются друг другом, потому что у каждого из них свой голос, и каждый стремится солировать в хоре.

Говоря о живописи Савицкого, я вспомнил, как оценил его живопись Бахадыр Джалалов. Бахадыр рассказал, что видел этюд Савицкого «Цветущая пустыня» в экспозиции Ташкентского музея искусств, на переднем плане картины прохладная голубоватая тень под кустами, наверху – кусочек синего неба. И тихо добавил, что так восхищается этим небольшим этюдом Савицкого и так высоко его ценит, что ставит превыше всех помпезных академических и парадных картин, украшающих Ташкентский музей. Я поразился тонкому чутью и вкусу Джалалова.

Савицкий был не только собирателем картин, но и русским живописцем, который приехал в Среднюю Азию в поисках великой сказки о Востоке, как многие русские художники: Кузнецов, Сарьян, Петров-Водкин, Истомина, Фальк, Фаворский и др. Они нашли не только эту сказку, но кров и хлеб, которые помогли им в эвакуации выжить здесь в годы войны. Вместе с ними был спасен и Савицкий, бывший в то время студентом Суриковского института, эвакуированного из осажденной Москвы.

Недавно брат повез меня на демонстрацию нового фильма американских документалистов о музее и Савицком. После просмотра Мариника и зрители делились своими воспоминаниями и впечатлениями. Когда мы ехали обратно, брат горячо выговаривал, что американцы в фильме представили художников музея как жертв советского режима и соцреализма, а музей – спасителем их творчества, в то время как у 90% этих художников судьбы были вполне или более, чем благополучными – у тех же «формалистов» Фалька или Ставровского. Он говорил, что советское время было разным – и трагичным, и счастливым для многих, не исключая и художников, что несправедливо умалчивать о том, что музей был создан при Советах. И это пусть парадоксальный, но факт. Еще надо посмотреть, сколько художников времен французской и английской революций вообще исчезли, как и их работы? Я ответил, что искусство, которое само приходит к политикам, может быть прекрасно (Давид, Күрбе, Гуттузо, Сикейрос, Волков и др.), но вторжение политики в искусство всегда отвратительно (Курзин и др.). Затем мы решили, что и фильм, и судьбы художников прекрасны в своей трагичности, но могли бы быть и другими. В заключение пошутили, что слово «desert» (пустыня) в названии «Пустыня запрещенного искусства» вполне может быть прочитано как «dessert» (лакомство), за которое следует благодарить, а не хаять.

Говоря о Михаиле Курзине, я вспомнил как Савицкий и Альвина Шпаде рассказали мне о трагической судьбе Курзина. На выставке художников Курзин подвыпил и заявил об одном из них: «Этот, как там его, развесил свои жидовские сопли». По этой ли причине, или по какой-то другой на Курзина был написан донос как на «империалистического шпиона». (Курзин в 20-е годы был в Крыму, когда Крым был «гнездом контрреволюции»). Он получил срок. А когда был на поселении в Бухаре – добавили еще 10 лет, причиной чему послужил резкий ответ Курзина одному из чиновников, принимавшему заказанный портрет Ворошилова и потребовавшему поменять цвет волос. «Каждый должен заниматься своим делом, а художнику лучше вообще не писать, чем писать по указке» – сказал Курзин. Тот донес, что Курзин, якобы, заявил: «Портреты вождей вообще не стоит писать!?!». Под доносом заставили подписаться, угрожая арестом, знаменитых, покойных ныне художников.

Кто-то из художников также рассказывал, что, крепко выпив после скандала в Союзе художников, Курзин вышел на базар и начал вешать недоумевающей толпе нечто крамольное, вроде призыва изучать великую культуру Запада и заявил: «Я не собираюсь бороться за социализм, где не будет свобод, даже буржуазных».

Курзин был самый смелый и дерзкий человек в искусстве Узбекистана того времени, пострадавший из-за своей честности, бескомпромиссности и прямоты. В истории искусства, пожалуй, нет случая, чтобы гениальный художник на 19 лет был насильственно вырван из творчества.

Со студенческих лет я собирал о Курзине сведения и собирался написать книгу о нем, к этому подталкивали и мои впечатления от поездок на свидания с младшим братом

Витей в места его заключения. Я видел угрюмую колонну заключенных, плетущихся в черные цеха, и представлял в этой колонне Курзина в годы его заключения.

Несмотря на тяжкие испытания, творчество Курзина жизнеутверждающе. Мало кто из художников изображал еду, фрукты, овощи с таким жизнелюбием и вожделением. Это и понятно после скудного пайка зоны. Но в работах позднего периода в портретах стариков и старух из дома престарелых (1956-1957 гг.) чувствуется потрясающая экспрессия и сострадание к людям.

В студенческие годы я видел в Ташкентском музее искусств несколько работ Курзина, но без этикеток с его фамилией (по понятным причинам). И, по-моему, в монографии М.В.Мюнц о художниках Узбекистана нет ни одной репродукции Курзина и ни одного слова о нем, хотя он был одним из основателей Союза художников Узбекистана.

Савицкий очень сожалел о том, что Курзин был так не сдержан на язык, и о том, что художники частенько доносили друг на друга, скрыто (в доносах) или открыто (в полемике и публикациях) обвиняли некоторых во враждебности к власти и демонстрировали свою личную преданность.

Велик всякий Художник, но слаб иногда в нем человечество в стремлении оттеснить кого-то от кормушки, в желании отхватить кусок послаще. Сейчас это можно, наверное, «объяснить» и «оправдать» словами «рыночная конкуренция», но, в сущности, каждый мог бы творить и в бедности. Холсты, как и рукописи, не горят, если это настоящее Искусство.

Как собирал живопись Савицкий, и что говорил об этом занятии

Быть может, вторя уже кому-то, не могу не вспомнить, как Савицкий собирал коллекцию картин в подворном обходе художников или их наследников, следуя урокам этнографа Татьяны Жданко, которая плодотворно собирала предметы народно-прикладного искусства Каракалпакии. Он стремился собрать работы художника таким образом, чтобы можно было получить представление о развитии, движении творчества, и постоянно твердил, что музей это не хранилище, не склад, а научное учреждение, где должны изучать жизнь и творчество художников как часть истории народа и его культуры.

Первое, что сделал Савицкий – вывез в Нукус почти все ценнейшее в живописи с двадцатых до конца пятидесятых годов: работы Александра Волкова, почти все работы Курзина, ранние работы Тансыкбаева, Подковырова, Николаева (Усто-Мумина), раннего Уфимцева, Елены Коровой, Карахана.

Затем он начал собирать в подворных обходах ранние и непризнанные работы известных и неизвестных российских художников, репрессированных, непризнанных, не «пробивных», забытых.

Однажды Игорь Витальевич взял меня на встречу с давней своей знакомой, вдовой художника Уфимцева. Встреча была теплой, трогательной. В мастерской Уфимцева висели сухие гроздья винограда, о которых вдова, (кстати, сестра Усто-Мумина) рассказала, что они повешены мужем, который украшал мастерскую кистями винограда, время от времени меняя их на свежие. Тогда же она рассказала историю своего замужества. Как-то сидела она (случайно ли?) у тропки, по которой ходил на этюды Уфимцев и решила: кто первый появится – за того и замуж выйдет. Первым появился Уфимцев.

О своем учителе Ульянове Савицкий рассказывал неоднократно, а в свои последние дни, превозмогая удушье, а потому краткими фразами: «Художник большой культуры, рисовал блестяще... В нем есть цельность... Настоящий аристократ, в лучшем смысле этого слова... Во время эвакуации жил в Самарканде... Страдал астмой, было большое сердце..., не мог сделать шаг без нитроглицерина... Жена, Анна Семеновна, была психически больна..., он терпеливо за ней ухаживал... Сейчас часть работ Ульянова у этой... Киры Киселевой... Работы к ней перешли в наследство от Вари Яковлевны... свояченицы Ульянова... Я и сам учился у Ульянова и у этого ... Фалька...».

О Фальке упомянул как бы с укором и вскользь, упомянул деталь, которую, наверное, считал важной, т.е. о том, что Фальк был иудеем до мозга костей, жил в Вене у родителей, в семье, где ели только кошерное мясо и не ели ни фруктов, ни овощей.

О широте взглядов Савицкого на искусство говорит почти анекдотическая история. При осмотре наследия художника Ставровского мы обнаружили папку эротических рисунков. Это была скорее порнография с изображением разнузданных де-

ревенских оргий. Савицкий сказал, что эти рисунки невозможно выставить в экспозиции, но они были так блестяще исполнены, что он взял их в свой музей и спрятал. Думаю, что женская часть коллектива музея изучала их с естественным, искусствоведческим интересом.

Картины современных ташкентских художников 1960-70-х годов Савицкий не покупал, как исключение купил картины Владимира Бурмакина, Евгения Мельникова, Юрия Талдыкина и несколько работ старшего Зильбермана. Но потом сожалел об этом. Действительно, стиль этих художников выбивается из стиля коллекции картин Нукусского музея. Я не помню, чтобы их работы выставлялись в музее в постоянной экспозиции. Однако, на мой взгляд, он не ошибся. Эти художники представляют собой особый этап в живописи Узбекистана и еще будут востребованы. Их живопись – аналог развития «сурового стиля» в российской живописи шестидесятых годов и очень важны для понимания истории живописи Средней Азии. В картинах этих художников есть мощь, брутальность и маньеризм, чего не доставало в коллекции нукусского музея. Кто знает, соберет ли еще кто-нибудь «забытые» работы художников Узбекистана или России 60-70-х и, особенно, 80-90-х годов и создаст ли нечто подобное Музею Савицкого.

Современную живопись Савицкий считал неискренней: «Художник должен обращаться к реальной жизни, которая вокруг, а не парить в облаках философствований, высосанных из пальца». Все работы художников Каракалпакии он рассматривал с точки зрения отражения природы и духа Каракалпакии и критиковал работы другого рода: «Такие вещи могут быть где угодно... в Африке, в Австралии. Но это не Каракалпакия, а формальное подражание искусству 20-х годов, только тогда все было искренне». Отмечал работы Петропавлова, Утегенова, Худайбергенова, Серекеева, Еримбетова, Куттымуратова: «В их работах есть Каракалпакия».

Савицкого с его музеем вполне можно назвать основателем школы каракалпакского изобразительного искусства и одним из основателей Союза художников Каракалпакии. Смерть Савицкого стала огромной утратой для художников Каракалпакии.

Археология в жизни Савицкого

Все самое важное в истории изобразительного искусства Каракалпакии и в описании истории народов низовий Амударьи началось с великой Хорезмской археолого-этнографической экспедиции С.П.Толстова и его последователей, «птенцов гнезда Толстова», как их называл Савицкий.

Когда я только родился, Савицкий уже работал художником в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. О нем и экспедиции тех времен рассказывали археолог Елена Евдокимовна Неразик и писательница Милица Измаиловна Земская, в те годы они были юными девушками.

Милица Земская была летописцем Хорезмской экспедиции и часто приезжала в Нукус и в Элликалу. В последний раз она была Нукусе в начале восьмидесятых и останавливалась в последней квартире Савицкого, где от прежней мебели осталось по одному ветхому дивану в каждой комнате и старенький небольшой стол на кухне. В зале в углу стоял тот самый черно-белый телевизор, по которому Савицкий смотрел программу «Время». Обои в комнатах висели на стенах клочьями.

О предыстории Хорезмской экспедиции мне рассказывал отчим (Емберген Даулетбаев), который дружил с Д.Насыровым, мужем покойной дочери С.П.Толстова. В конце войны английские археологи обратились к С.П.Толстову или через него в правительство с просьбой разрешить раскопки на территории Хорезма, где еще до войны копал Толстов. Английским археологам было отказано. За разрешение они предложили финансировать экспедицию и намекнули, что в вашей стране, мол, нет денег на роскошь и излишества вроде археологических экспедиций. Действительно, тогда в стране был голод и разруха послевоенных лет. Но Сталин распорядился выделить огромные деньги на экспедицию, в которой были даже самолеты и, как говорил отчим, впервые в мире тогда были применены аэрофотосъемки для археологических изысканий. Фотосъемки обнаружили крупную ирригационную сеть и множество полуразрушенных крепостей. С этой экспедицией в начале 50-х годов и приехал Савицкий и сын Толстова, тоже художник.

В те годы Савицкому было всего тридцать пять лет. Он был в самом расцвете сил и таланта. Перед ним открывался великий древний Хорезм, пробуждаемый от векового сна могучими усилиями Толстова с когортой его преданных учеников (Юрий Раппопорт, Ла-

пиров-Скобло, Виноградова, Елена Неразик, этнограф Татьяна Жданко и другие, включая сына и дочь самого Толстова).

Савицкий рассказывал, что порядки в экспедиции были почти военные, вплоть до наказаний за минутные опоздания, за исключением одного не «военного» правила – Толстов установил в экспедиции сухой закон, за нарушение которого следовала «высшая мера» наказания – навсегда исключали из состава экспедиции. А желающих поработать в этой экспедиции в России было много, особенно среди любителей приключений и путешествий.

В экспедиции Савицкий тушью и карандашом делал зарисовки результатов раскопок. Не будучи археологическим рисовальщиком, учился конструктивно передавать в рисунке объемные детали археологических памятников и находок. И достиг мастерства. В томах Трудов Хорезмской экспедиции есть замечательные рисунки, сделанные пером Савицкого. Они легки, перо точно показывает объемные формы раскопок и находок.

После смерти Савицкого известный археолог и друг Игоря Витальевича Гудкова, описавшая раскопки археологического комплекса Миздакхан, передала в дар музею свою научную библиотеку по археологии, в том числе монографию Толстова «Древний Хорезм».

В первый раз Савицкий взял меня на раскопки феодального замка перед тройным городищем Аязкала в 1977 г. Нас было шестеро: Савицкий, шофер Фаим, похожий на Гогена, художница Альвина Шпаде и другие. После работы мы часто говорили с Альвиной Шпаде об искусстве, о Ван Гогe, Курзине, Волкове. Альвина называла Игоря Витальевича «боженькой» и все больше нравилась мне, я увидел за ее внешней грубостью очень нежного и беззащитного человека.

Помню случай, который мог стать трагедией. Кажется, в 1979 г. к вечеру на Джампык, где мы оставались вдвоем с Савицким, приехал на грузовой машине заведующий отделом археологии музея Юрий Манылов. Он сообщил Савицкому, что наш микроавтобус перевернулся на шоссе, столкнувшись с какой-то машиной. У Игоря Витальевича подкосились ноги, он опустился на землю. Манылов успокоил его, сказав, что никто серьезно не пострадал. Этим же днем мы вернулись в музей. И, оказалось, очень кстати. На следующий день Игорь Витальевич слег. После обследования у него обнаружилась непроходимость кишечника, ему срочно нужна была операция по удалению прямой кишки. В больнице он недоуменно спросил: «Эдик, ты представляешь себе, что бы было, если бы мы остались на раскопках или поехали вместе со всеми?».

Врачи сказали, что обычно после такой операции живут не более 5 лет. Я не поверил, что годы его сочтены – очень надеялся на мощь его Духа. Сам он ситуацию воспринял трагически, но не из-за угрозы жизни, а потому, что не завершил своих планов. В нем уже тогда чувствовалась некая уверенность человека, который сделал великое дело, имя которого не умрет.

С годами он стал придирчив, ворчлив, забывчив, но сохранил свой стратегический ум, остроумие. Стоило видеть его, когда он как Патриарх, внешне схожий с Вольтером, беседовал с работниками музея, делал замечания и, как обычно, напоминал мне о недостатке культуры.

Неподалеку от нас руководила одним из отрядов Хорезмской экспедиции Елена Евдокимовна Неразик, строго выговаривавшая своим милым и раскованным девушкам-прибалтийкам за то, что они приходили к столу в купальниках. Она копала тот же дом, который в 70-м или 71- году отрыл Савицкий. Тогда мы с ним дошли до слоя пепла и угля от сгоревшего дома. Игорь Витальевич сразу же привез для консультации археолога Хорезмской экспедиции М.С.Лапирова-Скобло. Тот показал место наших раскопок своему давнему другу Елене Неразик, она заинтересовалась этим пепелищем и впоследствии в течение нескольких лет вела обширные раскопки того дома. Рабочими у нее все те годы были, в основном, москвичи и несколько ленинградцев. Из года в год одни и те же. Это были фанатики Хорезмской экспедиции и ее легенд.

Темой научной работы Неразик стали средневековые феодальные замки на территории древнего Хорезма. Когда она и археологи начали копать пепелище, то обнаружили, что это довольно большая отдельно стоящая феодальная усадьба. Ею там были сделаны интересные находки. Жаль, что у нас не хватило сил для системного и глубокого копания.

В восьмидесятом году вышел очередной том Трудов Хорезмской экспедиции, полностью посвященный замкам. Е.Неразик передала том этой книги через меня академику Сабиру Камалову и характеризовала меня как не оправдавшего надежд Савицкого. Ирина Коровая тоже укоряла меня, что я не продолжил дела Учителя, не оправдал его надежд. Возможно, но у меня были свои надежды.

Как-то на раскопках Савицкий попросил меня зарисовать карандашом часть раскопанной комнаты, внутри которой была суфа из сырцовых кирпичей. Я начал рисовать, рисунком Савицкий остался не доволен. Он поучал, что задача археологического рисунка, в отличие от фотографии, которая бездумно фиксирует объект, дать осмысленную конструктивность. Думаю, Елена Неразик тоже осталась недовольна моими рисунками интервьюеров и экстерьера зороастрийского святилища, которые она раскопала в середине восьмидесятих годов недалеко от Аяз-калы. Но она приняла рисунки и даже заплатила мне около ста рублей, что было, как всегда, весьма к стати.

Савицкий старался вести раскопки профессионально, а потому для консультаций приглашал археологов. Он мечтал найти золото, как Шлиман в Трое, но копал не шурфы, как тот, а по поверхности, по плоскости, потому что в глиняной почве при копании шурфов трудно разобрать, где стена, а где осыпи или осадочные породы. Археолог Геннадий Курочкин тогда говорил, что Савицкий, мол, консерватор, не признает школу Массона и Пугаченковой. А Савицкий считал, что его замечания – результат его отказа принять Курочкина на работу в музей. Может, в раскопках Савицкого и не было острой научной необходимости, но он открыл городище для Неразик.

Поездки на раскопки как путешествие в прошлое, в молодость для Савицкого были насущной необходимостью, особенно в последние годы жизни. У него тогда начались приступы душевной тоски. Раскопки для него были возможностью отвлечься от занудной работы директора-чиновника и от всевозможных заседаний, которые отнимали у него даже не время, а остатки жизни. Ему уже было трудно, почти невозможно, продолжать собирательство из-за конкуренции с другими музеями и богатыми коллекционерами, вроде Костяки. И, прикасаясь к древней земле, поработав два дня, уставший телом, но отдохнувший душой, он возвращался в Нукус, опять тянул лямку директорских обязанностей до раннего утра следующей субботы. Его тяготили счета, бухгалтерия, долги. «Партократы» тогда, во время «перестройки», в предчувствии своего конца уже набивали свои кубышки, «экономию» на музее.

Все чаще в музей наведывались разного рода проверяющие, раздражая Савицкого указаниями и подозрениями. И ему приходилось подчиняться, чтобы «благодетели» выделили денег на нужды музея.

Наверное, поэтому в последние месяцы своего пребывания в Нукусе он повторял с горечью: «Какая же это все-таки провинция!» Я соглашался, что где-то далеко Венеция, Париж. А здесь коровы и бляные тощих коз на помойке, асфальт, усыпанный битым стеклом, на котором дети играют около ржавых гаражей и бетонных душегубок – «хрущевок». И какой рок привел нас сюда, в эту жуткую пустыню, в самую далекую дыру коммунистической империи, стоящей на грани полного краха!? Как жаль, что Сатана явился в образе гениального Ленина и жаль, что Российская империя была превращена большевиками в мясорубку народов.

Атмосфера в Музее становилась невыносимой. Савицкий был постоянно раздражен и как одержимый день и ночь работал, продолжая когда-то начатое им любимое дело, теперь уже доставлявшее ему страдания. Он задыхался не столько от болезни легких, сколько от непосильной ноши – громады дел музея. Но... если в начале своего Дела, он господствовал над ним, то позже дело превратило его в своего раба. Так бывает с людьми, у которых обострено чувство долга. Он часто говорил, что смертельно устал от директорства и жаловался: «Зачем я связался с музеем, как я счастлив был бы бросить его!».

Как-то я, по своей глупости, попытался поддакнуть ему, мол, еще Сезанн назвал музеи "кладбищами искусства", на что Савицкий возмущенно и с намеком возразил: «Нет, музеи нужны, и прежде всего, художникам, чтобы ходить в них и изучать живопись. Но писать картины свои!». Несомненно, хлесткие слова Сезанна были ему отлично известны как и то, что высказывание касалось музеев Франции, переполненных, так сказать, «мертвечиной картин пуссенов».

Игорь Витальевич ввиду занятости мог ездить на раскопки к крепости Джампык только на два дня – субботу и воскресенье. «Да, это была сказка» – говаривал Савицкий, расхаживая по крепости. То ли сказкой было то, что он представлял себе то время, когда в крепости кипела жизнь, то ли вспоминал свою молодость в экспедиции 50-х годов. В бескрайней перспективе пустыни высились стены средневековых замков. На такырах мы собирали фрагменты керамики, терракотовые статуэтки людей, животных и даже монеты.

Десятки оссуариев из толстой античной керамики красного цвета Савицкий громоздил на полках в большом коридоре, ведем в фонды музея и в канцелярию. Сейчас,

на склоне лет, мне кажется, что это были, в сущности, те же гробы, но только глиняные, где когда-то хранились кости и черепа древних жителей Хорезма, останки которых мы тревожили святотатствуя. В гробах были кости, обглоданные зверями и птицами на дахах, после чего по зороастрийскому обычаю их хоронили. Земля, огонь, вода считались священными. Их не должна была касаться гниющая плоть мертвеца.

В связи с этим я вспомнил немного забавную привычку Савицкого. Он никогда не мыл руки после раскопок, чтобы готовить или есть еду, приготовленную в Нукусе в целях экономии времени. Как-то я не выдержал и спросил Савицкого, почему он не моет руки перед едой? Он ответил, возможно в шутку, что это святая земля и смывать ее с рук было бы неуважением к ней, к древним городищам, к людям, которые покоятся в этой земле. Но вечером перед сном он обязательно купался.

Работу Савицкий начинал обычно еще затемно, часов в пять утра. Просыпался первым и тихо уходил на раскопки. Когда, немного погодя, просыпался я, он уже весь в пыли, стоя на коленях, рыхлил ножом и руками и отгребал от себя землю. Потом нужна была уже моя работа – лопатой убирать землю, которую Савицкий, как крот, быстро сдвигал ко мне. Я собирал землю в скособоченную и без того тяжелую железную тележку, отвозил и вываливал в сторонке. Так мы работали весь жаркий день с перерывом на обед.

Спали мы у верхних северных стен крепости, ложились вскоре после ужина. По ночам свистел ветер – единственное спасение от комаров. Мы лежали на раскладушках под бесконечностью звездного неба, рассеянного пыльным Млечным путем и говорили, говорили. Над нами возвышались черные громады стен крепости, над ними, шурша огромными крыльями пролетали совы. Величие этой картины нарушал только лай дворняги, привязавшейся к нам.

Савицкий восхищался чудным видом разлива реки, дальними горами, полями вокруг крепости, необычным соседством древней крепости и современного кладбища внутри нее с надгробиями из той же пахсы, что и крепость, неземным пейзажем с холмами зелено-серого и пепельного цвета. Когда-то здесь кипела жизнь, люди страдали и радовались. Где они? Лишь скрытые землей и временем остатки утвари, украшений, стекло, бронза, кости, лишь гигантские стены крепости...

Отношение Савицкого к жизни и смерти

Игорь Витальевич к старости сгорбился, и его шуплая фигурка будто усохла. Но духом он не ослаб, не стал сентиментален, так как прошел суровую школу жизни. У него был железный характер и мужественное сердце. Он никогда не позволял себе расслабиться, если только его не валили с ног боли и болезни, потому что торопился успеть сделать как можно больше и знал, что останавливаться нельзя.

Врачи назначили Савицкому специальную диету. Вместо хлеба – сухари, вместо мяса – специальный фарш, который ему доставляли в фольге из Москвы. Возможно, присылала его жена, ученый биохимик, или братья Волковы, или академик Ефуни и его супруга, писательница Калинина. После операции Игоря Витальевича перевезли из правительственной больницы в республиканскую и сделали еще одну операцию по поводу спайки кишок. Я часто посещал его, приносил бульоны, сваренные мамой, читал ему, или слушал его сетования на трудности нашего времени.

Помню, сижу в палате. Положение катастрофически тяжелое, но есть надежда, что мой Старик выкарабкается, надеюсь очень. Я люблю этого человека и боюсь за него. Третью ночь он не спит. Я встал как обычно, в 6 часов, умылся, помог ему сделать туалет. Пока ему делали процедуры, ходил домой, проспал до 10 часов. Вернулся к вечеру – он поужинал, лежит, слушает и дремлет под «Клавесинный концерт» Баха. Пью крепчайший кофе, во время перекуров, прикладываюсь к припасенному на лестнице вину. Стараюсь быть тише мыши. Его мучают страшные боли, дают обезболивающие, но довольно скудно. Игорь Витальевич возмущается, что вкалывают не морфий, а что-то вроде амидопирин. Но уход отменный, и порядки строгие, Савицкий доволен, даже ругал меня за то, что я не надеваю халат, или надеваю не так, как следует. Не сплю уже несколько ночей, но чувствую себя бодро – счастливая идея запастись на ночь вином и крепчайшим кофе.

Однажды Старец сказал, что хорошо бы послушать музыку или новости. Арслан дал проигрыватель с пластинками. Через окно все доставили в палату. Среди пластинок оказался редкий диск с подлинными записями романсов и цыганских песен великой Вари Паниной. Так совпало, что песни оказались песнями детства и юности Игоря Витальевича. Тогда, по

своей юной глупости, я спорил и доказывал, что Варя Панина – русская певица. «Нет, – говорил Савицкий, – цыганка». Савицкий считал, что почти все великие русские народные певицы были цыганками. Эту пластинку я берегу до сих пор. Когда-нибудь я отдам вещи, к которым прикасалась рука Савицкого, в его музей, если там организуют его уголок. Когда в восьмидесятом году он опять лежал в больнице в Москве, видимо, вспомнив про нукусский проигрыватель, попросил одну из нянек, жившую около магазина «Мелодия», покупать ему пластинки. И она покупала ему диски с песнями Александра Дольского, Окуджавы, даже «Бони М» и рок-группы «Uriah Heep». Возвратившись из Москвы, он подарил их мне, они дороги как память о нем. Грустно слушать сейчас ту рок-музыку. Тяжелый рок во всех смыслах.

Реанимационная палата №1 в Нукусской республиканской больнице была высокой, светлой, но узкой. В ней помешались только две кровати. На одной из них, у стены, ночевали я или Квон, а на другой, в центре палаты с видом в окно, лежал Игорь Витальевич. Ночью в окне как в зеркале он мог видеть то, что происходит у него за спиной.

Сидим мы ночью, о чем-то беседуем. Вдруг в палату вбегает врач и кричит, что кому-то нужно срочно делать операцию, а операционная занята. Ввезли на каталке здорового русского мужика, работаю лет 50-ти. Он лежал навзничь, стонал от боли, хрипел и тяжело дышал. Оказывается, он пришел с работы и стал просить у жены денег на водку – недопил. Та, естественно, подняла крик, не дала. «Ах, ты так!» – он, бросился в кухню, налил в стакан уксусной эссенции и залпом выпил. Когда его ввезли, я увидел, что у него почернели губы, рот и даже часть груди. Почему-то не было медсестры. Врач на столике-каталке ввез инструменты и начал трахеотомию. Я подавал ему инструменты, вспоминая навыки ассистента корабельного врача. Помогаю и думаю о реакции на происходящее и состоянии Савицкого, который сам недалеко от смерти.

Мужик дергался в судорогах с привязанными к кровати руками, точно сопротивлялся наступающей смерти. Минут через пять-десять, когда доктор надрезал ему горло и вставил туда металлическую трубку, мужик вдруг глубоко вздохнул, сжал губы, замер и перестал дышать, серо-голубые глаза медленно потухли. Я начал делать ему закрытый массаж сердца. Доктор – молодой каракалпак – стоял у изголовья больного. Я поднял глаза и вопросительно поглядел на него. Тот молча рукой и глазами указал на небо, привязал большие пальцы ног мужика к спинке кровати и закрыл ему глаза. Посреди палаты среди нечистот, блевотины, на смятой окровавленной постели лежал безмолвный, бледный человек, вдруг покрывшийся щетиной. Наступила мертвая тишина после грохота стальных инструментов и наших голосов. В тот же миг из коридора вдруг раздался плач женщин: жены и дочерей этого мученика. По внезапной тишине они догадались, что их отец и муж мертв. Каталку поставили в углу, накрыв простыней, к покойнику вопя приникли женщины. Я в волнении подошел к кровати Савицкого, чтобы узнать – как он себя чувствует. Оказалось, что Игорь Витальевич спокойно и с большим интересом наблюдал за нашей суетой в отражении ночного окна. Тогда он сказал: «Я никогда в жизни не слышал столь прекрасного плача простых русских женщин. Это был божественный аккорд голосов, обращенный непосредственно в небо».

Ему не раз делали операции, кромсали живот, но всякий раз он повторял при мне: «Люди обычно боятся операций. Я не боюсь, что бы со мной ни делали – мне все равно, что будет с моим телом». Говорил просто, будто бы сам удивляясь этой простоте.

Это был закаленный долгой трудной жизнью сильный боец. Он привык преодолевать невзгоды, болезни, трудности, горе и прочие мелочи жизни, наставляя меня на путь истинный, он говорил: «Все начинается с преодоления мелочей. Чтобы суметь совершить большое дело, надо выделить и отбросить все, что считаешь мелочью, и организовать свое время, дисциплинировать себя для главного дела своей жизни».

В Москве с Савицким во второй и последний раз

Осенью 1983 года Игорь Витальевич слег, не мог больше работать, и все приходили к нему прощаться. Пришел попрощаться и его друг и любимец Алексей Квон. Алексей принес рыбу – символ христианства...

Савицкий собирался лечиться в Москве у своего приятеля академика Ефуни, тоже коллекционирующего живопись. Когда-то он с женой приезжал в музей, и во дворе музея я показывал им из фондов графику московских художников, а они восторгались ею.

За пару дней до отъезда в Москву, Савицкий решил взять меня с собой, убедив, что ему в Москве нужен помощник. Хотя ехать должна была сотрудница музея Фарида Мад-

житова. Он считал, что мне будет сподручнее за ним ухаживать, как когда-то в нукусской больнице, а также получать у владельцев и возить в Нукус картины. Как я потом с опозданием понял, он уже тогда знал, что ему осталось жить недолго, и мой долг быть с ним до конца. (А я все еще не верил в его конец).

И вот 8 октября 1983 года мы отправились в Москву. Академик Ефуни работал в Центре гипербарической оксигенации при Институте хирургии. В этом Центре больного помещали в барокамеру и под давлением подавали кислород, которого не доставало организму пациента. Савицкий поехал в Москву в своем новом и единственном костюмчике, купленном для этого случая. В аэропорту нас встретил один из врачей Центра академика Ефуни. Ехали на его «Жигуленке». Савицкий, пока ехал, чтобы сделать шоферу приятное восхищался машиной, расспрашивал о ней, говорил, что по габаритам она похожа на «Волгу». Приехали, устроили Савицкого в одноместную палату на третьем этаже. Ефуни встретил меня тогда тепло.

Савицкий лежал в больнице, я же старательно исполнял его поручения, тщательно записывая их в записную книжку, или сохраняя его записки. Потом приходил к нему отчитываться. Раза два он и сам выходил из больницы, когда ему было лучше. Чаше всего в палате у Савицкого я встречал Ирину Коровай, прекрасную русскую женщину, глубоко верующую православную христианку, как и многие из потомков старинной русской интеллигенции. Она почти через день приносила ему еду, книги по искусству, альбомы. Обычно она сидела на стуле слева от Савицкого, он же лежал в постели, просматривал репродукции картин, и они о чем-то беседовали.

Тогда, в Москве, мы много говорили с ним, иногда полемизировали. Игорь Витальевич часто внушал мне, что я должен постоянно повышать уровень своей культуры, что новые поколения художников, к сожалению, оторваны от вековых культурных корней, что художники должны, не вылезая из музеев, изучать картины, чтобы создать что-то свое и заметное. Тогда он был убежден, что музей высоко поднимет уровень искусства и культуру каракалпаков, но, конечно, не скоро, потому что культура и мастерство взращиваются поколениями, и приводил в пример прикладное искусство каракалпаков. Здесь я хочу отметить, что возрождение искусства каракалпакской вышивки состоялось во многом благодаря художнице Гуле Ембергеновой и множеству обученных ею девушек.

Осенью и зимой 1983-1984 гг. в Москве я жил сначала в гостинице «Колос», жить там было дорого, и меня, по просьбе Савицкого, пригласила гостевать в дом Фаворского художница Ирина Коровай, ученица Фаворского. Ту зиму я жил в квартире тех самых Голицыных, кроме самого Иллариона Голицына, там жили его дочь Катя с мужем Григорием Потаниным, потомком великого исследователя Азии, казака Потанина, друга М.Ф.Достоевского и Чокана Валиханова.

Сама Ирина жила на третьем этаже в маленькой комнатке мансардного типа, там же была ее мастерская. В этой же комнатке жила и Савицкий раньше, когда приезжал в Москву за полотнами для музея. В ту пору мы посетили множество интересных мастерских престарелых художников – старика Шугрина, Алису Порет, вдову Роберта Фалька. О каждом из них у меня сохранились воспоминания и живые впечатления.

Старик Шугрин жил в новом московском квартале в очень тесной однокомнатной квартире, забитой стеллажами с его работами, скульптурами. Он был глуховат, и телефон у него был со световым сигналом. Он нам показывал каталоги своих выставок в Нью-Йорке, которые устраивали его ученики, рассказывал о Соколове – своем учителе.

Алиса Порет была уже в преклонном возрасте. Мне запомнилась ее старинная антикварная кушетка и ученица, женщина лет 40, для которой Алиса ставила натюрморты весьма необычно, как бы в естественной непоставленности в растянутом пространстве без классического центра композиции. Мы выбрали несколько ее работ в музей, в том числе известные работы, посвященные Баху.

Вдова Роберта Фалька тоже предложила Савицкому несколько работ художника. Он выбрал лучшие из почти всех периодов творчества, начиная с ученического, вплоть до последних работ, т.е. от парижского до самаркандского периодов. Игорь Витальевич взял и юношеские работы Валерия, сына Фалька: ночные пейзажи улиц Парижа с фонарями.

В тот раз Савицкий, помимо множества работ Ульянова, собрал и деревенские дореволю-

ционные пейзажи художницы Глаголевой-Ульяновой. Они написаны в манере сходной с ульяновской. В начале 80-х годов Савицкий договорился купить у Кире Киселевой, ученицы и жены Ульянова, в свой Нукусский «музЭй» (так он произносил это слово) огромный холст Ульянова, на котором было изображено шествие пожарников с золотыми трубами в дореволюционной России. Этот холст мог бы стать одной из жемчужин, вокруг которой сгруппировалась бы вся живопись и графика Ульянова. Но Киселева продала это произведение в ленинградский Русский Музей. Савицкий воспринял это очень болезненно и послал меня к Киселевой за своими работами и вещами. Кира жила в квартире, в которой когда-то жил Ульянов. Я поднялся в комнату, где на мольберте был установлен знаменитый рисунок Ульянова – юный кудрявый бог Пушкин у стола. Кира провела меня в узкую комнату через высокий и похожий на пенал коридор с узким окном в конце, указала на несколько хороших дореволюционных рам, к которым прикасалась рука Ульянова, а возможно, и самого Валентина Серова и сказала «Прошу забрать и эти рамы, они принадлежат Игорю». Рамы и теперь у меня. Я храню их, как хранят подлинный сюртук Петра Великого, трость или перстень Пушкина.

Уже перед моим отъездом в Нукус я занимался упаковкой русских икон. Это было, видимо, последнее приобретение в музей при жизни Савицкого. Иконы были переданы в нукусский музей по распоряжению Маргариты Трусковой, заведующей отделом музеев в Министерстве культуры. Думаю, она была одним из наиболее деятельных сподвижников Савицкого в Москве и ближайшим его другом. Помощь ее была бесценна. В железнодорожной кассе мне сказали, что мест нет, но по записке Савицкого начальнику Казанского вокзала продали целых четыре места в купе. Я еле втиснул туда иконы и картины. Возможно, тогда в Москве эти иконы не представляли особой художественной ценности, часть из них была с утратой красочного слоя, который был заполнен белым грунтом. Они использовались студентами художественного училища как практический материал для обучения реставрации. А в Нукусе они, конечно, представляли ценность как произведения Русского религиозного искусства XVIII-XIX веков. Иконы не были оплачены, предъявлялись претензии, и по приезду в Нукус Савицкий начал скандал из-за того, что ему, якобы, не сказали об отказе министра культуры Каракаллаки оплатить иконы. Отругал Валю Сычеву, меня: «Эдик ничего не говорил мне об оплате». Выкручивался Старец, как обычно, не желая возвращать иконы, и во всем винил нас!

«Ныне отпускаю раба твоего, Владыка, с миром»

В августе восемьдесят четвертого года И.Г.Коровой послала в Нукус телеграмму о том, что Савицкому срочно нужна исырык-трава¹. Это было условленное между нами сообщение о том, что дни Савицкого сочтены. А у меня не было денег не только на поездку в Москву, но даже в Ташкент к детям, которых я давно не видел. Я медлил, был в панике, не мог и просто не хотел видеть его смерть. Он умер без меня, полностью отказали легкие, отравленные парами формалина или кислоты, в которых он кипятил ювелирные изделия для музея, чтобы привести их в надлежащий вид.

Меня, Жоллыбая Изентаева, Базарбая Серекеева, Марата Худайбергенова вызвал министр культуры Атагулла Худайбергенов и распорядился получить деньги, кажется, две тысячи рублей, чтобы привезти тело Савицкого в Нукус. В Москве мы поселились в Постоянном представительстве Республики Узбекистан, сотрудник которого помог заказать цинковый гроб в отделе ритуальных услуг, оформить документы на перевозку тела Савицкого в Нукус.

В центре оксигенации тела уже не было. Ефуни, встретил меня холодно, наверное, потому что я не приехал раньше. Савицкий ждал меня перед смертью. Меня попрекала и Ира Коровой: «Я же тебе намекала, неужели ты не понял, что Савицкий при смерти, он хотел тебя видеть, что-то сказать тебе».

Тело Савицкого получили в дождливое холодное утро в морге. Гроб был очень легкий. Повезли на желтом автобусе «Паз»ик в красную церковь в Хамовниках на отпевание, потому что Игорь Витальевич завещал Ирине Коровой отпеть его по православному обряду. Я не удивился, хотя и знал, что он не был крещен. Но он был Православный во всех смыслах.

Гроб внесли в церковь и установили рядом с еще двумя покойниками. Священник положил на головы покойников повязки с текстом молитвы. Савицкий лежал в том самом сером костюмчике, в котором приехал в Москву. На лице было выражение глубокого,

¹Исырык трава - каперсы.

несокрушимого покоя: огромный лоб, впавшие глаза, сложенные большие руки с узлами вен, руки рабочего, вернее, чернорабочего. Этими руками он в юности работал на заводе, а затем перелопатил горы земли на раскопках. Губы его были выдвинуты вперед и чем-то склеены. Я понял, что в рот ему что-то вложили «для красоты», в последние годы у него уже не было ни одного зуба. В руке была свеча. Отпевал пожилой, плотный священник. Расслышал шепот старушек за своей спиной, они уважительно говорили, что он бывший полковник КГБ, оставивший службу ради того, чтобы стать священником.

Наши художники сначала вышли из церкви, не зная можно ли мусульманам присутствовать при этом обряде, но потом присутствовали на отпевании все. Очень красиво пел хор: «Ныне отпускающе раба твоего, Владыка, с миром...».

Гражданская панихида проходила на Новом Арбате, в Доме художников. Собралась огромная толпа. Среди прочих прощальных речей прозвучала речь Мариники. И на отпевании, и на гражданской панихиде были соратники Савицкого по Хорезмской экспедиции. Рядом со мной стояли Елена Неразик и Григорий Потанин с женой Катенькой, там они и познакомились. Неразик спросила его, из тех ли он казаков Потаниных. Из тех, ответил ей Григорий – крепкий чернявый молодой казак с усами.

На панихиде я увидел художника-графика Рудольфа Хачатряна. Что значит самоуверенная молодость! Я осмелился подойти к нему, поздоровался, представился, сказал, что мне очень нравятся его рисунки. На что он мне возразил, что вовсе не считает их рисунками. Потом я понял, что Хачатрян нашел себя в больших портретных работах, выполненных без цвета, карандашом на больших чертежных досках, на левкасе. Поэтому по долговечности и по громадности труда, Хачатрян вполне справедливо не считал их рисунками, хотя в репродукциях они выглядели вне масштаба как обычные рисунки. Рисунки не такие, как учил Фаворский. В основе теории рисунка Фаворского была теория немецкого скульптора Адольфа Гильдебранда о, так называемом, ввинчивании формы в пространство. С этой точки зрения рисунки Хачатряна казались аморфными. Но в них был свой голос, и в истории искусства, я уверен, он останется.

После панихиды, мы вчетвером отвезли гроб с телом Игоря Витальевича в аэропорт, оставили на складе до утра, а я поехал на поминки в дом Фаворского. Пили водку, поминали Савицкого. Утром мы с земляками встретились в аэропорту, погрузили гроб Игоря Витальевича в самолет и через 4 часа, рано утром прилетели в Нукус. Было еще темно, но огромная толпа художников уже ждала его. Первым ко мне подбежал Володя Атабаев, его трясло, в слезах он спросил: «Эдик, что же мы без него будем делать?». Было страшно видеть, вдруг, ставшего беззащитным плачущего великана.

Гроб Савицкого установили в музее. Всю ночь сотрудники музея, художники готовили стол для поминок, среди них была и старенькая мама Алексея Квона. Наутро множество людей пришли почтить память Савицкого. Приехал из Ташкента Николай Пак – великий художник. Во дворе музея он материл Квона за то, что тот перестал работать, приводил в пример трудолюбие Игоря Витальевича, почему-то сравнивая его с Лениным, который «... иногда отдыхал, а Савицкий никогда не отдыхал». Сам я с Паком не встретился, мне стало дурно, и я ушел домой.

В Москве, когда Савицкого отпевали, священник показал мне бумажный кулек с песком, положил его под подушку и предупредил: если вы после этого отпевания вскроете гроб, то этой землей надо насыпать крест на груди покойника и заново освятить его.¹ Когда Игоря Витальевича привезли на кладбище, все пожелали открыть гроб, чтобы попрощаться с ним, хотя в цинковом гробу на уровне лица было вставлено стеклышко. Достали топор, стамеску, вскрыли гроб и увидели, что голова его наклонилась набок. Атабаев поправил голову. Я достал кулек с песком из-под подушки и начал насыпать поверх костюма крест, но меня остановил и отстранил министр культуры, наверное, чтобы «мероприятие» не сопровождалось религиозным ритуалом...

Похоронили Игоря Витальевича Савицкого на небольшом христианском кладбище. Большая часть кладбища к востоку, на восход солнца, была еще свободна. А в 1994 году, когда мне довелось побывать там, оно уже сплошь было в крестах и надгробиях. На этом кладбище летом 1980 года мы с Игорем Витальевичем красили целый день ограду могилы матери Гудковой и убирали с нее сорную траву. Как директор Савицкий мог бы поручить кому-нибудь этот разовый, в общем-то, уход за могилой. Но свои личные дела он никогда никому не пере-

¹ После отпевания православная церковь не рекомендует открывать гроб перед преданием земле.

поручал. Мы красили ограду, он – изнутри, а я снаружи, и Савицкий вслух размышлял о том, что будет с музеем, когда он умрет, о своей смерти и будущей могиле. Он ждал, что я пообещаю никогда не оставить музей и его дело. Но я ограничился ответом на вопрос о могиле: «Я буду глубоко чтить Вашу память, буду приходить на могилу, сажать цветы». Он понял меня и печально пошутил: «Конечно, будешь ... поливать ... цветочки на моей могиле».

Вспомнилось, как после всего случившегося посещала могилу Савицкого Наташа Глазкова, директор Ташкентского Дома музея У.Тансыкбаева. Рано утром купили цветы, взяли такси и поехали на кладбище. Таксист, каракалпак, не знал, где находится русское кладбище, и я объяснил ему, как доехать: горбольница, тюрьма, а дальше – кладбище. У Наташи начался приступ истерического хохота: «Здесь все рядом для жизни – тюрьма, больница и кладбище». Опять память цепляется за имена. Тансыкбаев умер в Нукусе еще при жизни Савицкого, куда приезжал, чтобы взять из музея свои ранние работы на персональную юбилейную выставку к своему 70-летию. Савицкий прятался, тянул с передачей картин, боялся, что тот не вернет. Художники же выказали такой уровень гостеприимства, что сердце Тансыкбаева (он уже был стар) этого гостеприимства не выдержало. Кажется, картины все-таки отправили в Ташкент на выставку правда, уже к 80-летию художника. За что Савицкий всех и отругал.

Через месяц после смерти Савицкого умер другой художник – таджик, Музаффар Ешанов, который был женат на Гулайим, племяннице Кдырбая Саипова, друга Савицкого. Его отправили на родину, в Таджикистан, погрузили с большим трудом в самолет в том же деревянном ящике от цинкового гроба, в котором привезли Савицкого. И здесь Савицкий помог художнику.

Как часто художники создают памятники, которые становятся их собственными.

Похоронили мы Савицкого, поставили ограду, залили основание будущего памятника бетоном. Через год на деньги, собранные каракалпакскими художниками, поставили памятник – бронзовый мальчик, играющий на дудочке (по-видимому, простую и трогательную мелодию). Надпись: «Савицкий Игорь Витальевич» и даты жизни «1915-1984 годы». 69 лет подвижнической жизни. Памятник похож на скульптуру Матвеева на могиле живописца Борисова-Мусатова. Но там мальчик спит. Автором памятника Савицкому был скульптор Дамир Рузыбаев.

Прощания и прощения

Начну с события на раскопках, которое меня потрясло и потому особенно запомнилось. В начале сентября 1984 г. я был на этюдах у крепости Джампык и вдруг – страшное зрелище: Савицкий в рубище дервиша. Ноги поверх пыльных грязных тряпок были обвязаны веревками, он едва дошел до крепости Джампык от шоссе, где его оставила попутная машина. 15 километров по раскаленной безводной пустыне! Запекшиеся черные губы, на голове пыльный и потный платок. Увидев меня, с горьким упреком сказал: «Ты все пишешь этюды, тебе и дела нет до меня?». Он решил, что я не оказываю ему должного внимания, наслаждаюсь природой и живописью, а он в Нукусе страдает. Даже не посмотрел на мои картины и не захотел слушать оправданий. Это его последнее паломничество на Джампык было великим жестом, порывом души. Он знал, что смертельно болен, но пришел проститься с Джампыком как с самим собой.

В последние годы мы не ладили, открыто говоря, ругались. Я хотел писать, совершенствовать мастерство, а он требовал, чтобы я служил «завскладом» в музее и реставрировал картины, пусть даже Волкова и Курзина – это были святыни для Савицкого. В последние дни своей жизни в Москве, Игорь Витальевич как бы ненароком сказал мне (он избегал прямо говорить об отношениях с кем-либо): «Эдик, мне кажется, что в последние годы между нами пробежала черная кошка, но она уже пробежала». Потом, вспоминая его слова, я понял, что ими было сказано все – и что он прощается со мной, и что простил меня.

Как поздно я осознал, что все мы вышли из небытия и уйдем в бездну небытия, и в краткий миг жизни мы должны любить друг друга, потому что в могилах мы навечно будем лежать порознь и навечно замкнутся наши уста. Там, в темном провале, никто не услышит слов дружеского участия, не ощутит ласкового прикосновения рук, никто не обнимет. Только здесь и непременно сейчас следует так любить друг друга, чтобы в памяти продолжающего жить не нашлось места отчаянию и тоске по уже непоправимому.

Я помню все сны о нем. Когда я еще жил в Нукусе, он снился и звал к себе. Видимо, потому, что ждал и не дождался. В последнем сне он вошел в мою комнату. Повесил свой

пиджак на спинку стула и приказал примерить. Пиджак оказался невероятно тяжелым, я согнулся в три погибели, будто это был «пиджак Мономаха». А он взял пиджак, легко накинул на свои плечи и вышел. Шел и весело смеялся. Я ему вслед: «Игорь Витальевич, Вы же умерли» – и услышал как эхо: «Нет, Эдик, я жив».

О своей смерти он говорил со мной как бы шутя, как бывает у родителей с детьми, позволяя поддерживать эти шутки только мне, насколько я помню. Как-то я сказал ему: «Игорь Витальевич, когда Вы умрете, Вам построят Мавзолей, и к нему будет стоять огромная очередь». Он ответил: «Ты не забудь у мавзолея туалет построить, а то всю могилу загадят».

Он..., Савицкий... Признаюсь, я его, наверное, любил недостаточно, а он меня любил. Я был молодой, с гонором, думал больше о себе, о своем творчестве, семье... А он любил меня... как непутевого сына...

И теперь я тоже слышу приближающийся хор, и все громче звучит «ныне отпускаете..., ныне отпускаете..., **НЫНЕ ОТПУШАЮЩЕ...**».

Идет и ко мне долгожданный покой, и оставит меня, наконец-то, этот проклятый кашель...

Как неисповедимы пути и дела твои, Господи, так и приудливы тропы и судьбы твои, Человече! Я понимаю — как и почему носит людей по миру, как и почему встретились внук киевского дворянина и внук ишана из казахской степи в крохотном оазисе, затерявшемся в среднеазиатской пустыне. Но не могу понять — откуда в этих внуках искра, которая сожгла их жизнь в служении Призыванию? Тот — кто ответит на этот вопрос — ответит на вопрос о чуде появления человека и смысле человеческого жизни.

* * *

Я благодарю случай, который свел меня на приеме в посольстве Российской Федерации с редактором «Звезды Востока». Разговорившись о Савицком и имеющихся у меня материалах, я получил предложение их опубликовать. Если бы не было этого приема и этого разговора, кто знает, когда и где был бы опубликован этот материал.

Возможно, публикующиеся впервые, материалы Эркина Жолдасова будут дополнены теми, кто знает что-то еще и об Э.Ж. и о тех, с кем он работал и о ком писал.

Пыль Вавилона

Роман

Вторая тетрадь¹

«Каин убил Авеля в местечке к югу от Вавилона. Мотив убийства до конца не ясен: то ли зависть, то ли задетое самолюбие, смешанное с ревностью, толкнули Каина на крайнее. Впрочем, наш участковый, старшина милиции Агзам-ака, присутствуя он при задержании, выдвинул бы следующую версию: «Э, накурился да, Кабилл несчастный!» Предположение Агзам-ака не лишено здравого смысла. Возможно, Каин действительно находился в состоянии аффекта. Вероятность наркотического опьянения не исключена – ведь неизвестно, какие такие растения возжигал он на огне, чтобы умиловать Бога, какой дым сам вдыхал.

Нет единого мнения и относительно орудия убийства: одни называют камень, другие – палку, третьи и вовсе несусветное – камыш. Пустые толки. Где свидетели? Ворон не в счет: в ту минуту он сам был занят сокрытием своего преступления.

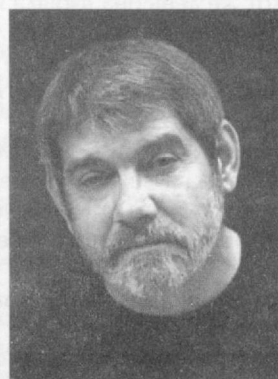
Но не это главное, изумляет явное попустительство: прямого и незамедлительного наказания за убийство не последовало. Прецедент был создан, и – как следствие, как пролог, как запуск механизма – вползла в сознание последователей, до поры затаилась, а в нужный им час воплотилась чудовищная мораль: УБИВАТЬ – МОЖНО!

Каин женился. И пошли в его роду по очереди Ирад, Мехиаель, Мафусал, Ламех...

Ламех прославился тем, что убил Каина. Говорят, это случилось по неосторожности: дескать, Ламех на охоте, по подсказке своего сына Тувалкаина, сослепу пустил стрелу во что-то косматое, заслоненное кустом, и угодил в Каина. Раздосадованный промахом горе-охотник тут же порешил и сына своего – Тувалкаина.

Бог не покарал Ламеха, как обещал Каину, что всемеро отмстит тому, кто оборвет жизнь братоубийцы. Впрочем, к тому времени срок действия заклатья уже истек. Можно сказать, Ламех попал под амнистию.

Совесть недолго мытарил Ламеха. В ночь после двойного убийства он лег с одной из своих жен – с кем именно, с Адой или с Циллой, оставим за пологом шатра. Однако всегда находится кто-то, кто может проникнуть в недоступное, прознать неизвестное и разнести весть о недозволенном, и от этого возникают разного сорта толки, предрассудки, домыслы... Говорят, будто первой женщиной, возроптавшей на мужа, была Цилла, отказавшаяся рожать от мужа-преступника. Но потом быстро согласилась и...

Михаил ГАР

Родился в г. Ташкенте, окончил ТашГУ (НУУЗ) факультет журналистики. Работал корреспондентом УзТАГ, главным редактором в Издательском доме «АККА» (Санкт-Петербург), печатался в журналах «Молодая смена», «Молодая гвардия», газете «Ташкентская правда».

¹ Продолжение. Начало см. в журнале №1 за 2013 г.

(Густо зачеркнуто).

...и отдохнув, Ной принялся возделывать землю. Возможно, страсть к земледелию он унаследовал от своего дальнего родственника – Каина. Ной посадил виноградную лозу. В тот же день она взошла и – о чудо! – украсилась великолепными гроздьями.

Откуда же взялась лоза? Одни говорят, что виноградные косточки якобы сами приплыли из Эдема. Другие утверждают, что Ной прихватил их с собой по чьему-то наущению, и лоза эта – ничто иное, как продолжение искушений и тайных козней, направленных против Бога.

Да, по воле Создателя Ной размножил род человеческий. Но по чьему замыслу, он, первый на Земле винодел, подает пример, как пристраститься к коварному соку необыкновенных ягод?.. Вино еще сыграет свою роль в разных историях. Кровью отольется оно на последнем пиришестве Вавилона.

Укорил же Бог Ноя задолго до многих событий, сказав: «Зачем ты напился?»

А было так. Первый собранный урожай Ной обратил в вино. Выпил и, надо полагать, выпил крепко, не разбавляя водой, на радость себе, ибо пил в одиночестве. А ведь был благочестив, чем, собственно, и угодил Создателю, когда Тот подыскивал достойного кандидата для продления рода человеческого после очистительного потопа.

Пьяный и голый, Ной уснул в своем шатре крепким сном праведника. В таком виде его застал младший сын Хам, некстати заглянувший в шатер.

Увидеть отца голым – грех по тем временам страшный, вавилоняне, например, считали такой проступок сродни прелюбодеянию с матерью. Но никто бы не узнал о случившемся, не рассказы Хам об этом братьям. Разумеется, о проступке Хама незамедлительно прознал Ной. И тогда старика прорвало! Только весь свой гнев он обрушил не на Хама, решив вовсе не замечать его, а на сына его – Ханаана. «Рабом рабов будешь отныне и веки!» – кричал разгоряченный дед внуку. И проклял его. Что за привычка: чуть что – проклинать.

Но, сказать по правде, эта давняя история запутана и деликатна. Говорят, что причиной гнева было вовсе не то, что открылась нагота патриарха. Дело в другом: то ли Хам умышленно, то ли Ханаан по детской шалости ... в общем кто-то из них лишил Ноя мужской силы. Как тут не проклянешь?..

(Зачеркнуто)

...Да будут счастливы родители, незамутненным оком видящие себя в подрастающем ребенке, глядящем на отца и мать с уважением и интересом! Детей должно быть много. Хорошо, если их жизнь начнется и продолжится с добрым любопытством и любовью».

– Сколько раз ему говорила – не понимает, сколько раз его просила – не слышит, сколько раз его предупреждала – все без толку.

Мама, с кем ты разговариваешь? Кто еще есть в нашем доме, кого я не знаю, не вижу, но с кем ты разговариваешь всякий раз, как остаешься одна? Почему столько секретов от меня, разве я чужой? Ты не знаешь, что любопытство неудержимо, как Буриджар, влечет меня к твоей тайне. Я подслушиваю твои разговоры с тем, невидимым. Я подглядываю за тобой жадно, как голодная собака смотрит на пустую миску, которую не посещают даже муравьи. Не догадываешься, почему блестит медь вокруг замочных скважин? Это мои ресницы вычистили ее до блеска, как ты начищаешь песком чугунный казан.

Вот и теперь, услышав твои причитания, я на цыпочках покинул угол томления и прилип к замочной скважине: я хочу знать, хочу увидеть того, кому ты доверяешь свои жалобы и секреты, – и глаза мои толкаются у замочной скважины, как нищие над случайной копеейкой.

Раньше ты была другой, но переменялась после той ночи, о которой не хочешь вспоминать.

Вай, только не надо мне больше сказок о дурных звуках, которые – ну конечно! – приходят с юга мучить слабых.

Еще раз повторяю (правда, только про себя, осторожным шепотом, чтобы мама не услышала): нет там никаких звуков!!!

Сам расскажу, что знаю.

Шесть лет назад июльская жара была особенно безжалостной. Обычно, спасаясь от духоты, мы спали на дворе, под виноградником. Но в том июле появились кошки, и мы перебрались в дом.

Я проснулся среди душной, липкой ночи от пронзительного крика, и острый свет ударил по глазам. Заслонившись ладонью, я увидел: мама стоит перед открытым окном и, белая как соль, вглядывается дикими глазами во тьму двора. Она прижимала к груди окровавленную правую руку. Кровь выливалась, густо пропитывая ее ночную сорочку. Я никогда не видел столько крови – и меня вырвало.

– Успокойся, сынок, это просто какая-то дрянная кошка пролезла в окно, а я хотела ее поймать, но эта тварь поцарапала мне руку.

Голос мамы дрожал, а зубы предательски громко стучали. И тогда я понял: мама только что научилась обманывать меня.

Ур, до этой минуты подозрительно молчавший, – причем, освобожденный от цепи на ночь, – вдруг что-то глухо пробасил в дальнем конце двора, забившись в конуру. За окном внезапно возникло строгое лицо бабушки Халиды: серые волосы растрепаны, как недовольный песок пустыни, всклокоченный бурей; глаза сощурены до черных ниточек; рот кривой и дергается от уголка к виску.

– Дверь открой, я войду, – сказала старуха недовольно, и мама сразу ее послушалась.

Войдя в комнату, бабушка Халида волосатыми ноздрями шумно потянула воздух, покосилась на окно, быстро шагнула к подоконнику и ткнула в него взгляд. Она шевелила губами, словно читала невидимое. Потом она разогнулась и, глядя в темноту за окном, как будто самой себе сказала:

– Опять пришла. Давно не было. Неужели сто лет прошло?

– Кто пришла? – забеспокоилась мама. – О чем ты говоришь?

– Идем в другое место. Скажу тебе. Это не для его ушей. – Старуха посмотрела на меня пугающе и прошипела:

– Не подслушивай.

Через узкий коридор они прошли в соседнюю комнату, и мама плотно затворила дверь. Я мгновенно сорвался с тахты и прижался глазом к замочной дырочке.

– Дай руку, – сказала бабушка Халида. Увидев на столе кумган, взяла его, потрясла, чтобы убедиться, что не пустой, и полила воду на кровь. Мама всхлипнула, как маленькая.

– Считай, что это хорошо, – сказала старуха, перевязывая омытую руку белой тряпичей. Но прежде она достала из мешочка и посыпала на раны какую-то серую пыль, похожую на пепел. В ее широкой юбке множество потайных карманов, где она хранит всякие снадобья собственного изготовления.

– Вот так, – закончила бабушка Халида. – Рубашку не жалея – сними и сожги. Считай, что это хорошо, – повторила она. – Мстить не будет. Неужели семьсот лет прошло?

– Да о ком... о чем ты говоришь? – воскликнула мама.

Бабушка Халида долго кашляла, кривым указательным пальцем тыкала куда-то в сторону стены; пока она кашляла, мама успела переодеться; окровавленную сорочку скомкала и бросила под дверь, выводящую на двор. Старуха прокашлялась и, наконец, вспомнила.

– До того, как вы поженились, – произнесла она, отдышавшись, – Авраам, твой муж, купил этот дом у Исмаила. Исмаил и его отец Алишер были лучшими из всего их рода. Слушай! Исмаил был внуком Санджара. Санджар был нечестным человеком. Я его знала. И отца его, сарта рыжего, Казима пьяницу, тоже знала. На этом месте, где сейчас твой дом, стоял караван-сарай, где хозяйничал Тамай... то ли прадед или кто там еще раньше – то по старшинству?.. уж не помню, кем он доводился всем их уродам, кроме двоих... Вот уж не знаю! Но только после Санджара у них в роду вдруг потомки какие-то человеческие пошли: Алишер, Исмаил... – наверное, Бог так решил. мол, хватит, довольно, и без того в округе шакалы расплодились. Выходит, не до последнего побега проклял их род.

Вот слушай теперь, откуда идет плохое и твою кровь размывает – хотя нет вины ни твоей, ни сына, ни мужа твоего, пусть огонь светит и греет вас всех.

Вот: Тамай был поганим человеком, ох, поганим... маленьких девочек любил и в молодости своей подлой и в старости безумной: заманит, бывало, к себе в темную комнату фиником грязным, улыбкой черной – и делает дальше что хочет, рот только зажмет маленькой, чтобы не орала от боли. Иные отцы и матери знали о его охотах, но открыто не возмущались – им могли запросто горло перерезать: у Тамая много дружков водилось – таких же.

Я тогда девчонкой была. Меня тоже заманивал. Когда руки свои рыжие распустил, как собак бешенных, я ему в глаза красный перец кинула: перец у меня всегда был при себе... в юбке... или что там было на мне?... не помню. У, как он выл и катался на вонючей кошме, где столько девчушек нашли свою беду! Я ему хороших пинков надавала, дерзкая была, и дружков его не боялась. Все: и Тамай, и прихвостни его – беглое отродье – все подошли не своей смертью. Так-то.

Бабушка Халида жестко топнула, замолчала, сжав губы, уставилась себе под ноги, гневно сопя, и напроць забыла, где она в эту минуту.

– Дальше–то что? – воскликнула мама, в нетерпении дернув махаллинскую колдунью за рукав.

– Что ты хочешь? – проворчала бабушка Халида, вернувшись из далеких воспоминаний в маленькую комнату и увидев перед собой напуганную до смерти бледную женщину. – А, перец... Да, веселилась я страшно. Сколько лет-то прошло?... тыща?... больше?... Как сейчас помню, пришел длинный караван из Хитоя. Там такие важные были дядьки с косичками, толстые, все одинаковые; они немного денег нам, маленьким, кидали в пыль; деньги были какие-то смешные, с дырками. Эти, важные, почему-то сюда пришли, хотя шли в Даюань. Туда они шли за конями – за большими, знаешь, боевыми конями, чтобы тяжелых мужиков, вроде этих, могли нести на себе, ну, тех, которые в железе все. Я их потом еще раз видела – этих самых или не этих, кто их разберет-то, одинаковых; а позади каждого такого воина на лошади сидел еще один, только без железа и худой, он помогал поддерживать тяжеленное копье. Вот смеху-то было на это глазеть! Вой–ё, сколько лет прошло, Женя, семьсот?... тысяча?... святой здесь еще не пас баранов...

Вот, пришел большой караван, а с ним белый верблюд; между горбов у него была кибитка, закрытая со всех сторон плотной материей. Но один раз материя отогнулась, и я увидела тоненькую ручку; там, в той кибитке, сидела девочка. Они остановились на ночлег в караван-сарай у Тамая...

А утром переполох случился страшный. Все, кто с караваном пришли, бегали, кричали, кого-то искали, в каждую шель, куда даже ящерица не пролезет, заглядывали. И по имени кричали: «Кианг! Кианг!»... – Роза по-ихнему.

Женщины волосы на себе рвали, в пыли валялись. Мужчины злобными сделались. Тамая к стене приперли, нож прижали к горлу. А тот отбрёхивался всеми богами, в которых никогда не верил: не знаю, – орал, – где она; как в комнату проводили, так больше не видел; плакал, подлый. И никто не спросил его: почему рука тряпкой перевязана, а? Все тогда о другом думали, а я сразу догадалась – Тамай руку свою грязную приложил.

Когда караван ушел, Тамай барана зарезал, плов сделал, дружков своих созвал. Только недолго после этого Тамай и его убийцы свет белый пачкали. Однажды они порешили отправиться к святым местам – дескать, прощения попросить. Так их там и ждали! Они это так при людях сказали, чтобы те посчитали их праведными. Шли они да не дошли – все, один за другим, вступили в гиблое место, в песок такой, знаешь, если ногу схватит, уже не отпустит. Они друг через друга хотели вылезти, за волосы чужие хватались, орал. Все вниз ушли. Давно это было, давно.

– Ты-то откуда про это знаешь?

– Откуда, откуда, – проворчала старуха, – белый верблюд осиротевший поведал. Так-то! Почти все мужчины из рода Тамая из жизни не как положено уходили, все – кроме двух последних: Алишера и Исмаила, у которого твой муж этот дом купил. Вот, Женя, стрела летела, летела, не зная куда, – в тебя теперь уперлась. Верь: больше не прилетит. Сюда – не прилетит.

Бабушка Халида замолчала и в упор посмотрела на дверь – точно насквозь проглатала ее взглядом.

– Ушши большие твой сын отрастил.

Я метнулся к тахте. Мама заглянула в комнату, посмотрела строго и вышла. Спасибо, что свет не погасила. О чем они говорили после, я уже не слышал. А жаль.

С той ночи мама переменялась, и под ее левым веком поселился бессонный серый сторож; а в доме появился кто-то невидимый, кому мама доверяет все свои жалобы и секреты.

Почти полжизни моей прошло с тех пор, а страх и неизвестность, вцепившись крепко, как желтый скорпион, продолжают мучить меня.

Взгляни на свои шрамы, мама, которые время еще не успело вылизать добела, и скажи: какая кошка способна оставить борозды шириной в палец и длиннее, прости за дерзость, длиннее, чем твоя обманывающая меня память? Не хочешь пугать правдой, ладно, – пусть будет кошка, но тогда скажи, что она вытворила глупую шутку и, нацепив лапу тигра, так загордилась собой, что приняла тебя за мышонка, – я охотно в это поверю. Не молчи, не оставляй меня одного с темнотой внутри. Оторви от меня страх неизвестности, как вырвала когда-то жало скорпиона!

Я сам толком не знаю, чего боюсь; но я чувствую, что этот страх появился давным-давно, задолго до моего рождения, которого он, как мне кажется, только и ждал, и теперь он будит меня по ночам и заглядывает черной пустотой в мои глаза; я крепко накрепко зажимаюсь, придавливаю ладони к лицу, но это не защищает, потому что страх – во мне, мое тело стало его жилищем, как тысячи других – до меня. Что мне делать, что делать?..

Тик-так – три тысячи шестьсот пятьдесят три.

Почему я должен терпеть наказание за то, что разрешают другим? Мне стыдно перед друзьями. В строгом молчании храню я от них страшную тайну, что вынужден отбывать наказание, как последний сопливый мальчишка, едва научившийся вытворять непутевое. Их легко отпускают из дома каждый день, и они празднуют свою свободу на радостном пустыре. Неужели они свободнее меня, потому что их меньше любят? По-моему, это очень глупый вопрос.

Я держу устав открытым, на случай если в комнату войдет мама; он открыт на одной и той же странице.

Я думаю о моих друзьях; о них я могу рассказывать долго. А раньше мне все равно не выйти из угла.

Вах – восьмой по счету ребенок в семье. У него шесть братьев и три сестры. Отец Ваха – единственный кузнец на три махалли и, я уверен, самый сильный человек на свете. Когда мы приходим к нему в кузницу, он показывает нам всякие чудеса: то разломает пальцами медную монету, то заплетет из двух гвоздей косичку. Однажды он поднял на плечах старую кобылу старьевщика Алима, которую тот привел подковать. Мы хохотали, потому что всегда спокойная Жадал вдруг громко заржала от испуга, задрала хвост и навалила здоровенную кучу. А старьевщик Алим ударил себя ладонями по лысой голове и воскликнул:

– Вой-бо, Джавад, ты опозорил девушку!

Мама Ваха, Нигора, добрая и веселая женщина. Она из древнего племени кынык, откуда, говорят, произошли внуки великого Сельджука – Тогрул-бек и Чагры-бек.

Вах с гордостью называет маму туркменской принцессой. Да она и вправду принцесса: стройная, высокая, с толстой черной косой, похожей на уставшую змею, прильнувшую к спине. У Нигоры большие темные глаза, заглянув в них – будто видишь ночное небо с мерцающими звездами. Она со всеми приветлива, каждого, кто приходит в дом, угощает чаем и горячими лепешками, испеченными ею в тандыре, который отец Ваха сам вылепил из глины и установил во дворе. Работа кузнеца много денег не приносит, но Джавад на все руки мастер – за что ни возьмется, все сделает хорошо. Тандыр делает, приемник починит, виноградник поставит, саманные кирпичи слепит, дом поможет построить. Если что-то надо сделать, – идут к Джаваду. Расплачиваются за работу кто деньгами, кто продуктами. Так и живет многодетная семья – пусть небогато, но всегда в достатке.

У Вити родители археологи. Они проводят жизнь в постоянных командировках, кочуя с места на место. Если поездки короткие, Витя и его старшая сестра Елена остаются в ленинградском доме вдвоем. Если командировка рассчитана на год или дольше, родители забирают Витю с собой, а его сестра остается дома – она учится в институте. В махалле они поселились полгода назад, сняв три комнаты в одном из шести домов, принадлежащих нашему соседу, зубному врачу Аббосу; все шесть домов, стена к стене, расположены вокруг большого, как футбольное поле, двора.

Витиных родителей мы готовы слушать бесконечно. Они рассказывают о своих экспедициях в самые разные концы страны – рассказывают взахлеб, как возбужденные дети, перебивая друг друга: а помнишь?!.. а помнишь?!..

По сравнению с ними Салахитдин Иосифович – просто историческое недоразумение. Надо ли говорить, что после встречи с ними я твердо решил: стану археологом. А чтобы не терять время попусту, сразу же принялся за раскопки на нашем дворе. И однажды – я глазам не поверил! – из неглубокой ямы вывернулся какой-то странный нож, то есть на нож он был похож только потому, что я хотел, чтобы он обязательно был ножом, а не какой-то никудышной железякой, которую, быть может, двадцать лет назад уронил с крыши дома Аббоса какой-нибудь отяжелевший от усталости кровельщик.

– Надо показать родителям, – сказал Витя.

Алексей Викторович, Витин отец, разглядывал находку при свете у окна, медленно поворачивая, как палочку шашлыка, чтобы мясо не подгорело; глаза его блестели.

– Лариса! – крикнул он в соседнюю комнату.

На его зов выпорхнула тоненькая, легкая, похожая на десятиклассницу женщина – Витина мама.

– Ты только взгляни! – сказал Алексей Викторович, протягивая ей мою находку; он был взволнован. Я тоже.

Лариса Александровна, вооружившись огромными очками с толстыми круглыми стеклами, которые мгновенно превратили ее в стрекозу, достала из походной сумки, стоявшей всегда наготове под письменным столом, банку с какой-то жидкостью, кисточку, бархатную тряпочку, села за стол, зажгла лампу и принялась колдовать над находкой.

Мы сидели рядом на диване – как на коряге: Вах, Гима, Витя, я. Наши глаза и уши были распахнуты настежь, как ворота парка культуры и отдыха в воскресный день. Мы сгорали от любопытства.

Алексей Викторович, заложив руки за спину, ходил взад-вперед по комнате, не обращая на нас внимания, и бормотал с тихим ликованием:

– Я так и думал, я так и думал...

Тем временем Лариса Александровна, используя мягкую кисточку, отмыла раствором загадочный предмет, запеленала его, как младенца, в бархатную тряпицу и, развернув через минуту, поднесла его к огромным линзам очков.

Алексей Викторович остановился подле нее, потирая ладони.

– Ну, что ты скажешь?

– Да, Леша, – так же медленно, как будто достает слова из клея, произнесла Лариса Александровна, – похоже...похоже, ты прав.

– Да! Да! – вскричал Витин отец громко и неожиданно, мы вздрогнули, и коленкор дивана похолодел под нашими задницами.

– Но как он сюда попал? – вытянула фразу Лариса Александровна. – То ли они здесь были, то ли завез кто из местных... Это, пока с большой натяжкой, но очень похоже – Цинь, и наш старый знакомый император. Но что тогда им нужно было здесь, в этой глуши, совсем в стороне от Ферганы?

– Вот это и надо выяснить. Я иду в минкультуры, буду ставить вопрос о проведении предварительных раскопок, – сказал решительно Алексей Викторович, быстро собрался и ушел.

«Сначала тутовник, теперь раскопки – и все у нас. – Непонятные мысли пока не укладывались в голове и топорщились в разные стороны. – Что мама скажет? А розы, возле которых я нашел нож? что с ними будет?.. Интересно все».

Витина мама склонилась над ножом, вдобавок к очкам вооружившись внушительной лупой. Она не замечала нас.

– Мам, покажи ножик, – не выдержал Витя. Но Лариса Александровна была далеко в эту минуту и не расслышала просьбу сына.

Витя подошел к ней и громко сказал:

– Мам, ты слышишь?!

– А?... – встrepенулась Лариса Александровна, видимо не совсем понимая, кто и зачем ее отвлекает.

– Ножик, говорю, покажи, – повторил Витя.

– Ножик?... – переспросила Лариса Александровна, – а, ножик... Ну вот, смотрите.

Она положила длинный бронзовый лепесток на черный бархат, расстеленный на столе в том месте, куда, пробившись сквозь густую виноградную листву, изрезанными пятнами падал солнечный свет. Мириады мельчайших пылинок мельтешили в золотистых лучах, как одержимые, и, казалось, что они, еще более древние, пляшут, радуясь встрече со старым знакомцем.

Мы склонились голова к голове над ножом и не узнали его; отмытый от вековой грязи, он тускло поблескивал на черном бархате. Его клинок, широкий у рукоятки, сужался в острое жало на конце. Нож, видимо, затачивался с обеих сторон. Мне понравилась его рукоятка: она была похожа на стебель, который обвивала тонкая, чешуйчатая змейка; был замечен узкий разрез ее глаз – она как будто поджидала кого-то.

Я не удержался – и рукоятка удобно уместилась в ладони. Затупившиеся края тускло сверкнули, будто по ним пробежала давно забытая дрожь. Что-то было в нем такое, что мешало отпустить его обратно на черный бархат, и странное ощущение проникло через ладонь мне в грудь: нож сам не хотел покидать ладонь!

– Это кинжал, – произнесла Лариса Александровна. – Таким оружием могла пользоваться только женщина, причем, молодая женщина с определенным достатком и положением. – Лариса Александровна посмотрела, как я, сжав рукоять, поворачиваю нож в лучах света, и задумчиво добавила:

– У нее была тонкая кисть и узкая ладонь. – И глядя поверх очков, испуганно: – И... и она хотела убивать.

Самый шептун – Гима. Этот минуты не может находиться в покое, обязательно ему надо дергать руками, ногами, куда-то бежать... За партой он сидит один – никто не поддерживает его трясучек.

Пять лет назад в семью Гимы пришло горе. В осенний праздник его старшая одиннадцатилетняя сестра Халила с подружками отправились на главную площадь города. Поздно вечером в махаллу вернулись только три испуганные, плачущие девочки. Халилы с ними не было. На расспросы бедняжки ничего толком сказать не могли: была вот тут вот рядом, только отошла на шаг – и все. Бегали в толпе, кричали, звали...

Родители Гимы каждый день обращались в милицию, поднимали на ноги всех своих знакомых, куда-то ходили, кого-то умоляли, стучали в одни двери, в другие, в десятки...

Проходили дни, месяцы. Все было бесполезно – бесследно исчезла черноглазая певунья. Не зашило девочку священное имя Халила – Галилея.

Разные истории, одна страшнее другой, передаются в махалле. Люди шепчут их друг другу на ухо, сбоку заслоняя лицо ладонью. Утверждают, что в городе появилась неуловимая банда, которая крадет девочек и мальчиков, а потом продает их для мерзких утех то ли богатым магазинщикам, то ли председателям колхозов.

Другие говорят, что исчезновение детей – это дело рук многочисленных бродяг из неприкаянного племени люли. Они якобы увозят детей в горы, в недоступные, известные только им места, прячут в пещерах и там окуривают дымом дурного мака до тех пор, пока те не лишатся памяти. От этого да еще от грязи и голода их лица становятся неузнаваемыми. Старики племени обучают их воровскому ремеслу, и потом маленькие рабы либо крадут все, что приметит глаз и попадет под руку, либо кланчат милостыню, и кочуют с места на место с беспутным племенем.

Третьи придумывают что-то еще, более ужасное, чтобы затмить предыдущих рассказчиков. Но никто толком не знает, что происходит в действительности. И эта неизвестность вселяет в их души страх. С тех пор, как пропала Халила, детей из махаллы больше не отпускают в город одних.

Через полгода бесполезных метаний, отчаявшись и потеряв надежду на чью-то помощь, отец Халилы и Гимы сам отправился на поиски дочери – и больше в махалле его не видели. Ни одной весточки за пять лет не прислал Анвар домой. Мама Гимы, несчастная Сумайя, лишилась речи, перестала красить брови, раздала все платья – свои и дочери, только одно оставила себе – черное. И сама она потемнела лицом и умом.

А недавно случилось нехорошее. После очередного долгого отсутствия в махалле вновь объявился Атсиз. Его лицо, от тупого подбородка до синих кругов под глазами, заросло клочьями рыжей щетины. Зрачки мутные, запачканные какой-то несмыслимой дрянью.

На каждом углу Атсиз утверждает, что он славный охотник. Но все считают, что он болтун и хвастун. На каждом углу он, выпячивая грудь в одной и той же грязной рубашке без двух пуговиц, заявляет, что его род берет начало от племени барлас, откуда произошел сам Темур – Великий Темур, Темур-ленг, Железный Хромой, Тамерлан. Но все считают, что Атсиз – дурной бродяга без корней и рода.

Так вот, Атсиз объявился в махалле и чересчур веселый пришел в субботний день к общему водопроводу в переулке, где обычно собираются женщины посудачить обо всем на свете, и сообщил крикливо:

– Ходил я, уважаемые, на великий Памир, и однажды, когда ночь напролет караулил важного барса, увидел сквозь темноту и бесконечный снег странную тень. – Атсиз был явно на взводе: то ли дешевого вина нахлебался, то ли веселой травы надышался.

– Пригляделся я, – продолжал болтун, – а зрение, вы знаете, у меня знаменитое, и узнал, – кого вы думаете?.. – нашего Анвара! А на плечах у него лежала самка горного барана. Я сначала испугался, но вы же знаете, что я ничего не боюсь, и я крикнул ему, а крикнул потому, что ветер дул так, что сворачивал уши, как манты: эй, Анвар, крикнул я, ты живой или мертвый? Если живой, вознеси хвалу Аллаху – и отправляйся домой к твоей черной вдове, обезумевшей без дочери и мужчины. А если ты явился с того света, сбрось эту самку с плеч, – тут он показал пальцем на Сумайю, подходившую в эту минуту к водопроводу с пустым ведром и слышавшую последние фразы нетрезвого охотника, – и не благодарю меня за старания вернуть тебя по-хорошему!

Атсиз, довольный собой, рассмеялся, как подавившийся падалью ворон. Все, кто был у водопровода, поплевали себе за пазуху, сохраняясь от сглаза. А Сумайя, отшвырнув прочь ведро, кинулась, шипя, как камышовая кошка, на Атсиза и ногтями порвала ему лицо. Горе-охотник взвыл, как глупый кобель скандалистки Халимы, и, зачем-то подхватив брошенное ведро, без оглядки кинулся наутек. Соседки вцепились в Сумайю и, как ни рвалась она, извиваясь и хрипя, вслед удиравшему брехуну, силой удержали ее.

В тот же день о случившемся прознала бабушка Халида.

«В грязи подохнет шатун шелудивый! – прошипела она, сузив глаза в черные нити. – Смердом закума подавятся, подлой кровью своей захлебнется как Тамай.

Кто услышал – ничего не понял: какой такой Тамай? – но за пазуху себе поплевал.

Бабушка Халида иногда присматривает за Гимой, иногда – потому что большую часть времени она проводит в своей глиняной мазанке, похожей на маленькую юрту с семью небольшими круглыми отверстиями: шесть расположены так, чтобы солнечные лучи в разное время дня попадали внутрь, а седьмое находится наверху – в него уходит дым. В мазанку ведет узкий, под рост бабушки Халиды проход, занавешенный тонкой кошмой из верблюжьей шерсти.

Эту мазанку лепил мастер тандыров Джавад. Никому не дозволено входить туда; даже Гима при необходимости обращается в полумрак мазанки, чуть отодвинув полог. Те же, кто приходит к старухе за советом или снадобьем, терпеливо топчутся перед входом, не ловко покашливая, и через какое-то время из-за кошмы выползает тихий змеиный шепот: «Еще подожди. Выйду к тебе».

В махалле бабушку Халиду не хвалят и не ругают, стараются вообще меньше говорить о ней – побаиваются. Многие считают, что она разговаривает с самим...тссс!.. Никто не знает, сколько ей лет. Старьевщик Алим, которому уже глубоко за шестьдесят, утверждает, что видел ее такой, как сейчас, еще тогда, когда сам бегал по пыли голопущим мальчишкой. Еще говорят, что пропавший без вести Анвар доводится ей не родным,

а приемным сыном. А поговаривают так потому что никто не знает, была ли бабушка Халида замужем, а если и была, то скольких мужей пережила. Одно ни для кого не секрет: всем известно, что бабушка Халида курит веселую траву.

Однажды мы увидели, как она это делает. Была суббота, мы зашли за Гимой, чтобы затем отправиться для подлого дела на базар, ко времени дневного намаза. Гиму мы не застали дома и уже собирались уходить, как вдруг из мазанки донесся глухой кашель.

– А я бы посмотрел, – многозначительно и задумчиво произнес Витя.

Мы с Вахом переглянулись – решение было принято.

Осторожно, тихо подобрались мы с разных сторон и прильнули к отверстиям на покатых глиняных стенках.

Бабушка Халида возлежала на курпачах – мягких ватных, стеганных одеялах, обложившись маленькими подушками. Перед ней на треноге в медной чашке под маленьким пламенем тлели угли, легкий дымок плавно и лениво поднимался к отверстию наверху. Отсветы тусклого огня падали на лицо старухи, и оно показалось таким древним, что меня покинуло ощущение настоящего времени.

Бабушка Халида извлекла из-под подушки, что была у нее под локтем, черный мешочек, достала из него один темный шарик, а мешочек опять убрала под подушку. Она покатала шарик между жесткими пальцами, обнюхала его, как тигрица своего котенка. Она рассматривала шарик, как драгоценную жемчужину, перекатывая его между пальцами над голубоватыми язычками огня. Деревянной палочкой она раздвинула угольки и в маленький круг бережно уложила шарик веселой травы. Склонившись над чашей, она несколько раз подула, и над шариком поднялась гибкая и тонкая, как змейка, струйка синего дыма. Бабушка Халида вставила в одну ноздрю полую камышинку, а вторую ноздрю придавила пальцем. Вертявая струйка послушно и ровно потянулась в камышинку. Бабушка Халида, закрыв глаза, втягивала дым так долго, как будто у нее внутри была бездонная пропасть. Только на одно мгновение она прервалась, чтобы переставить камышинку и побаловать другую ноздрю. Когда струйка иссякла, бабушка Халида, отложив камышинку, замерла на несколько минут, не открывая глаз. Она не сделала ни одного движения, как будто оставила свое тело и отправилась неведомо в какое путешествие. Через какое-то время она вернулась, открыла глаза, взяла несколько тоненьких сухих веточек из пучка, лежавшего возле треножника, и принялась медленно ломать тростинки и подбрасывать их в огонь. Так кормят любимое существо – птицу или собаку. При этом она чему-то улыбалась, не раздвигая губ.

Конечно же, знала бабушка Халида, что мы подглядываем за ней. Но почему допустила, почему не зашипела на нас, не прогнала?..

Когда прилетает ветер, над махаллей, над радостным пустырем взвиваются к небу десятки бумажных змеев. Их мастерят многие махаллинские старики, в их числе и старьевщик Алим, используя для этого разноцветную кальку, камыш и клейстер. Суровые нитки мы привязываем к змеям сами.

Ты держишь нить и чувствуешь, как на другом ее конце, высоко, отпугивая легких ласточек, мечется странное существо с двумя длинными лоскутными хвостами – твой змей, который борется с ветром, бродягой и хозяином небес. Ты медленно отпускаешь нить, чувствуешь, как по ней передаются руке упругие, нервные, сильные броски змея, отправленного тобой ввысь на неминуемую гибель: либо ветер раздерет его в клочья, либо сбросит на землю, и тот преумножит останки на проводах или на верхушках деревьев. Но до того ты будешь парить вместе со своим змеем на недостижимой для тебя высоте.

Самая распространенная игра в махалле – лянга. Даже парни постарше нас играют в нее увлеченно; лянга стоит у них на втором месте после игры в ошички – метания очищенных бараньих косточек: какая чью подшибет.

Лянга – это аккуратно вырезанный кружок из выделанной бараньей шкуры; с изнанки к ней проволокой прикручена тонкая свинцовая бляшка. Правила игры самые простые: внутренней частью стопы подбрасываешь лянгу перед собой, стараясь удержать ее в воздухе как можно дольше и быстрее других пройти все приемы игры – казачки, джанзы, люры, виси... У каждого своя лянга: маленькая или побольше, с длинным или с коротким ворсом, если с длинным, то обязательно расчесанным, чтобы лянга была пушистая.

Любимая наша еда – кусок сухой лепешки, размоченный под водопроводной струей; это не потому, что нас плохо кормят; никто из нас не голодает, – просто так вкусней. Для меня лепешка – это все: лепешка, чуть остывшая от тандыра, со сливочным маслом или без него, лепешка с кусочками обжаренного бараньего сала, лепешка со сладким чаем, лепешка с дыней или с арбузом, лепешка с изюмом или с медом, лепешка с ядрышками грецкого ореха, которые обмакиваешь в соль...

Было у нас одно преступное увлечение...хорошо, что мама не узнала о нем; спасибо кузнецу Джаваду – не выдал. До сих пор не знаю, куда глаза прятать от стыда. А куда их прятать, когда в них все отражается, а вокруг – стыд?!..

В начале улицы Горького у стен мавзолея, построенного над прахом святого, расположился небольшой базар. Торгуют на нем люди из пригородных районов, что, собственно, и подвигло нас на преступление. Место для торговли удобное: в пятидесяти шагах – оживленная, центральная улица Навои, с трамвайной и автобусной остановками как раз напротив базара; рядом с базаром пивная, которую держит старый армянин с двумя сыновьями.

Пивная находится в прямом смысле под землей. Сверху над ней возвышается круглый земляной холм, над которым на двух столбиках красуется большой фанерный щит с веселыми буквами веером – «Пиво». На холме растут трава и красные маки. В пивную можно попасть через старую, с обшарпанной зеленой краской, дверь, за которой сразу же начиналась полутемная, освещенная посередине одной слабой лампочкой, длинная, узкая, скрипучая деревянная лестница. В пивной не было окон, в ней царил такой же полумрак, что и на лестнице и горела одна лампочка, по праздникам зажигали еще одну. Каким образом в пивную поступал воздух, неизвестно. Пол выложен обожженным на солнце кирпичом, стены побелены; на одной висела в дешевой рамке вырезка из какого-то журнала: «Последний день Помпеи»; на другой – экскурсия по зоопарку. За спиной хозяина, разливавшего разбавленное с водой пиво, висел черно-белый фотопортрет Сталина с розово-зеленой подкраской. В пивной всегда было много посетителей – случайных и постоянных. Хозяина пивной, коренастого, до самых глаз заросшего курчавой черно-белой бородой, звали Сурен, но завсегдатаи называли его Пауком; он и впрямь походил на паука – волосатого тарантула. Сыновья Сурена, тоже коренастые, угрюмо-молчаливые – точная копия своего родителя – помогали ему: собирали со столов пустые кружки, мыли их, то есть просто окунали в одно большое ведро. В пивной всегда было прохладно, даже холодно. Когда-то здесь помещалась мертвецкая, куда на время свозили тела городских бродяг; потом их хоронили неизвестно где. Каждый день в пивной от открытия до закрытия торчала постоянная компания из семи фигур, не имеющих лиц, – как будто по ним нарочно прошлись ластиком и стерли все черты; к ним, когда не исчезал из махалли, всегда пристраивался Атсиз. Хотя его никто не слушал, он продолжал твердить, что родом из племени барлас. А кто он на самом деле – чит, конгурат, минг, чакмак, калдык, буллак, кунакаш, чувут, мангыт, буркут, кият, кыштык...черт его знает. Одного он племени – пьяница-бродяга.

Сбоку от пивной прислонилась к чинаре зеленая будка – парикмахерская, где имелось одно-единственное обшарпанное кресло; здесь работал кругленький, лысый, не имеющий возраста бухарский еврей Боря. К слову: наш сосед Бурхан стриг и брил в большой парикмахерской, где стояли три кресла; а по вечерам к нему на дом заходили соседи мужчины, и Бурхан обслуживал их за полцены; случалось, перед праздниками к его двору выстраивалась очередь. Перед тем, как начать стричь, Бурхан всегда внимательно осматривал головы посетителей.

Так вот. На нашем базарчике торговали овощами, фруктами, зеленью, цветами, медом, мясом, лепешками, сушеной рыбой, семечками, сухофруктами, специями, косточками, орешками, ножами, кетменями, лопатами, топорами, люльками... Для разных товаров были отведены небольшие ряды с лотками шириной в две продольные доски на столбиках, врытых в землю.

В стороне от торговых рядов особняком возвышались холмы из дынь и арбузов; холмы эти были сложены прямо на земле, напротив резной двери мавзолея, чьи створки накрепко сцепил современный замок на толстой цепи.

От дынных холмов, прогретых солнцем, шел ни с чем не сравнимый аромат, он водил за нос, притягивал, звал – и пальцы сами начинали непроизвольно оглаживать округлые и вытянутые плоды.

Продавцы, кому принадлежали ароматные холмы, смастерив из белых простыней что-то наподобие навесов от солнца, полулежа на курпачах, полусонно переговаривались между собой, прихлебывая зеленый чай, и были похожи на бедуинов, расположившихся на привале в пустыне.

Жизнь на базаре менялась, когда наступало время дневного намаза. Ибо сказано: «О, те, которые уверовали! Когда возглашено на молитву в день собрания, то устремляйтесь к поминанию Аллаха и оставьте торговлю...»

Практически все продавцы были людьми верующими или боязливыми; они оставляли торговлю и прочие земные дела, омывали руки из кумганов – высоких чайников с изогнутыми носиками, – расстилали на земле моленные коврики, снимали обувь, опускались на колени, обращая лица к священной Мекке, которая, так им казалось, находится за обветшалым мавзолеем. Они закрывали глаза, держа перед лицом сложенные в подобие книги ладони и, будто читая по ним, произносили одними губами хвалу и молитву Создателю.

Базар пустел во время намаза; покупатели приходили обычно или заранее, или уже после того, как заканчивалось время молитвы. Но в этом промежутке времени появлялись мы.

Мы брали то, что было мило глазу, и при этом вели себя, как разнузданные и бессовестные обезьяны. Торговцы косили на нас недобрые темные глаза, но прервать молитву означало бы для них еще большую потерю, нежели несколько украденных дынь.

Добычу мы утаскивали с собой; и каждый раз, насытившись до отвала и сидя на коряге с такими выпученными животами, что пупки торчали, давали себе зарок, что больше никогда-никогда...

Не знаю, почему продавцы не обращались в милицию. Может быть, не хотели платить больше обычного. Почему свободные от молитвы торговцы не мешали нам бесчинствовать? Потому что покушались не на их товар?..

В ту памятную субботу мы бегом возвращались с добычей.

– Ай! Вай! – внезапно завопил Вах, первым завернувший за угол мавзолея. У меня сердце упало: попались.

– А ну подойдите ко мне! – гневно приказал кузнец, крепко держа за ухо пунцового Ваха. Таким кузнеца я никогда не видел: глаза полыхают, как угли в горне, ноздри раздуваются, как меха, один кулак сжат, как молот, мускулы толщиной с удава перекачиваются под майкой, не суля ничего хорошего четырем зарвавшимся и пойманным кроликам.

– Что делали на базаре? – спросил он сквозь зубы и, не дожидаясь нашего лепета, рывкнул: – Воровали! Мой сын – вор! Лучшие друзья моего сына – воры! Вы, кого я люблю, воры!

Выпустив бедное ухо, он вырвал у меня из охапки, которую я прижимал к груди, мятую грушу и ткнул ее мне под нос.

– Ты выращивал?

Голова моя сама провалилась в плечи и, мотнув «нет», два раза стукнулась подбородком об ключицы.

– Ты поливал, окапывал? – кузнец перенес злополучную грушу к глазам Гимы, которые тот старательно прятал, дергаясь и хлюпая носом.

– Кто из вас пальцем о палец ударил, чтобы все эти плоды появились на земле?! Эх вы, маймуны бесхвостые. Отнесите обратно то, что украли, и просите прощения у людей. Понятно вам?! – Он резко отвернулся и пошел быстро не по тропинке вдоль стены, где все ходят, а посреди улицы, взрывая пыль.

Возвращаться на базар было страшно: там чужие обиженные на нас люди, они и отлупить могут. Но делать было нечего – кузнец велел вернуть украденное и извиниться.

Мы бы видели лица и глаза продавцов. Должно быть, они решили, что далекий и очень занятой Аллах чудесным образом услышал маленькую, ничтожную просьбу... ну, ту, что приплели в конце главной молитвы... словом, когда попросили наказать несправедливость и притеснения, да. С благоговением и священным страхом смотрели они на нас, на возвращаемые фрукты, не слушая наших путанных извинений. Никто из пострадавших от нашего разбоя не принял возвращаемых плодов, все в один голос

говорили: «Берите, берите, это нам всем Аллах послал, Милостивый, Милосердный». В общем, на том и порешили.

В махаллу с дарами мы, конечно, возвращаться не стали: что если кузнец нам не поверит? Свернули в какой-то тупик пролетарского поэта, сели на корточки вдоль чьей-то стены и молча, давась, все съели.

Базарчик на улице Горького – пылинка рядом с горой, букашка у ног верблюда, бляение барашка, заглушаемое ревом водопада... Короче, базарчик не шел ни в какое сравнение с тем, что впервые в жизни открылось мне в Старом городе.

Было так. В прошлом году, в конце августа в школу вдруг срочно потребовали справку из туберкулезного диспансера: обследован – здоров. Диспансер размещался по ту сторону базара Старого города, в узком переулке, в старом глиняном доме с тремя скошенными набором окнами на втором этаже, цепляющимися за обнажившиеся деревянные, изъеденные жучками, балки, чудом удерживающие полуразрушенные стены. Было ощущение, что диспансер сам давно болен туберкулезом, и только какая-то непонятная сила подпирает его, не дает испустить дух и обрушиться, придавив всех, кто в нем находится, а заодно и случайных прохожих.

До базара было три остановки; решив, что не стоит в такую жару давиться в раскаленном транспорте, мы с мамой пошли пешком по тенистому тротуару под старыми чинарами и дубами вдоль оживленной улицы Навои.

Еще на подходе к базару, шагов за сто, я услышал гул, который ничуть не уступал шуму на центральной улице города; этот гул словно пробивался из-под земли, вырастал, как просыпающийся великан, надвигался неотвратимо. Заасфальтированная дорога спускалась все ниже, и все выше поднимались справа и слева от нее глиняные, как известью выбеленные солнцем, отвесные стены, кое-где утыканные кустиками, чьи стебли выгибались вверх – к светилу. Разогретый асфальт мягко, как глина, проминался под ногами.

На вершине справа прочно вросла в землю бывшая богословская школа – величавое старинное сооружение. Просторная кирпичная арка над массивной, резной деревянной дверью медресе звенела золотым орнаментом на синей лазури. Рядом со школой в небо упиралась громадная башня минарета, с которого в былые времена муэдзин призывал верующих к молитве. Кстати, первым муэдзином был эфиоп – бывший раб по имени Билял.

Шеи моей не хватало, чтобы запрокинуть голову дальше за спину и разглядеть – кончается где-нибудь башня минарета или уходит прочь – пробив насквозь синее покрывало.

А на высоте слева притулилось множество легких торговых павильончиков с человеческими именами: «Лейла», «Гульнора», «Шухрат», «Мавжуда»... – так, наверное, магазинчики воздали своим возлюбленным или самим себе.

Дорога опускалась все ниже, втягиваясь во что-то невообразимое, многоголосое, горячо и тяжело дышавшее. Навстречу нам поднимались сотни людей; их лица и одежды были мокрыми от пота; они выглядели изможденными, как если бы поднимались из каменоломни после изнурительного труда. Некоторые из них вскидывали глаза на тех, кто только еще спускался вниз, – это были глаза ветеранов, в них лежало пустое сочувствие.

Сам базар еще не показывался, но его гул уже до краев заполнил уши, и его упругие сильные волны мягко толкали в грудь – не препятствуя идущему. И тут дорога, до того плавно спускавшаяся, вдруг ухнула асфальтовым водопадом в кипящее варево. Базар открылся неожиданно, он бурлил в огромном котловане, окруженном со всех сторон высокими глиняными стенами, на которых почти вплотную к краям обрыва стояли саманные дома, как беспечные зеваки, рискующие каждую минуту свалиться вниз на людские головы.

Базар был похож на невиданных размеров казан, где в собственном соку и поту варилась ни на что не похожая жизнь. Продавцы устраивались, кто как мог, и там, где находили себе кусочек свободного пространства. А свободное пространство здесь – тоже товар, дорогая редкость. Кто заплатил чуть подороже сборщикам базарного налога, тот получал свой кусочек на бесконечно длинных прилавках под шиферными навесами и считался удачливым – место хорошее: товар виден, покупатели не толкаются, солнце не прожигает темя. Большинство же находило себе место под испепеляющим солнцем. Одни как-то исхитрялись соорудить из разноцветных тряпок какую-то защиту от пря-

мых бьющих лучей; другие стояли или сидели, разложив товар на земле, покрыв головы мокрыми полотенцами, которые время от времени смачивали в ведрах: на двоих-троих приходилось по одному ведру, чтобы лишние ведра не занимали много дорогого места. Здесь, между продавцами, по узким извилистым тропам двигались покупатели, нагруженные или пока еще налегке, но все мокрые, усталые, вымотанные; стоило одному-двум остановиться – сразу образовывался затор: у кого хватало терпения – молчал, кто был взвинчен – бранился.

Базар кипел. Сколько тут было людей? Две тысячи? Десять тысяч? Пятьдесят?.. Этот казан мог досыта накормить пять городов. Больше, чем покупателей и продавцов вместе взятых, носилось пчел, ос, шмелей и мух, похожих на Салахитдина Иосифовича; на них не обращали внимания. Неподвижный воздух был густо пропитан острой смесью пота, пряностей, запахами свежих, но сомлевших от жары овощей и фруктов, – и вся эта мешанина шекотала ноздри и шипала глаза.

В общем гаме я слышал разборчиво только те голоса, которые раздавались где-то совсем близко. Продавцы и зазывалы без устали и без умолку кричали, пели, стонали, орали, как бешенные павлины: «Кепколей! Кепколей! Подходи! Покупай! Пробуй! Пробуй! Стой! Вот еще! Дорогой! Дешево дам! Красавица! Вот! Смотри! Пробуй! Пробуй! Вай-ё!..» Жилы на их шеях раздувались, как бычья струны, и нетерпеливая, безудержная торговая страсть рвала их на вопли: «Кепколей! Кепколей!»

Мама сильно тянула меня за руку, то и дело взглядывая на меня через плечо, – на всякий случай; я невинно, как будто мне кто-то из толпы постоянно мешал быстрее идти, – а так и было! – упирался, тянул время – мне было интересно: все это я видел впервые, – и вертел головой по сторонам, хватая глазами, ушами все, что двигалось, сквозило, звучало в густом вареве. Когда еще увижу!

Похоже, время намаза на этом базаре отсутствовало. Но если бы и наступало, то наша проделка с воровством не удалась бы – здесь затоптали бы насмерть.

Мы выбрались к круглой площадке, где давали свое каждодневное представление канатоходцы.

На площадке, на расстоянии примерно пятнадцати шагов одна от другой были закреплены две треноги из крепких, прочно связанных меж собой толстых, длинных жердей с маленькими площадками на самом верху; между треногами был натянут канат. На высоте примерно семи метров над землей без страховки плавно двигался пожилой канатоходец в ярком зеленом халате. Он держал в руках длинный гибкий шест. На плечах у него сидел мальчик лет десяти, наверное, внук, и напряженно улыбался. Толпа, окружавшая площадку внизу, задрал головы, наблюдала за смельчаками. Никто в толпе не делал никаких движений, все замерли, словно боялись каким-нибудь неосторожным жестом отвлечь и столкнуть канатоходцев с узкой тропы в бездну.

Подле одной треноги на кошке сидели два музыканта: один что есть силы дул в дудку, другой колотил вишневыми палочками по маленьким барабанам, обтянутым дубленой бараньей кожей.

– Мам, давай посмотрим, – занял я.

– Некогда, сынок, у нас остался всего один час. Будет еще время, посмотришься.

Базар подарил минутную передышку и снова затянул в бурлящую толкотню.

То и дело навстречу попадались гадалки с загадочными предупреждениями: «ой, ждет тебя новое известие»; гадатели, трясущие перед лицами безразличных пленников базара то ли камешки, то ли кости в больших деревянных стаканах; фокусники в пестрых жилетках на голое тело; быстрые и верткие, как ящерицы, карманные воришки; важничающие знахари, густо обвешанные, как бусами, какими-то пузырьками, коробочками, мешочками; эти с внушительным видом заклинали: «Пепел панциря черепахи – лучшее средство от зубной боли! Коготь орла – лучший талисман в доме от непрошенных гостей! Три когтя по цене одного! Сушеный, толченый член туранского тигра! Одна шепотка – и все у ваших ног!»

Попрошаек было множество. То и дело внезапно из-под локтя выскакивала какая-нибудь чумазая девчонка из неприкаянного племени люли с маленькой сковородой, на которой дымился исырк. Она шевелила сковородой, чтобы дым поднимался выше, и, голодной собачонкой заглядывая в глаза, лопотала: «деньгу, конфетку, деньгу, конфетку...»

Мама положила в грязную ладошку медяшку – и тут же, как воробы на крошки, подлетели еще три со сковородками и протянутыми руками. Мы прошли мимо.

Может быть, и наша черноглазая Халила вот также бегала по базарам, выпрашивая подачку, – не помня ни имени своего, ни родителей, ни дома. Мама оглянулась на меня, в ее правом глазу пряталась слеза.

Харманла, Харманла, харманла...¹

«Кепколенг! Кепколенг! – надрывались бычьи жилы.»²

И над всем этим столпотворением поднимались дымы: тучные, синеватые, неторопливые, важные, как эмирские вельможи, – от плова; темные, нервные – по огню хлестнули водой! – дерзкие, как охотники за караванами, – от шашлыка; румяные, полупрозрачные, томные, как пресытившиеся танцовщицы, – от шурпы. Дымы поднимались, как из кратера вулкана, смешивались, лениво провисая над расплавленным базаром. А солнце, палящее, беспощадное, равнодушное, неторопливо помешивало кипящее варево острыми лучами.

Это был Вавилон.

Тик-так – семь тысяч сто девяносто девять.

– Два часа прошло! – кричу я.

– Подойди ко мне, бессовестный, – говорит мама.

Я выхожу на веранду с опущенной головой, пряча нетерпение в глазах. Я готов выслушать неминуемое, а после вырваться во двор и свистнуть, как майна, и услышать в ответ тройной свист: мы с тобой!

– Мика, – говорит мама, раскатывая на столе тесто для рыбного пирога, – я хочу, чтобы ты запомнил на всю жизнь, – дай бог тебе столько лет, сколько гранатов в раю, – так вот запомни: ты мой единственный, ты мой любимый, ты – мой. Я буду тебя любить, я буду тебя наказывать – сажать в угол, драть ремнем; я буду вылизывать тебя, как волчица, и, пока жива, я разгрызу все, что помешает тебе иметь в жизни больше, чем имели мы с твоим отцом, да пошлет ему Бог что-нибудь вкусное. Об одном тебя прошу... нет, приказываю! – мамин пальцы рвут тесто, как когти шкуру ягненка, – Мика, сынок, не уходи далеко от дома – ни сейчас, пока ты маленький, ни потом, когда станешь большим, как твой отец. Никто и ничто не спасет тебя далеко от дома: там много несчастий, проклятых, жадных, страшных, которые могут отнять то, чего я не хочу отдавать никому, – твою радость, твоё счастье, твою жизнь. Запомни и не обижайся на мать. Иди, нарви мне райхан.

Солнце добралось до наивысшей точки кипения. Птиц к этому часу уже не слышно, они попрятались кто куда. Кому охота болтать, тем более петь в такую жару. Да и о чем, собственно, петь? Для кого? Затянешь, как дурак, что-нибудь эдакое – с посвящением, а ее, кому посвящено, и след простыл. Тут либо удар хватит, либо вообще птичьих мозгов лишишься.

Ур бездыханно валялся под тенью урючины. Я наполнил из ведра пустой таз, оставшейся водой обрызгал еле поднимающийся бок и огромную голову с выпавшим из пасти подрагивающим языком. Ур только один раз дернул обрубленным хвостом – это было начало слова «спаси...». Я его понял и принес еще одно ведро. Ур, приоткрыв глаз, облизнул свой сухой нос и перевалился на другой бок, предчувствуя минутное облегчение. Я поливал его из ведра медленной струей, продлевая удовольствие бедняге в тяжелой шкуре. Когда купание закончилось, Ур снова шевельнул мокрым хвостом – «...бо», и, немного подумав, вильнул куцым хвостом еще раз, но сильнее, – догадаться было не трудно: Ур поставил восклицательный знак.

Я заполз под яблоню. Прежде, чем запустить руку в дупло, пошерудил в нем палочкой – на всякий случай: вдруг там затаился кто-то с огненным серпом. Никто не выполз. Извлек тетрадь.

«Главный праздник в Вавилоне – Новый год. Его любили все, особенно дети и рабы – никого не наказывали целых двенадцать дней, пока безумствовал праздник. Это были дни отданной на откуп всеобщей свободы, и каждый использовал ее по своему желанию

¹ Не уставайте.

² Заходите, заходите.

и разумению. Рабы по такому случаю менялись положением с господами: вдоволь ели, пили, наслаждались услугами добровольно и легко отдающихся недотрог и скромниц из элитного общества... Правда, те рабы, кто, не будучи полными кретинами и не одуревши от бесплатного финикового вина, все же понимали, что вместе с высокомерием и похотливой улыбочкой с них обязательно после праздника сдерут за мнимую свободу кожу с лица... эти рабы вели себя пристойно. Но не все.

Новый год отмечали во время весеннего равноденствия. Эту традицию вавилоняне унаследовали от шумеров – создателей первого в мире точного календаря. Празднование Нового года Вавилон посвящал своему покровителю – богу Мардуку. Обязательными были торжественные выносы и проносы статуй бога и его жены, песнопения, карнавалы, мизансцены на каждом углу, изображающие те или иные эпизоды из истории смерти и воскрешения великого божества. Возможно, по ходу представлений кого-то из действующих копий бога убивали по настоящему. Подобное обстоятельство не служило препятствием для продолжения праздника.

Представления не были стихийными и устраивались согласно одобренным сценариям; позднее эту технологию переняли многие организаторы всенародных гуляний в других империях и отдельных поселениях.

Новый год Вавилона имел одну замечательную особенность. Несколько служителей Эсагилы подводили царя к золотой статуе Мардука, бесцеремонно снимали с него все знаки власти: меч, нож, украшения. Царя опускали на колени.

К владыке подходил верховный жрец и что-то шептал ему на ухо; царь либо смиренно опускал голову, либо вскидывал вверх закрыв глаза.

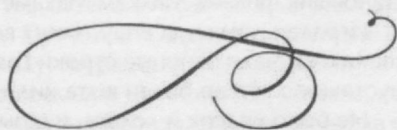
Редкий царь хочет видеть или признавать правду.

Жрец с удовольствием, но соблюдая благочестие, принимался хлестать царя по щекам: наотмашь – по левой, сразу – по правой, и снова, и опять... Сколько требовалось по регламенту лупить владыку, глиняные таблички умалчивают. Царь пускал слезу. Он не отчитывался о достижениях, совершенных за год, не перечислял личные заслуги. Он каялся в своих грехах. А пока он каялся, на его троне восседал раб...»

«Мика! Помоги стол передвинуть!»

Я спрятал тетрадь в дупло. Итак, что было. Скука. Побег. Наказание. Бедный мой день уходил навсегда.

(Продолжение следует)

Рустам ШАГАЕВ

Родился в Ташкенте в 1972 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (НУУз). Работал фотокорреспондентом УзТАг. Автор многих фотовыставок. Живет в Ташкенте.

Далекое близкое

Как я стал знаменитым

(эссе)

Десять лет назад, 23 июля 2003 года, в возрасте 62 лет ушел из жизни известный поэт, драматург и переводчик, заслуженный работник культуры Узбекистана Машраб Бабаев. Его пьесы, написанные на заре нашей Независимости, и сегодня с успехом идут в театрах страны.

Мы сразу подружились, когда он пришел работать к нам в УзТАг летом 1993 года. Это был удивительный человек: уважал седину стариков и к младшим обращался на «Вы». Умел слушать людей, сам был блестящим рассказчиком. А главное – мог поддержать в трудную минуту. Вместе мы ездили в Кумышкан и парились в жарких саунах, ели мойловоши в чайхане и сутками пропадали у художников. Да и дома моими братьями он сразу был признан родным.

Мы стали с ним шерик.¹ А диалектика жизни такова, что когда ты находишься рядом с яркой личностью, хочешь ты того или нет, но лучи его славы осеняют и тебя.

Да, середина 90-х годов прошлого столетия была звездной порой М.Бабаева. Снятый по его сценарию телесериал «Кунгил кучалари» имел грандиозный успех. Он транслировался на центральном канале Узбекского ТВ. Миллионы зрителей каждый вечер с нетерпением ждали очередную серию. А написанная им для фильма песня и сегодня у всех на устах.

Однажды он пригласил сняться в своем фильме и меня. Дело было в воскресенье. Съемки шли в китайском ресторане на проспекте Кадыри. За нашим столом собралась славная компания: художник Рузы Чарыев, писатель Низам Камилов, режиссер-постановщик фильма Махкам Махаметов и Машраб Бабаев.

Играла музыка, все шутили и веселились, на столе горели свечи и звучали озорные строки Гафура Гуляма: «Агар булсанг мустакил, дустлар билан юзта кил!»²

Не было красок и холста, и в пылу вдохновения Рузы рисовал на белоснежных салфетках. Я снимал этот исторический момент. В это время подходит к нашему столу молодой герой фильма и небрежно бросает:

– Эй, фотограф, сними и меня!

Не терплю такого обращения. И в тон ему, на «эскишахарский» манер, спрашиваю: «Сокка борми?» – «А деньги есть?»

Оператор фильма Рафаэль Камалов был парень не промах, успел снять это на видео. А Махкам ака так понравилась моя реплика, что под дружный хохот братии мы повторили еще несколько дублей.

¹ Шерик – единомышленник, коллега.

² Если ты независим, выпей с нами по сто.

Но в фильм вошел именно тот первый эпизод, когда у героя от неожиданности отвисла челюсть. Его и показали в четвертой серии. Ко всему этому на ТВ что-то напутали и серию крутили два вечера подряд.

На следующий день, когда я выгонял из дома машину, ко мне подходит соседский парень Суьрат:

– Рустам ака, сокка борми?

Я растерялся, не зная, что сказать. Отказать неудобно, все-таки сосед. В кармане лежали какие-то деньги, но, сколько ему надо?..

И, видя мою растерянность, Суьрат широко улыбнулся:

– Вчера видел Вас в «Кунгил кучалари»!

С этого дня с легкой руки Машраба в нашей Казы-махалле я стал «национальным» героем. Меня даже собаки с соседнего квартала стали узнавать. Покупаю у кассоба Хусана мясо. Тот кладет на весы самый лучший кусок и, заворачивая покупку, добавляет от себя еще вырезку размером с кулак и спрашивает:

– Акажон, когда Вас еще по телевизору покажут?..

Рано утром молочница первым делом стала стучаться в мои ворота:

– Молоко, каймак, творог...

А однажды стою на поминках известного человека. Подъехал на черном «Мерсе» один очень высокопоставленный начальник. Проходит, кивая головой министрам и другим уважаемым людям, и вдруг, заметив меня, подошел, протянул руку:

– Ты что, профессию поменял?

Все усталились на меня, и мне стало так неловко, что был готов провалиться сквозь землю...

Я был свидетелем зарождения сериала. Ведь в агентстве, где я работал, наши кабинеты были почти напротив. Одному из артистов так понравилось сниматься, что он без конца донимал Машраба, просил написать продолжение с его участием. Бесконечно звонил, каждый день обивал пороги. Он просто не понимал, что здесь не «папин дом», а главный правительственный орган страны. Короче, Бабаеву это изрядно надоело, и в очередной серии он отправил того героя в... тюрьму. Артист кровно обиделся, сразу порвал со сценаристом отношения.

Машраб ака долго благодарил Аллаха за такую счастливую развязку. А меня еще не раз приглашал сняться в своем фильме, но я отнекивался. Я подумал о том, что народно-го мне все равно не дадут. Но больше всего боялся, что добром это дело не кончится и, в конце концов, меня постигнет участь того несчастного героя!

А народ с нетерпением ждал продолжения полюбившегося сериала. Под давлением огромного количества писем и звонков к первоначально задуманным 50 сериям Бабаев добавил еще двадцать пять. У него было фантастически богатое воображение и невероятный творческий азарт. Он работал на одном дыхании и уже думал о 150 сериях!

Машраб ака был профессионалом высочайшего класса. Поражала его эрудиция: закончил актерское отделение театрально-художественного института, блестяще знал мировую литературу и поэзию, узбекскую классику. Мы часами говорили о Пушкине и Мопассане, Еvtушенке и Гамзатове.

Он заведовал в агентстве отделом переводов, а это одна из самых ответственных и трудных должностей. Указы Президента, другие важнейшие сообщения надо было переводить на узбекский язык с ходу, на размышления времени не было. Ведь как ложка дорога к обеду, так и новость – ко времени. Он блестяще справлялся со своей работой. Чего это стоило, мало кто знает, но часто дежурная машина отвозила его домой далеко за полночь.

И несмотря на бессонную ночь, он всегда начинал работу рано утром. Приходил в агентство задолго до уборщиц и садился за свой компьютер. Он любил писать под утреннее пение птиц.

За окном его кабинета росла многовековая чинара, он часами любовался ее величием: мощным основанием, стройным, как девичий стан, стволом и густой шевелюрой кроны. Как-то он рассказал мне, что в народе это дерево называют уятсиз – бесстыдница. Ведь каждую весну она обнажается, сбрасывая прошлогоднюю кору.

В агентстве у нас был ещё один шерик – Лёва Левин. И если не вспомнить о нём, то и рассказ о Бабаеве будет неполным.

Машраб ака дал ему узбекское имя Шерхан. Лёва был журналистом от Бога, все материалы сдавал до 11 часов утра. Он любил говорить: «Меньше слов – дешевле телеграмма!»

Помню, сколько бы мы не ездили на задания, Лёва никогда не брал с собой блокнот.

Все имена, фамилии и цифры держал в голове, уже возвратившись в УзА, продумывал материал, садился за дисплей и за сорок минут выдавал 400 строк.

А это значит: десять строк в минуту!

Материал шел на выпуск под грифом «оперативно» и поэтому также стремительно Машраб ака переводил его. На следующий день он публиковался на первых полосах всех газет страны.

Это был пилотаж высочайшего класса!

Мы любили шутить друг над другом. Лёва заходил к Машрабу ака:

– Слышали последний анекдот про таржимона?

И косился на Бабаева. Тот улыбался: «Колись, Шерхан!»

«Идет допрос, – начинал Левин. – Гдлян не знает ни слова по-узбекски, а Адылов – по-русски. Срочно вызывают лучшего переводчика страны Бабаева.

Гдлян говорит: «Последний раз предупреждаю, если не скажешь, где спрятал золото, расстреляем!»

Бабаев тут же переводит Адылову. Тот подробно объясняет: «Надо выйти из моего дома и пройти прямо ровно двадцать шагов, потом повернуть налево и – еще пять шагов. Вот тут и зарыты мои кубышки...».

Гдлян нетерпит: «Что он сказал?»

Бабаев переводит: «Расстреливайте!»

Мы хохочем над шуткой Левина. Тогда она была очень актуальна.

Лёвка и мне придумал озорной пабликрелейшин: «Рустам – классный журналист, но у него есть четыре недостатка: женщин любит, деньги делает, ко всему равнодушен и глухим притворяется».

Машраб ака, как всегда, делал лаконичный перевод: «Рустам – зор журналист, лекин битта камчилиги бор: кар ман деб мугомбирлик килади».

А мне действительно в детстве медведь на левое ухо наступил, и порой я плохо слышу. Но если надену слуховой аппарат, то это и вовсе кошмар: слышу, как в соседнем квартале собака лает. Но я никогда не обижался на свой недостаток, ведь Всевышний не обделил меня зрением – самым ценным и удивительным даром природы!

Показывая свое корреспондентское удостоверение, всегда говорю: «Извините, пожалуйста, говорите громче: у меня после Афгани тяжелый слух».

И людей подкупает эта святая ложь, хотя там я действительно был. В 1993 году по заданию ООН я поехал в нелегальную командировку в Афганистан.

До поездки Верховный комиссар миссии по делам беженцев Филипп Лабреве настаивал, чтобы я отпустил бороду и усы. Я не понимал, зачем этот маскарад, а потом узнал, это было нужно исключительно в целях конспирации: чтобы среди афганцев я лишний раз не бросался в глаза.

Бороду я, конечно, не отпустил, но видя мои гусарские усы, друзья подкалывали:

– Когда сделаешь мойловоши?..¹

Я клятвенно обещал: «Вот сгоняю за речку, тогда и посидим!»

Перед той поездкой они напутствовали: «Запоминай все, черкни в блокноте строчку-другую. Потом они выльются в страницы».

Действительно, эти маленькие заметки потом очень пригодились. Вернувшись на Родину, я написал цикл очерков «Афганский дневник». Многие из увиденного и пережитого в той командировке не вошло в него. А были такие жуткие ситуации, когда казалось, что уже никогда не увижу Ташкент. Об этом я поведал только своим шерикам.

Помню, как Машраб ака переводил эти очерки (дело в том, что я узбек по национальности, но учился в русской школе, заканчивал русское отделение журфака ТашГУ и, естественно, думаю на русском). Он не раз обращался ко мне с уточнениями. Именно тогда я поразился тому, с каким уважением он относится к авторскому слову. В перевод он вкладывал душу, находил самые верные слова. Пушкин писал, что переводчики – почтовые лошади просвещения. Машраб Бабаев открыл узбекским читателям проникновенные строки многих мировых классиков.

Именно после знакомства с ним я исподволь начал мыслить на родном языке. Вникать в смысл наших песен и поговорок. В сорок лет наконец-то понял, какое это бесценное сокровище! Но лучше поздно, чем никогда.

Мы любили шутить, устраивать аския. Машраб ака рассказывал:

¹ Угощение, обмывание.

«Тормозит на светофоре «Мерс» с новым русским. А рядом – «Нексия» с Афанди. Новый русский спрашивает: «Любезный, как проехать на Бодомзар?»

Афанди нехотя открывает дверцу и ногой, обутой в золотые галоши, показывает: «Поедешь туда, а потом свернешь сюда».

И в этой машрабовской шутке о бессмертном герое всех эпох и народов была доля правды, ведь именно

Народный художник Узбекистана Рузи Чариев и Машраб Бабаев.

в том году на дорогах страны появились первые отечественные «Нексии», «Тико» и «Дамасы», тогда Узбекистан стал автомобильной державой!

А я в ответ выдавал каламбур про нашего друга: «В священный месяц Рамазан у Чариева спрашивают: «Рузими сан?»

Тот ответил: «Рузи ман, олтмиш йилдан бери Рузи ман. Суз!»¹

Не оставался в долгу и Левин: «Приезжает в Узбекистан китаец. Его возят по стране, и повсюду люди тепло обнимаются, обмениваются приветствиями. И, видя это, китаец спросил: «А сколько вас?»

Ему сказали: двадцать семь миллионов.

«Так Вы все знакомы?!»

Ау, посланец Страны поднебесной, мы – узбеки – самый дружный в мире народ!

Иногда от хохота, вырывавшегося из бабаевского кабинета, сотрясались все пять этажей агентства, казалось, что здание вот-вот развалится. А порой оттуда раздавался громкий возглас:

– Лаънати!..²

Непосвященные шарахались: кого это он так страшно ругает!?

А мы в это время просто играли с ним в нарды. Этим проклятием Машраб ака заговаривал брошенные на кон кости. А когда выпадал добрый куш, радовался словно ребенок:

– Сомса пришла, пармуда!³

Всякое было в жизни. Как-то мы шибко загуляли в агентстве. И Левка попался под горячую руку Генеральному директору. Маматкул Хазраткулов закатил ему выговор. А наутро Бабаев зашел к директору и сказал, чтобы наказали и его. Хазраткулов в душе был добрым человеком, через день смягчился и снял взыскание. Он просил творческим натурам многие грехи, понимал, что все мы живые люди.

А Машраб ака он любил, а как не любить такого человека! Хазраткулов подарил ему свою книгу с лукавой надписью: «Кам-кам, тез-тез ва хамиша!»⁴

Не забуду еще один эпизод. Однажды втроем мы натолкнулись на директора во дворе агентства. Он с кем-то беседовал под старой чинарой. У Хазраткулова было хорошее настроение, и он представил нас своему знакомому: «Вот мои лучшие журналисты».

Я тут же заметил: «И получают больше всех палок!»

А Хазраткулов улынулся и кивнул на машрабовскую красавицу-ель:

– Видишь, Рустам, она плодов не даёт и палок в нее не кидают. А вот сладкая вишенка вся ободрана детворой.

Спустя много лет, я встретил стихи Навои:

¹ Рузы, уже шестьдесят лет Рузы. Наливай!

² Лаънати – проклятый.

³ Самса – пирожок. Пармуда – особый сорт самсы.

⁴ Мало-мало, часто-часто и вечно.

«Чем плодоносней ветвь, тем больше ей

Достанется и палок, и камней».

Такова философия Востока!

Кто умеет работать, с того – и спрос. Но у нас дело всегда было на первом месте, а потом уже балагурство. Все знали, когда Бабаев переводит материал с грифом «оперативно», то лучше к нему в кабинет не входить.

Потом уже Левин написал блестящий политический портрет, которым открывается фундаментальный фотоальбом «Ислам Каримов». А Бабаев вложил в его перевод все свое мастерство. И сегодня эту книгу дарят самым почетным гостям нашей страны.

Машраб ака и сам писал интереснейшие материалы, находил необычные темы. Он хорошо знал, чем дышит народ. Свои стихи он первым делом читал близкому другу, аптекарю из Челека Зиядулле Нурматову. И мнение этого простого человека из самой глубинки, с кем он переносил и голод войны, и трудности послевоенного времени, ему было дороже всего. Поэтому его книги стихов и газетные очерки, фильмы и пьесы так близки и понятны людям.

Однажды он попросил меня сделать несколько снимков Ханифы опа – жены Абдуллы Арипова. Он написал очерк не о поэте, не об авторе гимна нашей страны и блестящем переводчике «Божественной комедии» Данте, а о верной музе стихотворца. О той, кто делит с поэтом не только мгновения триумфов, но и долгие муки творчества.

Вот человек!

Недавно я снова был в гостях у Абдуллы ака в Дурмени. Посреди двора он установил большую юрту. Мы сидели в ней, растянувшись на болишах¹, и долго вспоминали нашего друга. Рядом комфортабельный дом, но Арипову уютно в дедовском походном жилище, где под войлочной крышей на мягкой кошке в жару прохладно, а зимой тепло. Именно здесь, в мягких ичигах, к поэту приходят самые сокровенные строки, чудится, что за порогом раскинулись бескрайние каршинские степи...

Припоминаю многие эпизоды из нашей жизни. Бабаев безвылазно работал в своем кабинете, а я колесил по просторам страны, находил новости. Он всегда с нетерпением ждал меня, просил показать, что я снял. Помню, как счастливо светились его глаза, когда он увидел на снимках сверкающие на солнце голубые купола нового мавзолея Имама аль-Бухари. Этот грандиозный, возведенный в годы независимости, мемориал раскинулся совсем рядом с его родным домом.

Еще помнится эпизод. Был у Бабаева автомобиль «Жигули» одиннадцатой модели. Он парковал его в гараже под мостом рядом с площадью Хамида Алимджана. А когда прокладывали дорогу, ту стоянку снесли. Я предложил ставить машину во дворе моего дома. Он жил недалеко от меня, на Саларе. И тогда он оформил на меня доверенность, и по утрам, по дороге на работу, я заезжал за ним.

Тогда у меня был легендарный – раз битый, боевой «Запорожец». Это была моя первая учебно-тренировочная машина, которую Лёва прозвал еврейским броневиком. И, сев за руль «Жигулей», я дал себе слово, что уже никогда не буду водить тот броневик.

Я искренне удивлялся: как можно доверить свой автомобиль чужому человеку? А он мне в ответ: «Настоящий джигит должен ездить на хорошей машине!»

Он верил в нашу дружбу. Знал, что я не подведу.

Эх, Бабаев, так тебя не хватает! Я соскучился по тебе, давай поговорим о сегодняшнем дне.

Знаешь, нашу страну сейчас не узнать, столько поводов для добрых шуток! Вот последние новости с сайта агентства: каршинский «Нафас» стал чемпионом Азии по футболу, и ребята заработали по 100 миллионов сумов, бакалавры и магистры Сингапурского института в Ташкенте получили дипломы международного образца, японские дипломаты на узбекском поют «Майсару». А вот и последнее оперативное сообщение: пустили самый быстрый в мире экспресс!

Был бы ты сейчас жив, сели бы в этот «Афросиаб» и через два с половиной часа очутились в твоём Самарканде, самом сказочном городе мира. А оттуда рванули бы в Челек к твоему Зиядулле, он бы тут же бросил свои провизорские дела и долго читал нам стихи...

Глаза невольно наполняются слезами.

¹ Болиш - подушка.

А я вспоминаю, как плакал ты. Тогда заболел мой малыш, и врачи посоветовали горный воздух. Мы отвезли сына и его учительницу Серафиму Михайловну в санаторий Кумышкан, где начальником был твой друг поэт Орипханов. Стояло жаркое лето, санаторий был переполнен. Тогда Орипханов поселил их в своем кабинете. А когда мы привезли сына обратно домой, Сима хитро улыбнулась: «Давай, дружок, расскажи!»

И малыш выразительно тонким голосом стал декламировать стихи. Помнишь, это были твои стихи «Ласточка» и «Река», их перевод на русский язык ты слышал впервые. Сима была интеллигентом старой закалки, раскопала в библиотеке московский сборник. Вот тогда ты и заплакал от счастья...

Эх, Бабаев, я тебя никогда не забуду. Ведь ты сделал меня знаменитым!

Из парижского дневника

СОСИСКА В ТЕСТЕ

(эссе)

Кто заходит в Фейсбук, тот наверняка заметил недавно опубликованную вырезку с названием этого популярного бутерброда. А под ней курьёзный комментарий: «А Вы уже пробовали вставить сосиску в своего тестя?»

Но у этой шаловливой реплики есть своя, далеко не смешная, подоплека. Её написал Димитри Сордия – мой давний друг, живущий в Париже. Он родился и вырос в Тбилиси, но судьба забросила его в самое сердце Европы.

С ним меня познакомил рано ушедший из жизни художник и сценарист Андрей Бородин. Когда-то они учились вместе в Москве в ГИМО на факультете журналистики. У них было много общего: оба занимались спортом, оба были влюблены в очаровательную студентку-молдаванку Наталью. Она выбрала Андрея. После ГИМО они приехали в Ташкент, где он стал работать собкором «Московских новостей».

Больно терять друзей, а если человек был талантлив, то тяжелее вдвойне. С редкими способностями, знанием шестнадцати языков Андрей почему-то не вписался в сегодняшнюю жизнь.

Я много думал и пришел к выводу, что он просто не сумел приспособиться к новым «рыночным» отношениям, когда умный и честный, имеющий свои твердые позиции сотрудник, совсем не нужен начальнику. А потребен угодливый и работающий по его указке подчиненный.

Как художник Андрей не выносил, когда из его сценария безжалостно вычеркивали глубоко выстраданные страницы. Он мучился от недопонимания и невостребованности. Но самую страшную роль сыграла потеря сына Мити, он не смог пережить этого удара.

Андрей ушел из жизни 4 сентября 2008 года в реанимации 16-й городской больницы. Через два дня его хоронили на русском кладбище за Уртасараем. Провожали всего несколько человек: Рауза-ханум и Наташа, его старшая сестра Саида с мужем Раимом, сокурсник Андрея Кадыр с женой и Митин друг Саша Александров.

Этот грустный день навсегда остался в памяти. С утра у меня были съемки, и мы договорились, что я подъеду на кладбище в два часа.

Была дивная теплая осень, я ехал и любовался багрянцем полей и садов, всё вспоминал нашу молодость.

Вспоминал Митю, какой он был чудный малыш. В 1979 году, оканчивая университет, в своей дипломной работе я посвятил ему целую главу. Я писал о том, как снимая, изрядно утомил его своей режиссурой. Тогда ... он бросил карандаш, посмотрел мне в глаза и серьезно сказал:

– Что ты меня учишь?! Кто ты такой?! Вот я – лауреат...

А четырехлетний малыш, действительно, был лауреатом республиканской выставки детского рисунка.

Я вспоминал, как в шутку Андрей называл меня «глухой», а его – «косым».

Андрей умел искренне радоваться чужим успехам. Он так любил жизнь! И вот сейчас я еду его хоронить ...

Глаза наполнились слезами, и я проскочил этот злосчастный 34 километр. Я пришел в

себя только в Ахангаране, проехав километров пятнадцать лишних, а когда развернулся и приехал на кладбище, его уже зарыли в землю.

Так и не попрощался с ним. А может быть это неслучайно?

Может быть, Всевышний распорядился так, чтобы я его не увидел мертвым. Он остался в моей памяти навсегда живым и молодым!

...Студенческую дружбу Димитри Сордия и Бородины сохранили на всю жизнь. Своего первенца Бородины называли Митей – в честь друга. А у Димитри сложился роман с француженкой с параллельного курса, и таким образом он оказался в Париже.

Андрей был на редкость добрый и чуткий, унаследовав характер отца – Народного писателя Узбекистана Сергея Петровича Бородина.

Отец и сын Бородины оставили яркое и богатое, во многом еще до конца не раскрытое, интеллектуальное наследие. Андрей рос в атмосфере, наполненной радостью и добром, среди чудных книг и мудрых людей. Недавно пришла еще одна печальная весть: 4 февраля, в возрасте 95 лет, ушла из жизни Рауза-ханум. Она была верной музой Сергея Петровича, матерью его любимого сына.

...Вспоминаю, как однажды в 91-м году, мы собрались у меня дома. Зная, что он любит делать зарисовки, я положил перед ним стопку чистой бумаги и между тостами он рисовал. Мы весело ужинали, я показывал своё собрание картин.

Вдруг Андрей оторвался от бумаги и неожиданно поднял рюмку: «За наших сук!»

Я смутился и посмотрел на реакцию окружающих. Но Андрей сказал эту пошлость так искренне и радостно, что никто не смутился, и все от души захохотали.

Эх, какой он парень был!

25 лет назад Димитри прилетал в Ташкент. Невысокий, но ладно скроенный, в костюме от Версаче, благоухающий ароматом дорогого парфюма, он выглядел респектабельно. Тогда он работал в солидной фирме, ведущей здесь переговоры о создании крупного завода по производству газовых баллонов.

Гость на Востоке – дороже отца, и мы встретили Димитри тепло. В один из дней устроили веселый карнавал: надели на него полосатый узбекский халат – бекасам, тюбетейку и яркое сюзане. Тогда я подарил ему лавхи – вырезанную из цельного куска орешины складывающуюся книжную подставку. Он искренне радовался узбекскому гостеприимству, ошатиш – когда угощают друг друга пловом руками – был компанейским парнем, много и увлекательно рассказывал о своих кругосветных поездках, об обычаях и нравах народов мира.

В 2004 году я вновь встретился с ним уже в Париже. В конце февраля я открывал фотовыставку «Махалля» в Гааге.

Концепцию выставки мы составили вместе с тогдашним председателем Академии художеств Турсунали Кузиевым. Я снял многое: хашар, во время которого всем миром строят дом для молодых, жаназа, когда вся махалля провожает человека в последний путь.

Вот тогда с легкой руки Турсунали Каримовича я впервые побывал в Европе.

Перед возвращением я позвонил Димитри из Брюсселя и сообщил, что у меня три свободных дня. Он обрадовался:

– Будешь в Париже – встречу!

За те годы, что мы не виделись, он сильно изменился, стал седым, на лбу появились морщины. Только в глазах – те же озорные искорки. Он рассказал мне, что у него две уже взрослые дочери, что давно развелся с женой и сейчас живет один. После фиаско в Ташкенте его шеф – здоровый, цветущий мужчина – умер от разрыва сердца. Фирма лопнула, а он остался без работы.

У Димитри было старенькое «Рено», и за эти три дня мы исколесили многие улицы Парижа. Конечно, три дня для такого мегаполиса – совсем мало. Но он всё прекрасно продумал и показал мне столько, сколько другой не увидел бы и за десять дней.

Мой гид превосходно знал город. Он подвозил меня к самому подножию Эйфелевой башни и советовал не терять времени и не подниматься на третью смотровую площадку. Мы сверяли часы и договаривались встретиться на этом же месте ровно через два часа.

У неповторимого символа столицы Франции – Эйфелевой башни – уже в конце февраля распускались нарциссы, первые предвестники весны. На лужайках обнимались парочки.

Париж – это рай для влюбленных!

Затем он вез меня на Монмартр, и мы договаривались встретиться через 40 минут. Потом ехали к Собору Парижской Богоматери. Он медленно кружил вдоль Вандомской площади, а я в это время успевал снять самый роскошный отель Парижа – Риц – и громадную, словно Калян, бронзовую колонну, вылитую в честь Наполеона.

Мы жили в его небольшой двухкомнатной квартире в районе Суреснес, за Булонским лесом. В квартире было довольно прохладно, ведь в Европе экономят на всем. В зале на стене висели картины. Одна из них показалась знакомой. Я пригляделся: Чарыев!

Вспомнил, как в тот его приезд мы были в мастерской Рузи ака. Тогда мы провели чудный вечер. Художник был в приподнятом настроении и по моей просьбе одним махом нарисовал портрет Димитри. Он написал его широкими мазками, в немного абстрактной манере, и я почувствовал, что гость не в восторге от этого презента.

Рузи ака я знал много лет. Как истинный мастер он умел сразу увидеть в человеке главное. Это чувствуется в любом его портрете.

Когда я поведал о том, что мы десять дней назад похоронили Рузи ака, Димитри расстроился. И хотя он не брал в рот спиртного уже года три, но в тот вечер мы поминули художника. Я рассказал о его последних днях, о том, что в холодный и промозглый день его пришли провожать сотни людей, и поэт Усман Азимов прочитал пронзительные строки, посвященные Чарыеву.

Димитри признался, что в Париже стал смотреть на его работу совсем другими глазами. И дочери, впервые увидев портрет, сразу оценили:

– Папа, это ты! Ты!

Было радостно видеть творение Чарыева в далеком Париже. И как славно, что девочки сразу угадали талант большого мастера, чье имя в списке десяти тысяч лучших художников мира XVIII-XXI веков!

Благодаря другу, я многое увидел в ту памятную поездку. Узнал, что французские булki называют «багет», а чашечка кофе стоит 2,5 евро. Что в Париже живут 50 тысяч художников и обитает миллион собак.

Мы сидели почти до утра, Димитри долго рассказывал о родной Грузии, где из-за нынешнего режима он стал изгоем, о парадоксах и нравах Парижа. Я с грустью понял, что в этом самом красивом городе мира он одинок...

Но больше всего меня поразил его рассказ о тесте. О том, как однажды тот забрал на лето внушек в свое имение. Димитри с радостью ждал их возвращения, накрыл красивый стол. Все было чудно, выпили, поели. А после ужина тесть примостился на диване, икнул и небрежно вымолвил:

– Да, Димитри, я забыл сказать о самом главном.

И вытащил из кармана листок, на котором было аккуратно выписано, сколько евро он потратил на внушек.

Димитри был без средств, в нем закипела грузинская кровь. Он объехал знакомых, занял деньги и вернул долг.

Как после этого не попробовать вставить сосиску своему тестю?!

Орзикул ЭРГАШ

Родился в 1953 году в Самарканде. В 1975 году окончил факультет узбекской филологии Самаркандского госуниверситета. Автор сборников рассказов и повестей: «Туй», «Дунёнинг бир чеккаси», «Болалигим кўчаларида», «Шохсанам», «Дархон киссалари», ряда сценариев телесериалов и художественных фильмов. Член Союза писателей Узбекистана. Награжден орденом «Дустлик».

Логика

Рассказ

(перевод с узбекского А.Абдуллаевой¹ и Б.Зикириллаева²)

– Ладно, Шавки ака, поговорим-ка лучше о вашем творчестве, – прервав своего собеседника-журналиста, сказал Азим. – Вообще, творчество – это единственное, что остается после нас!

– Началось, – тоскливо подумал хозяин дома Шавкиддин, зная любовь гостя к пространным рассуждениям. – Не себя ли он имеет в виду? – Да как вам сказать, Азимбой... Кое-что пишу, хотя вряд ли вас это заинтересует.

– Ах, вот как! – обиделся Азим. – Если я занимаюсь другим делом, это не значит, что в творчестве ничего не смыслю. А может быть, я ошибся в выборе профессии?!

– Твоя ошибка оказалась спасительной и для тебя, и для всех вокруг, приятель, – мысленно усмехнулся Шавкиддин и продолжил вслух: – цените то, чего вы уже добились, ведь ваша профессия не принесла вам вреда, не так ли?

– Да, Вы правы, Шавки ака, – обида на лице Азима на мгновение сменилась одновременно растерянно-довольным выражением: – Но... это самое... Знаете, частичка моей души тянется все же к творчеству. Так и хочется взять и написать о чем-нибудь. Иногда просто не терпится! Как бы мне изложить все мои мысли на бумаге?!

Шавкиддин, как показалось Азиму, вдруг стал загадочно серьезным: – вам следует нанять стенографистку. Так делал Достоевский.

– Кто-кто?

– Достоевский. Тот, кто написал роман «Идиот».

– «Идиот»? То есть «Сумасшедший», «Ненормальный»?

– Ну да, можно и так сказать. Толстая такая книга. Он диктовал стенографистке, а она записывала. Один-два месяца, и книга готова.

Азим постарался скрыть удивление и с деланным равнодушием заметил:

– Конечно, легко, когда за тебя кто-то старается.

Увидев выходящих из внутренних комнат жену Лолу и хозяйку дома Хосият, он с воодушевлением продолжил: – Да я могу рассказать такие истории, по сравнению с которыми нынешние хваленые телесериалы гроша ломаного не стоят! И вашего Достоевского с его «Чокнутым» превзошел бы!

– Моего мужа сериалы сводят с ума, – сказала с улыбкой Лола. – Только начнется какой-нибудь, тут же вскакивает, начинает метаться по комнате и то и дело вскрикивает по-русски: Черт побери! Черт побери!

– Он что, не любит сериалы!? – от удивления Хосият присела, забыв, что хотела поменять остывший чай.

¹ Абдуллаева Альбина Суръатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы СамГУ.

² Зикириллаев Бегзод Нигматович, преподаватель кафедры мировой литературы СамГУ, автор переводов официальных документов, справочников.

– Да нет, не то что не любит, но, по его словам, у него внутри бурлят свои сериалы. Я ему говорю: они же выкипят, надо их выпустить наружу. А он мне: – Время еще не пришло!

Ну, вот и ждем, когда придет это время, – усмехнулась Лола.

– Тогда, может быть, вам поможет диктофон? Можете часами надиктовывать, а будет время, – перепишите на бумагу. Да и Лола-хон вам поможет.

– Моя госпожа ничего бесплатно не делает, – усмехнулся Азим.

– Как и вы, – парировала жена. Супруги давно уже освоили принципы новой жизни: он – врач санэпидстанции, она – медсестра в поликлинике пополняли семейную казну за счет «левых» доходов.

– Ну, Шавкиддин ака, с диктофоном разберемся, а теперь о деле, – уже без улыбки добавил Азим. Под впечатлением от прошлого разговора с вами я тут же написал рассказ, показал его друзьям. Один из них, повар в кафе, обещал помочь с публикацией.

– Где? В кафе?

– Да нет же! Но у него кто-то из постоянных клиентов работает в газете. Говорит, что угостит их фирменными пельменями, и дело в шляпе.

– Н-да... «Высоким» авторитетом пользуются газетчики! – подумал Шавкиддин, и тут ему вспомнился недавний похожий случай. Два года тому назад его донимал такой же «поклонник литературы» с просьбой подготовить рассказ к публикации. Шавкиддин долго возился с черновиком, превратил его в нечто, похожее на рассказ, который, к удивлению Шавкиддина, был опубликован с космической скоростью.

– Друзья помогли, – объяснил ему клиент. – Рассказ этот приложат к остальным документам как свидетельство моего писательского таланта. Очень хочется добиться места «ответственного за просвещение» района. Если дело выгорит, за мной не заржавеет.

Шавкиддин тогда рассказал об этом случае Азиму, но тот, похоже, не понял сути произошедшего, а воспринял это как руководство к действию.

– Но я решил, ака, все же сначала вам показать свое сочинение. Как-никак, оно у меня первое. Что-то, может быть, потребуется немного подредактировать. Да лучше я сам вам сейчас же и прочту его, вы ведь знаете почерк медиков. С этими словами Азим вытащил толстенную тетрадь, но вместо чтения последовал пересказ:

– Скажу заранее: я сам был свидетелем всего, о чем здесь написано. Это произошло прошлым летом в моем родном кишлаке во время отпуска. Там живет мой двоюродный брат Умрзак, сын тети. Мы с ним в одном классе учились. Он отлично знал математику. Уговаривал я его поехать со мной в Ташкент: поучишься, говорил, в Нархозе или Сельхозе, дела пойдут в гору. Но он не согласился, не мог оставить мать одну. Когда вернулся после армии, стал неплохим трактористом. Но страсть к выпивке его погубила. Все уговоры не пить пропускал мимо ушей. Не могу, говорит, не пить, иначе все внутри сгорит. Но самое худшее – как выпьет, сразу лезет в трактор и, как на коне, на нем скачет.

– И что, столкнулся с кем-то? – спросил Шавкиддин.

– Да если бы... Все можно было бы уладить, договориться с кем надо. Но этот дуралей сам покалечился. Дело было так. Сидели мы на одной свадьбе. В водке недостатка не было. Умрзак упился по самые уши, я его еле домой доволок. Сажу, смотрю по телевизору «Поле чудес», вдруг во дворе шум, гам. Выскакиваю, а там свое поле чудес – Умрзак бежит по двору, рукой за глаз схватился, никто поймать его не может. Еле остановил, хотел глаз осмотреть, а там кровь... Что, вы думаете, произошло? Этому идиоту (вот где Достоевский!) вдруг спяну приспичило поменять стекло в кабине трактора. Знаете, после установки стекла его следует укрепить по контуру резиной. Так вот, когда мой пьяный братец продлевал все это отверткой, она отскочила и острием ему прямо в глаз! Понятно, что глаз был потерян.

– Ну, а теперь, – прервался Азим, – я читаю вам финал моего рассказа: «никто из собравшихся во дворе помочь Умрзаку не мог. Но эти страдания Умрзак-боя ничто по сравнению с тем, что его ожидает в будущем...»

Азим закрыл тетрадь и с самодовольной улыбкой оглядел всех вокруг.

– Ну как, справедливый вывод, не так ли?! Теперь вся жизнь его пройдет в страданиях, и ничто ему уже не поможет.

Хосият сочувственно покачала головой: – Да, тяжело придется бедняге...

Шавкиддин, все это время стоявший молча, опустив голову, спросил: – Как же вы помогли своему брату? Показали его окулисту? Вы ведь как медик должны были знать, что и второй глаз мог быть поврежден.

– Да, он пролежал потом в больнице, – Азиму явно было интереснее услышать отзыв о рассказе, а не о своей роли во всей этой истории. – Я сам его туда устроил, друзья за ним хорошо ухаживали.

– Друзья?

– Да, а я его хорошо отругал. Сказал ему, что он круглый дурак, сам себя покалечил. Так он мне в ответ: – Видно, судьба моя такова... Даже после всего происшедшего он не считает себя виновным.

– И вы об этом написали рассказ?

– Да, я хотел, чтобы люди знали.

– Что Ваш брат остался инвалидом?

– Нет, о вреде алкоголя. Ну что, просмотрите мой рассказ? Кстати, это мой друг повар из кафе, порекомендовал обратиться к вам. Если, говорит, тот человек отредактирует рассказ, то наверняка его напечатают. Вы, оказывается, в большом авторитете, а даже не говорите об этом!.. Итак, сколько дней вам понадобится?

– Не понял?

– Сколько, говорю, вам нужно дней для просмотра? Я в долгу не останусь, отблагодарю!

– Хорошо, – нахмурился Шавкиддин, просмотрю, но только одно условие – найдите настоящую причину того, что Ваш герой ослеп.

– Причина, разумеется, в алкоголе. Не выпил бы, не полез бы на трактор.

– Но он же тракторист, вот и возился с машиной! Мы обычно оцениваем происходящее по внешним признакам, а ведь есть еще и скрытые мотивы.

– Слишком запутанно, – покачал головой Азим.

– Объясню попроще, на примере одной истории. Во дворе одного дома был арык, протекающий и через соседний двор, хозяин которого держал гусей. Как-то он заметил, что гуси сгрудились вокруг чего-то и встревоженно гогочут. Оказалось, что они перекрыли течение воды, не давая ей унести упавшего в воду малыша. Гуси, получается, спасли ребенка.

– Да это случайность!

– Далеко не так. Ребенок оказался сыном соседки, которая, будучи еще беременной, подкармливала этих гусей. Ее доброта была вознаграждена свыше и вернулась к ней спелым малышом.

Азим цинично рассмеялся.

– Да, теперь все вдруг стали такими набожными! Но какое отношение все это имеет к моему рассказу?

– Самое прямое. Постарайтесь во всем, о чем вы пишете, найти настоящую логику.

– Да все просто! – вспыхнул Азим. Брат был пьян, это и есть единственная причина всего случившегося!

– Это лишь видимые нити. Но верно говорят, что ни один лист не упадет на землю без воли Божьей. Всякое наказание дается не просто так. Может, Умрзак проклял кого-нибудь, или зло подшутил над кем-то?

– А ведь верно, – вдруг взволнованно произнесла Лола. – Есть у нас подслеповатый сосед Маруф ака. Умрзак все дразнил его слепцом. Обиделся тот крепко, наверное.

– Вот видите, – обрадовался Шавкиддин. – Нет ничего случайного в этом мире.

Азим вдруг воспрянул духом от внезапной догадки:

– Понятно: выходит, все слепые люди прокляты!

Шавкиддин замолчал, поразившись логике своего гостя. Потом мягко возразил: – Нет, конечно. Замысел Божий не всегда открывается нам сразу. Вот послушайте: один мой знакомый в аварии потерял ноги. Но теперь этот парень благодарен судьбе за свою инвалидность. До этой трагедии, будучи здоровым человеком, он вел беспутный образ жизни. Теперь же, поняв цену жизни, не просто не опустил рук, а стал владельцем предприятия, на котором трудятся пятьдесят человек. Нашел себя благодаря своему недугу. Возможно, и Умрзака судьба не наказала, а пожалела...

– Дай-то Бог, – с жалостью сказала жена Азима. – Надеюсь, он теперь совсем не пьет?!

– А?! – Азим явно додумывал какую-то мысль. – Не знаю, этот дурак никого никогда не слушал... Значит, говорите, ничего из этого не выйдет?

– Почему же? Я ведь обещал посмотреть. Вот мы, кажется, и нашли настоящую причину того, что произошло с вашим братом, – взглянув на женщин, сказал Шавкиддин.

Он еще раз убедился в истинности того, к чему сам пришел после долгих лет размышлений и поисков. И его душа наполнилась светом и благодарностью.

Черепаша и я

(рассказ)

(перевод с узбекского М.Муминовой¹)

«Он гонит тень, стремясь её развеять...»

Хуан Рулфо

I

Было невыносимо душно... Я жадно вдыхал воздух, словно рыба, которую внезапно выбросило волной на берег, или кто-то взвалил мне на плечи небо... Удушающий зной. Я растегнул пуговицу воротника. Лёгкий ветерок, скользнувший мимо, дал мне немного прийти в себя.

Земля будто горела под ногами, поглощая кислород.

Собрав остатки сил, я едва добрался до дому. Только зашёл в комнату, как из носу хлынула кровь. Чтобы остановить её, я прилёг на кровать, взгляд мой упал на аквариум, стоящий наискосок, он был наполовину пуст, оставшиеся три-четыре рыбки словно задыхаясь, бились в истерике.

– Чёртов Барок²! Опять взялся за своё! Поймаю – зарезу.

В глазах потемнело. Душная погода давала о себе знать.

– Зарезу... – выдохнул я, изнемогая, – вот только поймаю...

Уставший и злой, я не заметил, как заснул.

Проснулся от внезапного шума. Это окно распахнулось от сильного ветра. Пришлось его спешно закрывать, за окном лило как из ведра. Дождь летом, тем более такой ливень, был полной неожиданностью для этих мест.

Я жадно вдыхал чистый воздух, пропитанный запахом моря. Но откуда здесь взяться морю, вокруг одна степь...

Сколько же гор надо преодолеть, чтобы увидеть его. Хотя, и неплохо, что оно далеко. Вон, высушили одно. Должно быть морю лучше быть подальше от людей.

Нет, я не ошибся: это и вправду был запах моря, моря...

II

Кто-то начал скрестись и тихонько постукивать в ворота. Я вышел во двор. Дождь уже прекратился, тучи «облегчили» свои души. Приятная свежесть. Вдыхать бы и вдыхать этот воздух... Открываю ворота, ... никого. Вышел на улицу и огляделся по сторонам.

¹ Матлуба Муминова в 2002 году окончила магистратуру УзГМУЯ. Работала редактором радиоканала "Ёшлар" НТРК Узбекистана, начиная с 2006 года по настоящее время работает редактором английского отдела информационного агентства Uzbekistan Today. Этот перевод её первая работа в литературном жанре.

² Барок - кошка.

**ДИЛШОД
НУРУЛЛАЕВ**

Родился в 1969 году в г. Ташкенте. Выпускник факультета журналистики НУУз. Его рассказы публиковались в журналах «Шарк юлдузи», «Ёшлик», «Гулхан». Работал в редакциях журналов «Гулхан» и «Ёшлик».

Сегодня мне было не по себе, может, никто и не стучал, и это мне только показалось. Я запер ворота и вернулся в дом. На пороге увидел мокрые следы, похоже их оставил Барок. Точно!

– Ну, всё, считай ты у меня в руках, Барок!

Прихватив нож, я на цыпочках направился в комнату, забежав быстро закрыл дверь.

– Тебе конец, Барок!..

Я сразу же взглянул на аквариум, Барока там не было. Но вместо него я увидел черепаху, да, да, черепаху. Она внимательно меня разглядывала, и от её пристального взгляда мне стало не по себе.словно замороженный, я не мог отвести от нее глаз.

– Брось нож! – словно приказывал взгляд черепахи.

Я и думать забыл о ноже и не мог понять, почему так действовал на меня этот взгляд. Я чувствовал, что моя рука, держащая нож, словно лишняя. Наконец, я вышвырнул нож, но пристальный взгляд черепахи будто продолжал мне втолковывать.

III

– Знаешь, Дильшод, меня много раз пытались уничтожить. Один раз подняли на самую вершину горы и сбросили вниз. Исходя из опыта, я тебе скажу: никогда не заводи дружбу со скорпионами! Помню, раз, я хотела помочь одному переправиться через речку. Гляжу, он готовится меня ужалить. Тогда я нырнула в воду и утопила его. Что со мной только не творили!... Хотели сжечь на костре, перемолоть в мельнице, стереть в порошок. Всеми этому счёту нет. Но я всегда возвращалась, словно море. Да-да, словно море...

IV

– Тень... Она такая хитрая. Она падает с удобной ей стороны. В итоге человек видит только свой живот. Перед глазами ЖИВОТ, словно мешок, да нет, словно гора, которая требует постоянного внимания. И, благодаря этой тени, ты каждую минуту, час, день думаешь, как его заполнить. Чем больше становится Живот, тем меньше человек начинает задумываться о человеческих чувствах. И мир заполняют Животы, которые в любую секунду готовы поглотить друг друга. Настоящая хозяйка мира тень, остаётся тенью. А человек, не ведающий о тени, свои несчастья объясняет плохой судьбой.

V

– Почему все норовят уничтожить меня? В чём моя вина? Только в том, что смотрю на вас молча? В том, что мой взгляд пробивает стены и железные двери? Думаешь, мне нравится следить за человеком, которому предназначено жить в тени моря, земли, поля, вообще всего. Ну, уж нет, я только вестник. Моя задача – предупредить человека о том, что его тень нездорова, или, обидевшись, покидает его. А человек не хочет верить, что зависим от тени. Он хочет чувствовать себя счастливым, думать что, он хозяин мира. Возможно, поэтому он жаждет света.

VI

– Если и есть на свете существо, свободное от тени, то это я сама – черепаха! Однажды быстрый Ахиллес по приказу древнегреческого философа Зенона попытался догнать меня. Но как бы он ни старался, как только он настигал, он тут же терял меня и проливал кровавые слёзы. А я в этот момент оказывалась уже в другом месте... Вот так! Тень, единоличная владыка мира, не могла догнать меня!

VII

– Вы никогда не задумывались, почему мы не можем ходить по небу или по воде как по суше?

– Нет, – покачал я головой.

Глубокомысленный взгляд черепахи стал беспокойным. Интересно, но я почему-то тоже начал ходить по комнате. Я медленно расхаживал, делая вид, что на стенах и потолке не происходило ничего сверхъестественного. По потолку что-то двигалось... Я лёг, отвернувшись от потолка. Моё внимание привлекла лампа, висевшая, вернее, стоявшая, прямо рядом со мной...

VIII

– Меня забавляет твой безразличный и ироничный взгляд на окружающие камни. Они не заслужили ни твоего безразличия, ни иронии. Потому что они тоже когда-то были черепахами, как я. Тень гарантировала им счастливую жизнь, в случае, если они забудут обо всем и превратятся в камень. Поверив в эти пустые слова, некоторые черепахи отреклись от своих конечностей, от головы и ног и превратились в камни. Теперь они не тревожат тень. Камни не могут говорить! Они не способны выражать чувства! И я не понимаю людей, которые, словно в насмешку над горькой судьбой черепах, сооружают из камней монументы и возлагают у их подножия цветы. Неужели те, кто отрёкся от себя, от ответственности и превратился в камень, достойны внимания...

IX

– По сути, это была я, я держала на себе всю землю. Тень, появившаяся из ниоткуда, сбивала людей с толку. Миру на земле пришёл конец из-за бесконечных распрей между людьми. За войной-война, за смертью-смерть, мир полон стенаниями и стонами страдальцев. Разоренная земля, потеряв равновесие, упала с моих плеч. Она, земля, всё ещё не обрела равновесия из-за неприкрашающихся войн... Пушечное ядро... Отлетевшая с плеч голова... Водяное колесо... Колесо... Всё, всё катится... Обезумевшие от войн люди, успокаивая себя, верят в небылицы: земля вращается вокруг своей оси, земля вращается вокруг солнца. Тогда ядро, оторванная голова, водяное колесо, колёса вращаются вокруг чего? Они не хотели верить в то, что земля, потеряв равновесие, упала с моих плеч. Даже если и хотели, то тень всегда этому препятствовала, подстрекая на всё новые и новые войны, всё больше отрашивая себе ЖИВОТ. Сейчас правда о том, что земля стояла у меня на спине, превратилась в миф. Для тени было важным, чтобы эта правда стала мифом, забылась. Если люди не забудут эту правду, даже если она станет мифом, я буду спокойна. Придёт время, они поймут, что земля и вправду держалась на моей спине. А сейчас моя задача – молча наблюдать, наблюдать, наблюдать...

X

– Ты всё это записываешь? Кто-нибудь почитает, а потом... Перестань предаваться пустым мечтам. А потом... ничего не произойдёт, ничего не изменится. Людям нет дела: узнал правду, или ещё что-то большее, лучше, если каждый пойдёт своим путём. Ты им не мешай, не стой на пути, раздавят они тебя, как комара, и тебя же самого попытаются обвинить. Красота спасёт мир, – сказал когда-то классик. И что, хоть кто-нибудь его послушал? Если бы послушал, то вряд ли мир пришёл бы в такое состояние! Посмотри на себя в зеркало! Твой вид говорит о том, что ты не нуждаешься в совете! Почему ты так много читаешь? По какой причине ты листаешь так много книг, что ты в них ищешь? Ты же не собираешься чему-то учиться у них. Ты мудрый человек, однако боишься стать посмешищем во второй раз, говоря о том, что красота спасёт мир. И чтобы не повторяться, ты бесконечно читаешь и читаешь... И, в конце концов, в конце жизни ты поймёшь одно: высказал ты свою мысль один раз, второй или третий, даже если в тысячный раз – всё не важно. Люди всё равно поступят по-своему. Раз так, брось предаваться пустым мечтам, а потом... ничего не изменить, ты не сможешь превратиться в черепаху...

XI

Лёжа на боку на потолке я понял, насколько широкой была моя комната. Я посмотрел вниз: перевёрнутые кровать, письменный стол, разбросанные книги и бумаги... Очень

часто меня злило, что в комнате недостаточно места. Тогда я даже не задумывался о том, что есть ещё и пустой потолок! И вот лежу я в удовольствие и слушаю рассказ черепахи...

XII

На днях я наблюдал за матерью и ребёнком. Мать постоянно понукала ребёнка: «Что же ты так медлишь, как черепаха, иди быстрее, прибавь шагу...» Я удивился. Если ребёнок способен только так ходить, как ему прибавить шагу. Или ему бежать? Но мать же говорит идти, а не бежать?! Могли ли они шагать в ногу? Мать и ребёнок не могут идти одинаково. Значит, использование выражения «ребёнок, ползущий как черепаха» неуместно. Если ребёнок не в состоянии идти быстрее, обвинять его и понукать нельзя. «Дойдем, догоним и перегоним!» – лозунги в этом роде только отвлекают человека. Если ползущий как черепаха ребёнок по природе такой, он не только не обойдёт, но и не дойдёт... То, к чему он стремится, не может остановиться и прекратить развиваться?! Помня об этом, никого и никогда не надо заставлять. Ползущий, как черепаха, ребёнок так и будет ползти.

XIII

Глубоко вдохнув и набрав воздуха в легкие, я засунул голову в аквариум. Вода смыла усталость. Через водоросли в аквариуме комната казалась другой. Рыбки по-своему выражали недовольство вторжением в их царство большой головы и забились в угол. Вдох закончился. Последняя порция воздуха, булькая, поднялась на поверхность. Вода начала поступать в легкие через нос, рот. Почему я до сих пор не догадывался, что можно дышать и в воде?! Кого боялся?! Могу ли я знать, что такое страх? Несмотря на то, что мои уши пребывали в воде, я четко слышал слова черепахи.

XIV

– Ты, наверное, восторгаешься чёткостью моих мыслей и невинностью моих чувств? По сравнению с твоими чувствами, оставшимися под тенью, мои кажутся настоящим чудом, не так ли. Ты думаешь, у меня нет таких же корыстных и грязных мыслей, подлости и пессимизма как у тебя? Есть! И ещё как! Только они во мне превратились в камень и стали частью моего панциря. Хорошо, что есть панцирь, иначе под тяжестью этих пороков я бы, в конце концов, осталась в тени...

XV

– Интересно, почему все в этом мире шепчутся. Боятся говорить во весь голос. Спрятавшись в четырёх стенах, начинают перешептываться. Да, кстати, об ушах у стен! И вправду, стены имеют уши! Если у стен есть уши, так что заставляет людей, спрятавшись в четырёх стенах, шептаться? Ну, если они шепчутся, чтобы уши стен слышали, так почему они это делают? Откровенность?! Они и это слово произносят странно: «О-о-о-о-о-о...» несведущий человек, подумав, что песни поют, может пройти мимо. Но я уже многое понимаю в шёпоте. Они стараются уничтожить любую тоску, напоминающую «о-о-о-о-о». Если вы считаете, что «о-о-о-о-о» мертво, то у нас «о-о-о-о-о» есть, вот только у нас считают, если народ сам не хочет «о-о-о-о-о», его нельзя заставить. Кто-то из толпы может хриплым голосом произнести «о-о-о-о-о». И с таким же хриплым звуком покинуть этот мир. Народ молчит.

XVI

– Как поступает тень с теми, кто хочет видеть и нечто другое, кроме Живота? Прежде, она пытается вознаградить, повисить в должности, посадить в мягкие и удобные кресла. И многие после этих манипуляций, забывают обо всём, кроме ЖИВОТА. Но тех, кто не удовольствуется этим, ждёт участь людей, выделившихся из толпы с «о-о-о-о-о». Мало находится тех, кто хотел бы для себя такой участи.

XVII

Черепаха собралась философствовать бесконечно? До утра, до следующей недели, до следующего месяца, года, века, и, если она не прекратит говорить, хватит ли моего терпения это всё выслушивать? Говорят, что черепахи живут 300 лет. Неужели моя короткая жизнь так и пройдёт, пока я буду слушать её трёхсотлетнюю болтовню!

Рыбки радовались тому, что я выташил голову из аквариума. Вытирая голову, я понял, что черепаха полностью поглощена своими мыслями.

XVIII

— У нас, черепах, нет страны и правителя. У нас и в мыслях не было управлять кем-то. У нас не было никаких войн и даже ссор между собой. Мы можем жить и на суше и в воде. Мы даже можем жить в ладу со звёздами-черепахами, которые в небе. Если вы хотите жить свободно и счастливо, превратитесь в черепах. Потому что есть на свете единственное существо свободное от преследования тени, и это...

XIX

Если дать черепахе свободу, что она только не скажет! Не дожидаясь этого, я бросил её в аквариум. Не понимая моих действий, она молча высунула голову из воды. И в этот момент, подняв брошенный нож, я отрезал ей голову...

Вдруг, появившийся из ниоткуда Барок, уташил голову черепахи. Я гневно глянул в его сторону.

— Придёт день, когда ты попадёшься мне в руки, Барок! И тогда я с тобой поговорю серьёзно. Это будет твоей последней выходкой.

Каким вкусным получился суп из черепахи!

Все ели и расхваливали. О том, почему суп получился таким ВКУСНЫМ, знал только я...

XX

...Она не заставила себя ждать долго. Несмотря на то, что вокруг была степь, я явно ощущал запах моря. Но вокруг же нет никакого моря?! В этот момент я вспомнил слова черепахи и чуть не задохнулся от ужаса. Ведь она говорила, что, как бы то ни было, она возвратится в образе моря.

Да, она возвращается в образе моря...

XXI

Вот уже месяц я нахожусь в горах. Взгромоздив большой камень на спину, я хожу туда-сюда на четвереньках. Расцарапанные колени и руки уже привыкли к боли. И камень словно прирос к моему телу и стал его частью. Если сильно хочешь, любая мечта непременно сбывается. Скоро я и черепаха будем молча наблюдать за людьми, оставшимися под тенью... Я понял, что мои мысли в сравнении с твоей ответственностью не стоят ничего. Всему виной Живот, проклятый Живот. Заслонив мир от наших взоров, он стал причиной того, что мы забыли об ОТВЕТСТВЕННОСТИ. Хорошо, мы бессильны перед коварством тени, но мы же в силах наблюдать за ней?! И придет день, когда мы освободимся от нее! У меня нет температуры? Всё в норме, до тридцати семи. Меня беспокоит только то, что это показатель нормы под тенью. Значит, значит... По сути дела, температура у людей на земле очень высокая! Изнывающий от жара мир! Бедные люди, которые боятся перепада температуры!

Да, только черепахи независимы и свободны от тени. От переполняющих меня чувств я, несомненно, превращусь в черепаху. Всякий желающий стать свободным должен превратиться в черепаху. Ни колени, покрытые синяками и кровоподтёками, ни сбита камнем спина не смогут заставить меня изменить моего решения. Я хочу стать СВОБОДНЫМ. И я соглашусь на любые испытания. Вот, иду на четвереньках навстречу тебе, черепаха, возвращающаяся в образе моря...

**Мавлюда
ИБРАГИМОВА**

Родилась в г. Ташкенте в 1962 г. Окончила факультет журналистики ТашГУ (НУУз). Член Союза писателей Узбекистана с 1991 г., работает под псевдонимом Негина Ниёз. Автор книг: «Илмус» сайёрасига ғаройиб сафар», «Қора қизнинг кўз ёшлари», «Савдойи қиз», «Сўнги кун», «Арвоҳ жазман», ведет рубрику об аномальных явлениях в газете «Бекажон».

Белый домик в черных скалах

Повесть

(перевод с узбекского В.ВАСИЛЬЕВА)¹

Утесы, словно стволы окаменевших исполинских деревьев, вонзались в слепое белесое небо. Один из них, будто повален ураганом, но из последних сил ухватившись корнями за почву, застыл в воздухе, как чуть приподнятый шлагбаум (или дамклов меч?). Утес постоянно стонал и кряхтел. Казалось, что корни вот-вот не выдержат и...

За «шлагбаумом» простиралось бесконечное и ослепительно прекрасное царство снега, так чудно сверкавшего в лучах солнца, словно это не шалуньи-снежинки, а жемчуга и алмазы. Похоже, что дело тут не в случайной игре света, а в особых свойствах пространства, столь чудесным образом преломлявшего обычные лучи солнца. Хотя, кто знает, быть может, и это солнце, и эти лучи не столь уж обыкновенны?.. А знать могут разве что пятеро молчаливых седовласых вершин, надежно заслонявших сказочную долину от любопытных глаз вездесущего мира. Уж они-то были свидетелями всех событий, случавшихся в снежном царстве на протяжении долгих веков...

Помнили они и то время, когда в самом центре белой пустыни вырос белоснежный дом. И если бы не контрастно-черный фундамент, похожий на траурную рамку для еще не отпечатанной фотографии, то было бы совершенно невозможно обнаружить этот белый домик в снежной беспредельности...

Потом появилась и аккуратная снежная дорога, соединявшая «шлагбаум» с домиком.

На крыше роскошно возлежала пышная снежная шапка, чуть съехавшая набок. Над большими двустворчатыми глазами окон, словно брови, темнели трубы отопления.

В одной из комнат домика сидела девчушка лет пяти. Вокруг нее был разбросан ворох фотографий. Она забавлялась ими: то беседовала, словно с живыми, то играла в дочки-матери, а то, уловив момент, когда в комнате никого не оказывалось, раскрашивала некоторые из них цветными карандашами.

Вдруг ей попалась фотография, которую уже не нужно было раскрашивать. С фотографии на девочку изогнув брови и насмешливо улыбаясь, смотрел молодой дядя с высоким лбом, длинными черными волосами, зачесанными назад. И хотя у него были большие-пребольшие и умные, даже краси-

¹ Васильев В. (псевдоним Василид 2) родился в 1948 году в Рыбинске. Писатель, поэт, переводчик, член Союза писателей Узбекистана, автор многочисленных книг. Живет в Ташкенте.

вые глаза, девочке он не понравился. Во-первых, потому что его нельзя было раскрасить, во-вторых, потому что насмехался.

– Мама! – позвала девочка и, когда из кухни, вытирая руки о фартук, появилась мать, спросила: – Кто это?

– Ой, как ты все тут разбросала!.. Наведи-ка порядок, доченька, будь умницей!

Мать долго всматривалась в фотографию, потом удивленно пожала плечами:

– Кто бы это мог быть?.. Никак не могу припомнить... Раньше, мне кажется, у нас не было такой фотографии.

– А у меня еще такие есть! – похвасталась девочка, протянув матери два цветных снимка. Но и двух других мужчин, изображенных на них, мать не узнала.

– Наверное, это знакомые папы, – предположила она. – Отложи их в сторонку, а вечером мы у него спросим.

Однако девочка нахмурилась и вдруг резко перечеркнула первую фотографию черным карандашом.

– Ой! Что ты натворила! – закричала мать, выхватив у нее из рук испорченную карточку.

– Этот дядя плохой! Он меня обижает! – попыталась объяснить малышка, кривя губки. В глазах ее дрожали слезы. – Я не буду больше с ним играть!

И спрятав лицо у матери на груди, девочка горько зарыдала...

* * *

Опять этот назойливый звук. Голос вечности. Негромкий, но грозный. Люди появляются и исчезают, а он звучит, не смолкая, напоминая смертным о бренности бытия... Он настигает Ларолу тревожной дрожью, пробегающей по настороженному телу, знобящей печалью, окутывающей сердце, как снежный сугроб. Жизнь начинает казаться бессмысленной, бесцветной, тоскливой...

– Опять Зуфала нет! – раздраженно констатирует Ларола, выглядывая в круглое окно на улицу. – Почти полночь, а он все торчит на своей идиотской работе, словно нет у него ни дома, ни семьи.

И дорога, и тротуар тихи и пустыньны, словно там сроду не бывало ни единой живой души. Мир, будто в громадный глубокий колодец, погрузился в темную ночную тишину. Только зеленые огни растекались по сверкающему зеркалу дороги.

В чуткой ночной тишине издали доносились чьи-то шаркающие шаги.

Ларола отскочила от окна. – Идет пешком, не торопится, – накручивала она себя. – Ему наплевать, что я не нахожу себе места, что ребенок проглядел все глаза да так и уснул, не дождавшись отца. Для него имеет значение только то, что пешком ходить полезно. Вполне успешно до внутренней дрожи накручивала она себя.

...Не так давно в отлаженном механизме их жизни что-то сломалось. А до того...

Они и на работу уходили вместе, благо, что работали в одном институте, и на обед, и с работы. В течение дня он непременно несколько раз заглядывал к ней в лабораторию, вызывая умиленные взгляды завидовавших им женщин и косые, неприязненные взгляды мужчин. Видимо, такая средневековая романтичность была им, как кость поперек горла: «Тоже мне, Лейли и Меджнун!..»

Но вдруг с Ларолой что-то случилось. Она досадует на себя, не узнает себя, но не в силах с собой справиться. Из-за мелочей срывается на крик, по пустякам рыдает, ни с того, ни с сего может закатить истерику. Все дело в ней. Ведь Зуфал несколько не изменился. Бывало и прежде, что он через сутки ночевал в лаборатории или, оставив Ларолу с малышом, уезжал в экспедицию... И теперь, когда его работа близилась к завершению, ей бы радоваться! А она...

Почему Ларола не поддерживает его как раньше? Почему его заботы и радости перестали быть ее тревогами и счастьем? Почему его поведение стало раздражать ее? Каждую ночь она ждет его прихода, чтобы выплеснуть на него свои обиды. Ей хочется досадить ему, сделать больно... Потом, днем, она раскаивается, проклинает себя, а вечером все повторяется...

Ларола сама уже извелась, но похоже, что ее подхватил незримый, но мощный поток и несет, несет, несет, грозя утопить. И нет сил вырваться!.. Что же это такое?!

Ну, не может же быть причиной этот растреклятый нейростат, над созданием кото-

рого бьется Зуфал! Последнее время он так ушел в работу, что даже перестал забегать к Лароле в лабораторию в течение дня. Сотрудники ее не замедлили отреагировать, и она вынуждена была оправдываться: «У него на работе завал!» Окружающие обменивались многозначительными взглядами и кивками, что ужасно бесило Ларолу. Тогда-то она и начала предъявлять Зуфалу претензии.

И однажды Зуфал сорвался:

– Да-да-да! Моя работа важнее всего на свете! И меня, и... и даже тебя! Потому что от ее результатов зависит будущее человечества! И твое, в том числе... И нашего сына!..

– Псих! – ответила она.

Щелкнул дверной замок, открылась дверь. Зуфал вошел, разулся. Ларола не встречала мужа, но чутко со все возрастающим раздражением регистрировала каждое его движение. Молча накрыла на стол и скрылась в соседней комнате, наблюдая оттуда за мужем.

Зуфал, нахмутив красивые брови, принялся за ужин, водрузив за тарелкой книгу. Ел, не замечая вкуса пищи. – Да чтоб ты прилип к своей книге! – раздраженно подумала Ларола.

– Читать во время еды вредно! – подала она голос.

Зуфал не отреагировал. Не заметил он и того, что пролил суп на брюки.

– Ты только послушай, Ларола! – как ни в чем не бывало закричал он в сторону гостиной. – Американские ученые уже давным-давно научились восстанавливать угасшие нейроны, научились записывать информацию в память и стирать ее! Великолепно!.. А наши недоумки ставят нам палки в колеса!.. Нейростат уже готов, а нам отказываются доверить даже самого безнадежного душевнобольного... Маразм! Ставьте, мол, эксперименты на крысах!.. А на ком мы, спрашивается, отлаживали нейростат?.. Неужели эти идиоты не боятся выпустить в мир крысу с крысиным сверхинтеллектом?! Эксперименты на крысах не имеют смысла! Неужели этим высокоученым долдонам это неясно?.. Эх, Ларола! Ты представляешь, курносенькая, что будет с человеком и человечеством, когда заработают все его четырнадцать миллиардов нейронов?! Фантастика!.. Телепатия, телепортация, телекинез, управление внутренними органами, изменение формы тела, быть может, бессмертие через авторегенерацию. Контакты с параллельными мирами и их обитателями, так называемыми духами... А эти интеллектуальные недоумки нам своих крыс суют... Эх!..

– Вы бы лучше ели, Зуфал. Все уже остыло... – напомнила Ларола. – А вы не боитесь выпустить в мир супермена при нынешнем уровне нравственности? Не провозгласит ли он вслед за ницшевским Заратустрой: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком – канат над пропастью»? И не пойдет ли человек по этому «канату» так, что затрещат ребра и черепа?.. Смотрите, как бы этот нейростат не стоил вам жизни... Не только вам...

Но Зуфал, как запевшийся соловей, не слышал никого, кроме себя:

– А в результате мы растеряли на протяжении последних веков даже то, что имели. В древности люди были непосредственно связаны с космосом и планетой. Контакты пророков с небесными силами – не выдумки, а подтверждение этой связи, перевод ее в сферу наших понятий. Люди были здоровы и мудры мудростью единства с мирозданием. Это единство отечески опекало их, предупреждая о катаклизмах и подсказывая, к примеру, какие травы лекарственные, какие – ядовитые. Тогда еще существовало поле – некоторые называют его лептонным, другие – иначе... Неважно, главное – оно обеспечивало гармонию физических и духовных начала в человеке. Оно и обеспечивало единство мира и человека. Сейчас же мозг человека все более экранируется от этого поля, многие нейроны угасают, а само поле ослабевает... А мы все ждем чего-то!.. А мы все экспериментируем на крысах – крысоморы ничтожные... Скоро будет поздно. Процесс станет необратимым!.. Если уже не поздно...

– Да, – подумала Ларола, – лептонное поле между нами совсем уже исчезло... Мы не слышим друг друга...

Чем больше распалялся Зуфал, тем тоскливей становилось Лароле. На самом деле, Зуфал разговаривал не с ней. Точно так же он мог бы говорить все это и собаке... Ему нужно было выговориться. Справить свою интеллектуальную нужду.

Обида окончательно захлестнула Ларолу. Она быстро убрала посуду и ушла в

спальню. Зуфал же еще долго был занят собой. В конце концов он завалился рядом, распространяя вокруг себя какой-то мерзостный запах, от которого Лароле стало дурно.

– Завтра собираемся сделать снимок мозга, – пояснил он. – Спецобработка... Камол определит с помощью нейростата число действующих нейронов. Каково, а?! – гордо воскликнул Зуфал, поправил на голове полиэтиленовый мешочек и, повернувшись набок, мгновенно уснул.

– Эх ты, Машраб науки... – презрительно констатировала Ларола, брезгливо морщась от нестерпимой вони.

И такой жизни, казалось, не будет конца. После того, как Ученый Совет категорически зарезал их тему в виду ее авантюристичности, с чем Ларола была согласна на все сто и даже двести процентов, вся зуфаловская группа сбилась с ног в поисках спонсоров и независимой «крыши». Науку приходилось двигать по ночам.

Группа Зуфала, к слову, была весьма колоритна. Шеф – Карим Османович – всегда одет по последнему воплю молодежной моды, пышная седая шевелюра до плеч и тем-перамент танка, выстреливающего правду-матку в лицо собеседнику, как правило, не взирая на это лицо.

Второй по возрасту и авторитету – Баходыр Батырович, напротив, был подчеркнут-о изыскан с оттенком «ретро» и чересчур кокетлив. Его плавные манерные движения, позы, жесты, уместные разве что на балетной сцене, в НИИ выглядели несколько шокирующе и наводили на подозрения, что это результат долгих репетиций перед зеркалом.

В последнее время к ним в качестве присоединился и самый близкий друг Зуфала – Камол, как и многие другие психиатры, чем-то неуловимо напоминавший своих пациентов. Однако Камол преследовал вполне конъюнктурные цели, надеясь с помощью нейростата, если и не совершить переворот в психиатрии, то уж облегчить участь некоторых своих пациентов – определенно.

И, наконец, Зуфал!... О, Зуфал!.. Любимый, прекрасный, талантливый, несравненный... и неизлечимый... безумец... Меджнун от науки. Чем он, впрочем, явно гордился, видимо, ставя себя в ряд с такими великими «сумасшедшими», как Циолковский, Эйнштейн...

В конце концов, они все же уговорили какого-то, видимо, тоже сумасшедшего банкира финансировать их авантюру и организовали маленькую независимую лабораторию, пребывая в полной эйфории от собственных идей и совершенно не давая себе труда задуматься пусть и о маловероятных, но все же возможных негативных последствиях воплощения этих идей. Мозг не пластилин, чтобы лепить из него все, что угодно. Так считала Ларола. Но не Зуфал.

И потому Зуфал пропадал в лаборатории, а Ларола до полуночи просиживала у окна, прекрасно зная, что муж явится только к утру. И тем не менее...

Она перестала готовить. Впрочем, киберповар справлялся и без нее. Ощущение неимоверной усталости, безразличия и неприкаянности не покидало ее. Холодный ветер гнал колючие пески по безлюдной пустыне души. Изматывающая головная боль и предчувствие надвигающейся опасности... Особенно ночами... Бессонница, наполненная безотчетным страхом, перемежалась с кошмарами... Ларола подурнела – глаза ввалились, черты заострились, плечи ссутулились под гнетом незримого груза. А Зуфал ничего не замечал. Похоже – он ее просто не видел. И это окончательно добивало ее... Наверное, это и называется одиночеством вдвоем?

Однажды она проснулась после очередного кошмара в холодном поту. Чтобы как-то успокоиться, встала, сбросила влажную рубашку и глянула в зеркало, собираясь поправить волосы. И оторопела – в зеркале не было ее отражения! В отраженной комнате, наполненной вешами, ее не было! Сердце забило так громко, что заглушало все прочие звуки. Она жадно хватала ртом исчезающий воздух, как рыба, выброшенная на песок, и не могла ни отойти от зеркала, ни оторвать от него взгляда...

Наконец, ослабевшие ноги не выдержали, и Ларола медленно опустилась на ковер. При этом ей удалось отвернуться от зеркала. Она сидела на полу спиной к нему, дрожа от страха, и явственно ощущала нечто необъяснимое...

Зуфал пришел на рассвете. И хотя валился с ног от усталости, все же отреагировал

на необычное состояние Ларолы – очень уж странные у нее были глаза – как у затравленного зверя.

– Что с тобой? – с тревогой поинтересовался он. – Ты, часом, не заболела?

Ларола отрицательно покачала головой.

– Ты сама не своя! Что случилось...

Ларола покорно попыталась пересказать Зуфалу ночное происшествие. Получилось бессвязно и неубедительно. Муж выслушал ее спокойно, позевывая и кивая головой, как игрушечный болванчик. Видимо, решил, что ей все это приснилось.

– Наверное, ты устала, – поставил он диагноз и тут же рекомендовал лечение: – Тебе надо отдохнуть.

Ларола горько усмехнулась и молча ушла на кухню.

Уже засыпая, Зуфал услышал доносящиеся оттуда всхлипывания, но сил оторвать голову от подушки не было. Непреодолимый сон гасил искры раскаяния. «Я виноват, виноват... как мы стали далеки... Видимо, я ее не понял... Надо показать ее врачу... завтра... Завтра... Почему я не нашел для нее ласкового слова?..»

Назавтра Зуфала разбудил телефон.

– Сейчас позову, – послышался из прихожей голос Ларолы.

Зуфал сжал телефонную трубку так, что побелели суставы пальцев. Он побледнел, прислонясь к стене, и отрывисто выкрикнул:

– Как? Когда? Где?..

Ларола продолжала стоять рядом, ожидая разъяснений.

– Умер Карим Османович, – потерянно сообщил Зуфал, опустив трубку.

Ларола вскрикнула и в знак скорби торопливо провела ладонями по лицу. При этом Зуфал заметил странный огонек в ее глазах.

– Какое горе... – вздохнула она. – Только вчера я видела его во сне. – Ларола не стала уточнять, что видела не самого Карима Османовича, а его фотографию.

– Врешь ты все! – вдруг сорвался Зуфал, вспомнив странный блеск ее глаз. – Сама, небось, рада-радешенька, что моя работа теперь застопорится! – И выскочил из дома, как пробка из бутылки шампанского, хлопнув дверью.

... Смерть Карима-ака была окутана тайной и густо присыпана сплетнями. Говорили, будто в день перед смертью его видели с какой-то молодой женщиной. Якобы они вместе уходили с работы. Это было на него похоже... Еще говорили, что он поскандалил на улице, поучая кого-то из молодежи. А его главный аргумент, известное дело, кулак. И это тоже было на него похоже...

На самом деле, умер он дома в результате инсульта, но при этом, странное дело, у него оказались порваны барабанные перепонки. И в четырех местах его квартиры были обнаружены совершенно гладкие, без дактилоскопических линий отпечатки пальцев.

Сотрудников и особенно сотрудниц института стали приглашать к следователю.

Занятый организацией похорон и сопутствующих траурных ритуалов, Зуфал совсем забыл про Ларолу. А она искренне жала его.

...Ларола проснулась от нестерпимого холода. зуб на зуб не попадал. От сна остались смутные воспоминания о каких-то снежных вершинах, на которые она будто бы карабкалась. Вот только что – еще не восстановилось дыхание, руки и ноги дрожат от усталости... И бескрайнее снежное поле...

Ларола вдруг осознала, что находится не в кровати, а стоит посреди комнаты, и с платья, облепившего ее тело, стекают ручейки ледяной воды. От этого открытия она чуть было не упала в обморок.

Она приблизилась к зеркалу. Плавающий ненавистью взгляд женщины, глядящей оттуда на Ларолу, обжег ее. «Это не я!» – прошептала Ларола, с ужасом глядя на совершенно незнакомую ей женщину. Но это насквозь мокрое и оттого прозрачное платье... И тело, просвечивающее сквозь него! – это ее платье и ее тело... Но лицо?... «Это я! – вынуждена была признать Ларола. – Но как же можно одновременно быть в двух ипостасях: жертвы, трепещущей от ужаса, и ее врага, пылающего ненавистью?!». Сознание ее было на грани помрачения.

– Наверное, я все-таки схожу с ума, – почти спокойно и логично констатировала Ларола. – Разве человеку в здравом рассудке может показаться чужим собственное отра-

жение?... Она бросила молниеносный взгляд в ночное окно, и, о Боже! – там было, хоть и не очень четкое, но ее собственное отражение! Ларола обрадовалась и даже осмелилась подойти к зеркалу в ванной комнате. И в этом зеркале была она – Ларола. А вот вернуться к зеркалу в спальню – было выше ее сил...

Теперь она уже осмелилась позвонить мужу.

– Быстрее приезжайте, Зуфал! – истерично выкрикнула она. – Мне страшно!

Зуфал поспешно сменил халат на пиджак.

– Это была Ларола?! – удивленно спросил Камол, застыв с энцефалограммой в руках.

– Ну, старик, – покачал он головой, – ей срочно нужно лечиться! Говорю как специалист!

Когда Зуфал влетел в квартиру, силы уже покинули Ларолу. Она лежала на полу в кухне, бессознательно что-то жалобно выкрикивая и дрожа всем телом.

...Врач «Скорой помощи» сделал Лароле несколько уколов и сказал, что через два-три часа она придет в себя, но необходимо обратиться к специалисту.

Утром, открыв глаза, Ларола первым делом спросила, где ребенок.

– Санжар у бабули, – бодро успокоил ее Зуфал. Однако сам забеспокоился: «Почему она спрашивает? Ведь сама же собиралась отвезти его к матери... Отвезла ли?» – Ты говорила, что отвезешь Санжара после работы к матери, – осторожно напомнил Зуфал.

– Как поживает мама?

– Что?! – вдруг испуганно спросила Ларола. – Разве?... Разве я говорила?

Выйдя в другую комнату, Зуфал позвонил родителям Ларолы и осторожно, чтобы не беспокоить стариков, выяснил, что Санжара у них нет.

– Его там нет, да? – догадалась она, когда муж вернулся. Зуфал отрицательно покачал головой. Ларола как от удара схватилась в комочек и прижалась к мужу, ища у него защиты. – Я ничего не понимаю, Зуфал!

Зуфал пытался утешить жену, мол, в наше время дети бесследно не пропадают, найдется... А у самого на душе кошки скребли. Когда он последний раз видел сына?! И все из-за своего бездумного стремления осчастливить человечество, которое вовсе не просило его об этом... Это он, он во всем виноват!.. Довел жену до умопомрачения...

Зуфал бросился к телефону. Милиция, больницы, морг... Ларола сидела напротив, не отводя от него обезумевших глаз. Санжара не было нигде. Ларола молча плакала.

– В таком состоянии и застал их Камол. Зуфал выглядел не лучше Ларолы – волосы всклокочены, глаза запали, щеки небриты. Камол пытался их утешить:

– Не казнитесь, – всяко бывает! Лучше приготовьте его любимое блюдо. К вечеру обязательно отыщем вашего беглеца! Что он больше всего любит?

– Мои домашние пельмени! – просияла Ларола.

– Вот и займитесь, – посоветовал Камол.

Однако приготовленные пельмени так и остались лежать в морозильнике. Камол с Зуфалом облетели на осмобиле¹ все окрестности Ташкента. Никаких следов.

Ларолу пришлось положить в больницу к Камолу. Работа совсем встала. Зуфал сбился с ног в поисках сына и измотался до такой степени, что не только работать, но и думать о работе был не в состоянии. Баходыр Батырович неожиданно взял двухнедельный отпуск и уехал в горы, оставив Зуфалу записку, где намекал, что нашупал интересное решение. Видимо, ему и понадобилось уединение, чтобы спокойно поразмышлять. Зуфал к этому факту отнесся без эмоций.

Через пару дней его срочно вызвал Камол.

– На-ка, старик, полюбопытствуй, – положил он перед Зуфалом несколько энцефалограмм. Зуфал без особого интереса стал их рассматривать.

– Что это?! – вдруг воскликнул Зуфал, тыча пальцем в энцефалограмму.

– Это свидетельство того, что у пациента активизировано двадцать пять процентов нейронов. В то время, как норма...

– До десяти процентов, – закончил Зуфал. – Ты применил нейростат?!

– Нет, он же у тебя в лаборатории... Обрати внимание на эти участки. Очень похоже, что информация здесь стерта.

– Каким образом?

¹ Осмобиль — индивидуальный воздушный транспорт (фант.)

– Не знаю, старик, не знаю... Такое бывает либо при травме, либо в результате очень сильного стресса.

– Ну, дела!.. – развел руками Зуфал. – А вот здесь, смотри, опять число активных нейронов в норме...

– Именно, – подтвердил Камол.

– Но каким образом?!

– У меня самого уже шарики за ролики заехали... Потому тебя и призвал.

– Нет! Без нейростата?! Мы столько мучились! Чьи это записи?

– Ларолы, – тихо, но четко произнес Камол. Зуфал же вздрогнул так, будто у него за спиной раздался выстрел.

– Ты серьезно?

– Более чем.

Теперь Зуфал так углубился в изучение записей, словно надеялся найти там разгадку постигшей его беды.

Через неделю после исчезновения мальчика в дверь позвонили. Зуфал, теперь практически не покидавший дома, бросился открывать. На пороге стоял благообразный старик в выгоревшем, но чистом чапане и в тубетейке. За руку он держал Санжара.

Через мгновение мальчик с радостным воплем повис на шее отца, а еще через минуту как ни в чем ни бывало, занялся своими игрушками, по которым, видимо, тоже соскучился.

Старик рассказал Зуфалу, что сам он из местечка «Аджар коя» в далеком горном ущелье. Там он и обнаружил мальчика. Очень уж он был непохож на местных сорванцов. Сначала Санжар сообщил старику, что он сирота. Потом стал проситься домой. Ничего толком добиться от него было невозможно. То он говорил, что прилетел на осмобиле, то утверждал, что добрался до гор пешком. И смех, и грех. Не мог он вспомнить, где и когда потерял маму. И если бы не телевизор...

– Ты теперь мой дедушка! – объявил Санжар, чем растрогал старика до слез.

Ближе к вечеру, освободившись от приятных хлопот по отмене розыска и проводив доброго старика, Зуфал с Санжаром радостно устремились в больницу к Лароле. Зуфалу не терпелось увидеть ее счастливой. Однако встреча получилась совсем не такой идиллической, как ему представлялось.

Ларола воскликнула «Сынок!» и зарыдала от избытка чувств, а ее несчастные душевнобольные сопалатницы, не разобравшись что к чему, зарыдали вместе с ней. В палате поднялся такой вой, что Зуфал, схватив перепуганного Санжара и Ларолу, поспешил выскочить в коридор. Ларола сразу запросилась домой.

– Солнышко мое, – ворковала она над сыном, – накормлю я тебя сегодня твоими любимыми пельмешками...

Санжар, однако, был не особенно ласков с матерью, а слушал ее с некоторой опаской. Ларола ничего не замечала, а Зуфал решил, что виновата больничная обстановка и испуг от коллективной женской истерики.

Камол, радуясь за друга, все же отпустил Ларолу домой. Зуфал заверил его, что все будет о'кей, и даже написал расписку, что забирает больную под свою ответственность.

Им было так хорошо в этот вечер втроем. Пожалуй, они еще никогда не были так счастливы.

Ларола, сияя от счастья и умиления, лепила для своих ненаглядных пельмени; на ее недавно серых щеках играл яркий, как в девичестве румянец, глаза сияли нежностью и любовью.

Зуфал ошущал, как расслабилось сведенное нервной судорогой тело, как запорхала и зачирикала освобожденная душа.

За ужином отец с сыном дурачились, хохотали и секретничали.

Ларола ошущала, как оттаивает ее душа и нежностью переполняется сердце, уже не мешающееся в груди. Она была счастлива! Она снова любила...

* * *

Ночью Зуфал проснулся от острого приступа тоски. Пытаясь освободиться от ощущения вселенского одиночества, он протянул руку, чтобы коснуться любимого тела Ларолы

и в его тепле и нежности обрести спасение. Но кончики пальцев, коснувшиеся Ларолы, обожгло таким холодом, что он вскрикнул и сунул их в рот, чтобы согреть. Пальцы ничего не чувствовали. Зуфал затаил дыхание и прислушался. Ларола не дышала. Вне себя от ужаса он выскочил из спальни. Укутанная черным платком распущенных волос Ларола копошилась на кухне.

Зуфал остолбенел.

– Там... там... – только и мог произнести он, показывая дрожащей рукой в сторону спальни. – Лежит...

– Что?! – тревожно вскинулась Ларола, и улыбка умерла на ее лице.

Взявшись за руки, они вошли в спальню. На постели Ларолы лежала женщина. Вдруг она задрожала, стала прозрачной и на их глазах растаяла...

– Иногда, – призналась Ларола, – когда я остаюсь дома одна, эта страшная женщина появляется в зеркале.

Желая успокоить чересчур взволнованную жену, Зуфал взял ее руки в свои и попытался приблизить к губам, чтобы поцеловать... На красивых пальцах Ларолы совершенно не было кожного узора. Они были настолько зеркально-гладкими, что Зуфал разглядел на подушечках свое искаженное отражение. Он с удивлением поднял глаза и в ужасе отскочил, словно его ударило током. На него, обнажив зубы в хищной ухмылке, смотрела та страшная женщина, которую он видел в постели. У нее были черты Ларолы, но это было чужое и чуждое Зуфалу существо.

Ларола еле удержалась на ногах – так сильно оттолкнул ее муж.

– Зуфал! – жалобно-вопросительно воскликнула она, не понимая, что с ним случилось.

И Зуфал вдруг увидел, что перед ним его Ларола. Он потряс головой, пытаясь освободиться от наваждения и безотчетно пятась к двери.

– Зуфал, ты куда? – в нежном голосе Ларолы звенели слезы.

– Наваждение какое-то. А еще говорили, что больна Ларола... Нет, тут либо все больны, либо все здоровы. Ладно, утро вечера мудренее...

Однако утром пришло известие о смерти Баходыра Батыровича.

Его тело было найдено высоко в горах. «Сорвался?... Сердце не выдержало?...» – строил догадки Зуфал. Но, как показало следствие, причиной смерти Баходыра Батыровича был вовсе не сердечный приступ, а обширное внутреннее кровоизлияние. Причем, что заставило Зуфала похолодеть от мистического ужаса – у него, как и у Карима Османовича, были порваны барабанные перепонки, а на вешах обнаружены «гладкие» отпечатки пальцев. К тому же, пропали его бумаги.

Хотя причем тут мистика? Кожный узор легко сглаживается перчатками... А барабанные перепонки?... Звуковые волны?... Резкий перепад давления, как при разгерметизации в космосе?... Но каким образом?... «Кому-то поперек горла наши исследования, – понял Зуфал. – Но кому?!» И тут холодок подозрения заставил Зуфала вздрогнуть. Перехватил дыхание... «Нет, нет!.. Не может быть!..» – заставил он себя вышвырнуть из головы эту мерзкую несуразицу.

Ларола, еще ничего не подозревая, встретила его с работы в радужном настроении, с хохотом сообщила, что «ваш Санжар совсем от рук отбился...»

Зуфалу казалось, что звук ее голоса доносится откуда-то издали, из-за стен или с улицы.

– Что с вами, нездоровится? – наконец заметила Ларола состояние Зуфала.

– Баходыр Батырович умер...

– Ой, горе-то какое! – запричитала Ларола и провела ладонями по лицу. – Он что – был болен? Такой еще молодой...

Ее сочувствие и удивление были такими неподдельными, что у Зуфала, считавшего, что она ненавидит его коллег, потеплело на сердце. Насколько сейчас это было возможно...

– Его тело обнаружили на склоне заснеженной горы, в Аджар-коя, – объяснил он, внимательно глядя на жену.

Она вздрогнула, и ее глаза моментально спрятались за длинными ресницами.

В комнате повисла тягостная тишина.

– Ларола, тебе что-то известно?..

Она промолчала и принялась вытирать со стола. Zufal взял ее за руки и повернул лицом к себе.

– Ответь, Ларола, я прошу тебя.

Ларола высвободилась, прикрыла лицо руками и опустилась в кресло.

– Нет... Нет... я ничего не знаю... Только... Там ведь нашли Санжара... И мне стало страшно... – у нее перехватило горло, она не могла говорить.

– Мне кажется – ты что-то недоговариваешь, Ларола?! Ты знаешь что-то еще?.. – настаивал Zufal. Вновь ожили ночные подозрения.

– Ничего я не знаю! Ничего-ничего-ничего!..

Zufal схватил ее и крепко прижал к себе. И она, уже тихо плача, прошептала, испуганно озираясь: – Только вчера во сне я тоже как будто ходила по заснеженным горам, и кто-то мне показывал фотографию Баходыра Батыровича... И больше я ничего не помню. Я сильно испугалась и проснулась от страшного холода. Встала и пошла на кухню... Потом прибежали вы...

Ларолу снова затрясло. Zufal, обнимая ее, пытался утешить шептал что-то ласковое. И вдруг взгляд его споткнулся о зеркально поблескивающие подушечки ее пальцев. Zufal вновь ощутил безотчетный страх, ознобом ползуший по его спине. Боже! Как ему нравились эти фантастически нежные и ласковые пальчики! Как он замирал в блаженстве от их прикосновений!.. А теперь...

Zufal встал, погладил жену по голове, и внимательно посмотрел на нее – нет, Ларола оставалась Ларолой. Его любимой и несчастной Ларолой...

Она ждет от него помощи, но что... что он может сделать?!

Zufal тяжело вздохнул и молча ушел в свой кабинет. Закрывшись на ключ, он рыдался, как в детстве, горько и безутешно. Он оплакивал жену, не зная, как ее спасти. Оплакивал себя, чувствуя, что теряет Ларолу. Оплакивал своего единственного сына живущего у бабушки как сирота...

– Конечно, из нас двоих не получится одного комиссара Мегрэ, – подытожил Камол, – но надо быть круглым идиотом, чтобы не понять, что следующий в очереди ты, старик... А посему ты больше не переступишь порог своего дома. По крайней мере, без меня.

– Да ты что?! Да неужели ты думаешь, что Ларола!.. – возмутился Zufal. – Ты ее совсем не знаешь!.. – попытался он зашитить жену от нелепых обвинений и задохнулся от переполнявших его чувств.

– Не знаю Ларолу?.. Зато я знаю ее энцефалограмму, – жестко пресек его попытки Камол. – Она не Ларола, старик! И ты это знаешь лучше меня, потому что видел ее истинный облик...

– Истинный?.. Нет!..

– Хорошо, пусть будет скрытый облик, который нас сейчас только и интересует.

– Кто же она?..

– Кто угодно, только не твоя возлюбленная Ларола. Во всяком случае, не та, за кого ты ее принимаешь... Вспомни, впервые она пожаловалась тебе на свое, будем говорить, «странное» состояние непосредственно перед смертью Карима Осмоновича...

– Да, – кивнул Zufal, – тогда ей снились кошмары, в зеркале не было отражения...

К сожалению, у нас нет ни энцефалограмм, ни томограмм того периода. Но у нас есть таковые на период смерти Баходыра Батыровича... И они более чем «странные»... И сопровождалась явными психическими изменениями...

Но ведь она беззащитная женщина, попавшая в беду! – не сдался Zufal.

Которая уложила в сырую землю двух великих людей, – мрачно усмехнулся Камол.

– Нет, нет, нет! Это не она! Это та ледяная женщина! Она принимает облик Ларолы, чтобы пустить нас по ложному следу!

– Ну-у-у, старик, – развел руками Камол, – я тебя, конечно, понимаю, но...

– Но ведь когда я обнаружил эту женщину, Ларола была на кухне! И потом мы вошли с ней вместе в спальню, и на наших глазах это исчадие ада исчезло!..

– И это говоришь ты, создатель нейростата?! Ты, планировавший осчастливить человечество путем активизации всех его наличных нейронов?! Опомнись, старик! Уж ее-то двадцати пяти процентов активных нейронов достаточно для того, чтобы повесить лаг-

ман на твои уши. Небольшой сеанс гипноза – и наш Зуфал готов. Что и требовалось... И заметь – работы по нейростату полностью застопорились. Твои коллеги мертвы, ты – совершенно деморализован.

– Да, – кивнул Зуфал, – я это понял.

Ларола всегда была противником твоей работы, – напомнил Камол.

– Синдром жены, – отмахнулся Зуфал. – Можно подумать, что жена Карима Осмоновича была в восторге.

Но твоя – вне конкуренции.

– Может быть, потому, что ее любовь была сильнее? – вздохнул Зуфал. – Но в любом случае это не основание для убийства, в котором ты ее подозреваешь.

– Да не я, старик, а ты! Ты в первую очередь! Тебе уже давно все ясно, но ты надеешься, что я сниму этот камень с твоей души. Увы, рад бы, да...

– Нет, не так! Я чувствую, что она как-то связана с этой трагедией, но я ощущаю еще чье-то присутствие. Не Ларола – главное действующее лицо. Ею либо прикрываются, либо используют как орудие!

Орудие – слепое. И действует, надо признаться, с отменной целеустремленностью. Я бы сказал, с нечеловеческой...

Происки дьявола? – скептически усмехнулся Зуфал.

Нет, скорее, – запрограммированность робота... Биоробота...

Ох, схватить бы за руку этих «программистов»!

Боюсь, руки коротки. А вот робот не остановится, пока выполнит всю программу. Будь готов, старик.

Но кому так ненавистен наш нейростат?!

Скорей всего, мы никогда этого не узнаем. Судя по тому, что произошло с мозгом Ларолы, этот НЕКТО стоит на неизмеримо более высокой ступени развития, чем мы, грешные... Читай фантастику, старик... Это может быть и безличная гомеостатическая реакция мироздания, и самозащита наших потомков, путешествующих во времени, и интервенция зловредных пришельцев, опасаящихся возможной конкуренции в космосе из-за активизации человеческого разума... Мало ли... А то и просто случайная мутация, проявившаяся в твоей Лароле.

Остается единственный способ узнать правду, – устало, но твердо сказал Зуфал. – Надо довести нейростат до ума, и тогда проведем эксперимент на мне. Если в результате активизации я сравнюсь или превзойду Ларолу по супервозможностям, но не превращусь в монстра, которого ты в ней предполагаешь...

– Не только я, старик, уж не юли, – вздохнул Камол, – ты тоже предполагаешь.

– А если я превращусь в монстра, ты меня уничтожишь вместе с нейростатом.

– Ишь, какой умный!.. Во-первых, старичок, если ты станешь монстром, то я буду бессилен перед тобой. Во-вторых, при удачном стечении обстоятельств, не будет нужды уничтожать тебя и, тем более, нейростат. Видимо, достаточно будет с его помощью деактивизировать нейроны и вернуть тебя в исходное состояние. Так я полагаю...

– Слушай, ты гений, Камол! Действительно, если мы запустим нейростат, то сможем деактивизировать нейроны Ларолы и вылечить ее!

Квартира была пуста, хотя Ларола не любила выходить из дома в столь поздний час. Зуфал обеспокоился и все порывался куда-то бежать, искать ее.

– Смотри, – показал Камол на кухонный стол. Там лежал исписанный тетрадный лист в клеточку, некоторые буквы расплылись. Видимо, от слез.

«Зуфал, – писала Ларола, – я больше не могу так жить! Я толком ничего не понимаю, но ощущаю непонятную вину. Мне кажется, что я имею какое-то отношение к смерти Карима Осмоновича и Баходыра Батыровича. Я боюсь сама себя. Я виновата, виновата!.. Если случится какая-нибудь беда, не судите меня строго. Мне страшно... Я иду в милицию и все там расскажу.

Ваша Ларола.»

Мужчины молча посмотрели друг на друга.

– Зачем в милицию-то?! – наконец сказал Зуфал, тяжело вздыхая. – Упекут ведь...

Ну и ну! – покрутил головой Камол. – Не ожидал... Явное раздвоение личности. Или как говорили в старину, одержимость дьяволом...

– Ты еще порекомендуй муллу пригласить, – горько усмехнулся Зуфал.

– И порекомендовал бы, если бы надеялся на успех... Лечить ее надо, старик, лечить. А насчет «упекут» не беспокойся. Во-первых, такой камеры, которая удержала бы нашу Ларолу, не существует... Так что рано или поздно она появится сама. А во-вторых, ее несомненно передадут в руки психиатра. Надеюсь, что им стану я. Только бы найти ее поскорей. Интересно, в какое отделение она могла пойти?

– Сам видишь, не написала. Следует понимать как «не ищите меня». Эта ее манера исчезать бесследно! Обидится на что-нибудь, и как сквозь землю. А я ношусь как запаленный... Говорят, она и в детстве была такая же.

– Постой, постой, старик. И в детстве, говоришь? Значит, похоже, ЭТО у нее началось еще в детстве. Интересно, не случилось ли с ней тогда что-нибудь из ряда вон?

– Не знаю, – пожал плечами Зуфал. – Надо спросить у ее матери. Только, если направление главного удара – нейростат, то, сам понимаешь, в то время даже мысли о нем не было.

Санжар налетел на него, как маленький вихрь, и радостно закричал: «Ура! Папа пришел!.. Мы пойдем домой!» Зуфал чуть было не заплакал. А Санжар унесся в дом и через минуту вернулся уже со своими вещами.

– Дай отцу отдохнуть с дороги, – заворчала на него бабушка и тут же попеняла Зуфалу: – Совсем нас забыли... Ларола уж месяц глаз не кажет! Мальчик ведь скучает... Иногда у него такая тоска в глазах! Сама уж собиралась ехать к вам.

– Заболела Ларола, – пришлось признаться Зуфалу, хотя очень не хотелось волновать старую больную женщину.

– Ой-ой! Что случилось? – всплеснула руками Назира-ая.

– Нервы, – неопределенно ответил Зуфал.

– Ой, сынок, не скрывайте от меня правду. Я сама чувствовала, что нехорошо у вас. Кошмары меня по ночам мучают. Ой, чую, беда рядом...

Но всей правды Зуфал открыть не смог.

– У нее, действительно, нервы не в порядке. И сильные головные боли. Поэтому положили на обследование. Мама, а с Ларолой в детстве не случилось чего-то особенного? Не падала она, например?.. Врачи интересуются...

– Нет, – после задумчивой паузы ответила Назира-ая, – серьезно, да еще на голову, она не падала. Правда, был один случай. Лет пять ей тогда было. Пропала она. Вот как Санжар. Насилу отыскивали ее. И какое-то время она была не в себе. Спала все время. А потом случилось землетрясение – будто кто-то приподнял и бросил наш дом... Тогда-то Ларола и пришла в себя. А падать? Нет, не падала. Она, вообще, была послушной девочкой, бедняжка моя, никогда не проказничала, как другие дети...

После разговора со следователем, который вел дело о смерти Карима Осмоновича и Баходыра Батыровича, и принципиальной договоренности о переводе Ларолы в психиатрическую клинику, Зуфалу разрешили свидание с ней.

– Да, – согласился при этом следователь, – дело это более чем странное. Вчера ночью вашей жены три часа не было в камере. Как ей это удалось – не знаю. Но факт засвидетельствовал я сам. Потом появилась. Ничего объяснить не может. Только плачет и плачет... Вы уж успокойте ее.

Ларола была похожа на увядший цветок – исхудала, пожелтела, глаза ввалились... Сердце Зуфала сжалось, комок в горле не давал говорить. Вырвалось только нечленораздельное:

– В больницу заберем... Договорились... Скоро... Надо лечиться...

– Как Санжар, скучает по мне? – грустно спросила Ларола.

Зуфал только и смог, что кивнуть в ответ.

Потом, дома, он корил себя за то, что не нашел для жены добрых слов утешения, но переполнявшие его чувства не желали превращаться в слова, сдавливая сердце тисками горечи и боли. Он забрал Санжара от соседей, накормил, передал привет от мамы и уложил спать.

– Я спасу тебя, Ларола, спасу! – твердил Зуфал про себя. – Скоро нейростат выйдет на рабочий режим и тогда...

Когда за ее спиной лязгнул запираемый замок, Ларола чуть было не завывала по-волчьи.

Белый свет померк, и силы оставили ее. Она сидела на полу камеры и почти беззвучно шептала, покачиваясь, как травинка на ветру: «Зуфал, Зуфал, Зу-фа-ал...»

«Ах, если бы вырваться из этой клетки, – мечтала Ларола, – и побежать к нему, обнять, приласкать, утешить, приготовить что-нибудь вкусненькое...» Впрочем, она уже осознала, что вырваться из камеры для нее не составит труда. Куда ей спрятаться от самой себя?! Но от себя ли? Или от этой страшной женщины с телом Ларолы?... Последнее время ОНА перестала появляться. Не означает ли это, что Ларолы больше не существует?..

– Нет! Нет! Нет!.. – забилась в рыданиях Ларола, распластавшись на полу. – Зуфал! Зуфал!..

И вдруг она почувствовала, что тело ее стало зыбким и невесомым, как туман, который постепенно просачивается в бетонный пол, в землю... Исчезла тюрьма с длинными мрачными коридорами и убогими камерами... Появилось желание идти, идти, идти... Без мыслей, без чувств, без надежд, куда ветер несет, куда глаза глядят... Эта жажда движения подчинила себе ее существо, заглушив страдания, только что казавшиеся неизбывными.

Ларолу окутал густой белый туман, и она не ощущала ничего, кроме движения. Потом туман рассеялся, и Ларола обнаружила себя на незнакомой горной дороге. Пространство вокруг было заполнено сверкающими радужными лучами, превращавшими окрестные ущелья, сады, скалы в прекрасный пейзаж.

Вдруг сказочный пейзаж расплылся, словно на непросохшую еще акварель опрокинули стакан воды. И Ларола ощутила себя летящей в небе, словно пушинка, влекомая ветром. Она едва успевала реагировать на проносящийся мимо неведомый мир... Бездонное голубое небо, отливающие голубизной растения, ползущие по скалам и провожающие ее разумными и словно испуганными взглядами... И еще ей казалось, что она слышит в себе какой-то голос, чей-то зов, которому невозможно было противостоять. Ларола не могла понять – мир ли вокруг нее так переменялся или ее восприятие мира?..

Но вот остались позади цветущие поля и ущелья, а впереди виднелись только суровые заснеженные вершины. И Ларола поняла, что цель – там.

Через мгновение она уже была в снежном ущелье, казавшемся бескрайним... И вот она идет, проваливаясь в глубокий рыхлый снег, который мог бы проглотить ее с головой, но проваливается Ларола не глубже, чем по колено – в глубине ощущается твердый настил. Одежда ее вымокла до нитки. Но холода Ларола не ощущает, словно все происходит во сне. Только она абсолютно уверена, что это не сон... Тогда значит!.. Значит, и прежние ее «сны» были действительностью?!

Лароле показалось, что вдалеке она видит красивый белый дом, тоже словно сотворенный из снега. И буквально через несколько шагов она оказывается у его порога. Дом кажется ей удивительно знакомым. Однако она ни на мгновение не задумывается, откуда он ей знаком и что привело ее сюда вновь. Она воспринимает происходящее как должное. Будто кто-то загипнотизировал ее и ведет, как куклу. В редкие мгновения просветления Ларола пытается стряхнуть с себя наваждение, но тщетно.

Потом мгновенно, как в кино, наступила ночь, словно упал бархатный черный занавес, вышитый россыпями драгоценных камней. Моментами Лароле казалось, что она окружена какими-то декорациями. Она мучительно пыталась вспомнить, почему ей так до боли знаком и дорог этот дом. Но только сам дом...

В доме зажегся свет, разбросав по снегу длинные тени. Ларола заглянула в окно. В комнате среди вороха фотографий сидела девчушка лет пяти. Ларола даже вздрогнула, как от ожога, настолько знакомой показалась ей эта девчушка. Но откуда?! Блестящие, иссиня-черные волосы, ниспадающие на плечи, большие черные глаза, румянец на щеках... Фланелевое платьице, присборенное на талии и простые колготки... «Где же я ее видела? – терялась в догадках Ларола. – Сейчас так никто не одевает детей... И эти грубые разрисованные сандалики... Таких просто не выпускают с е й ч а с.»

Ларола сквозь стену вошла в дом. Но тело ее не ощутило изменения температуры. А девочка продолжала играть, никак не реагируя на появление в комнате чужого человека.

– Девочка, а где твоя мама? – спросила Ларола.

Малышка продолжала раскрашивать фотографии.

– А что ты рисуешь? – настаивала Ларола.

И опять никакой реакции со стороны девочки. «Неужели все-таки сон?..»

– Идем, солнышко, покушаем! – раздался из другой комнаты странно знакомый голос.

В дверях показалась женщина средних лет. Она приласкала девочку и ушла, а Ларола застыла, лихорадочно сясь вспомнить, кому же принадлежит это лицо. Да что там лицо – весь облик этой женщины был неожиданно родным и близким.

Перед мысленным взором Ларолы возник семейный альбом... О, Боже!.. Да ведь это ее родная мать! Много лет назад... Ларола вскрикнула, отступила, пытаясь опереться о стену, и почувствовала, как под ногами хрустнул снег.

Ларола-а-а! – позвала мать.

Ну, сейча-а-ас! – капризно протянула малышка, не в силах оторваться от своего важного дела.

Ларола подошла чуть ближе. И чуть не закричала, увидев в руках девочки (своих руках?!) фотографию Зуфала. Любимую фотографию – цветную, на которой он был снят один, улыбающийся и красивый.

Девочка, играя, легко перечеркнула ее жирной черной чертой...

– Не-ет! – закричала в ужасе Ларола и потянулась вырвать фотографию, но в руках вместо снимка оказалась горсть мертвяше холодного снега.

Девочка смотрела на Ларолу, зло усмехаясь. Ее взгляд был страшен. И знаком. Ее глаза надвигались на Ларолу, заполняя собой все пространство. Ларола догадывалась, что это всего лишь мираж, но ужас был сильнее разума – и она закричала. Голос оказался каким-то странным, чужим, словно кричала не она.

Сзади раздался оглушительный грохот, будто ее догоняла снежная лавина. Ларола оглянулась и застыла от удивления. Не было ни снежного ущелья, ни странного белого дыма – она стояла в дверях знакомой лаборатории. С оттаявшей одежды на пол стекали ручейки воды. На полу, запрокинув голову, лежал мужчина в белом халате. Ларола острожно, на цыпочках подошла к нему и... Крик застрял у нее в горле и осколком резанул по сердцу.

– Зуфал, – прошептала она, теряя сознание (или умирая), – Зуфа-а-ал!..

...Ларола открыла глаза. Первое, что она увидела, была знакомая решетка камеры. «Все-таки сон, – подумала она, и сердце отпустило. – Но какой страшный сон!» И Ларола снова забылась. А утром ее вывели из камеры и знакомым коридором повели к следователю. «Наверное, переведут в клинику, как обещал Зуфал», – догадалась Ларола и улыбнулась.

Следователь усадил ее и, глядя на нее тяжелым взглядом, сообщил:

Сегодня ночью ваш муж был убит в своей лаборатории при невыясненных обстоятельствах...

Нет! – забилась в истерике Ларола, не дослушав его до конца. – Нет! Нет! Не-е-ет!..

ЭПИЛОГ

Ларола очнулась в стерильно белой, видимо, больничной палате. Взгляд упирался в абсолютно гладкий сферический потолок, увешанный незнакомой аппаратурой, уставившейся на нее своими объективами (или излучателями?). Сколько она здесь – неделю, месяц, год?..

Исчезло ощущение времени. Но память... Память была необычайно полна и объемна. Ларола помнила каждое мгновение своей жизни так, словно только что прожила его...

Да полноте! Неужели это бесчувственное существо, способное вновь и вновь прокручивать в памяти сцену убийства Зуфала, не испытывая при этом никаких эмоций, неужели это она, Ларола?! Да нет же! Ларола никогда бы не сделала ЭТОГО, а если бы в беспомощности и сделала, то, осознав, умерла бы от горя... А может быть, уже мертва?..

...Вот она проходит сквозь стену в лабораторию, бесшумно минует диван, на котором спит Камол, и входит в аппаратную. Видит Зуфала, погрузившегося во внутренности нейростата. Ненавистного нейростата. Он поднимает глаза. Красивые глаза ее любимого мужчины. Они полны удивления.

– Ларола?! Так поздно? Тебя отпустили?..

Она молчит. «Опять оставил ребенка одного ради своего паршивого нейростата...»

– Ларола, да ты насквозь мокрая! Разве на улице дождь? Срочно переодейся – простудишься. Халаты в шкафу.

Тут он что-то начинает понимать, и глаза его наполняются ужасом. Он, птясь, делает два шага назад и упирается в заставленный аппаратурой стол. Она молча приближается.

– Ларола, – шепчет он чуть слышно, прерывающимся от ужаса голосом и протягивает ей навстречу трясущиеся руки. – Остановись, Ларола! Еще немного, и я спасу тебя... Ларола... Санжар... Мы будем вместе... Всегда... – его голос еле слышен, но она ошущает, как созревает в нем оглушительный вопль – вот наполняются воздухом легкие, а глаза чернеют от страха.

Она молча смотрит на Зуфала; обволакивая своим полем его трепещущее сознание, она подчиняет себе все его информационные уровни и структуры... «Как он жалок и ничтожен». И в тот момент, когда вопль устремляется к голосовым связкам, она делает мгновенный, как выстрел, мысленный приказ-посыл: «Смерть!». И задушенный вопль взрывает его изнутри. Удар головы о пол разносится в тишине звоном поминального колокола...

...Душа пуста и холодна, как дворец Снежной королевы. Ее пытались вылечить?... Зачем?... Чтобы она убила себя?... Зачем она жила? Зачем она живет?... Какая бессмыслица!..

А может, это вовсе не больница? Что-то здесь не так... Это место больше напоминает операционную. Или исследовательскую лабораторию. Впрочем, не все ли равно, что с ней сделают... Да хоть яд! Что ей, когда она мертва?..

Однако яд ей никто не предлагал. Напротив, медсестра, чем-то неуволимо напоминавшая оживший манекен, принесла ей отменно вкусный обед.

Ларола подошла к прозрачной двери и встретила неподвижный взгляд сиделки, сидевшей прямо напротив двери. Рот сиделки тут же растянулся в улыбке до самых ушей, как у Буратино. Только Лароле показалось, что ее визави не дышит. Выйти и убедиться в этом она не решилась.

Похоже, что без яда у нее не было никакой надежды на обретение покоя – перед ней непрерывным потоком проходила вся ее жизнь в мельчайших подробностях, но с какими-то провалами, словно кто-то прокручивал перед ней обрывки киноленты. И она не могла ни отвернуться, ни остановить «проектор», ни выйти из «кинозала». Ларола чувствовала, что ее заставляют вспоминать. Но кто? Инопланетяне? Сатана? Или загадочный друг Зуфала – Камол?... Нет, какой Камол?! Она же мертва и, наверное, предстала перед судом Божиим...

Лароле показалось, что она заснула и увидела себя пятилетней девочкой. Зима. Детвора играет в снежки на льду замерзшего пруда. Спасаясь, она отбежала к самой середине, и вдруг лед треснул. Ларола оказалась под водой, не успев даже вскрикнуть. Никто и не заметил ее исчезновения. Сопротивляясь, она всплыла наверх, но лед не выпустил ее, и Ларола снова погрузилась в глубину. И когда сознание почти угасло, кто-то пришел на помощь.

В ужасе очнувшись, Ларола поняла, что ЭТО именно та деталь, тот штрих, без которого картина ее жизни превращалась в обрывки киноленты. И еще поняла она, что это вовсе не сон, а воспоминание о реальном случае...

Но почему, почему никто не говорил ей об этом?! Мама должна была помнить!.. Сама Ларола не помнила ничего. Правда, воды панически боялась и не только не умела плавать, но и близко ни к каким водоемам, кроме ванны, не подходила. А подсознание, значит, берегло эту информацию. Но кто извлек ее оттуда?..

– А может, предположила Ларола, – она все-таки утонула и умерла еще тогда?.. Но что же в таком случае ее жизнь – детство в жаркой зелени родительского двора, любовь, замужество, Санжар?! Неужели мираж?.. Или жизнь, прожитая в другом мире? Но кто перенес ее туда? И зачем извлек? Кто, кроме Аллаха, волен так распоряжаться ею?.. Кто я?..

Ларола не отдавала себе отчета в том, что делает, вскочила и ринулась вон из палаты, забыв при этом открыть двери, буквально пролетела сквозь них. Сиделка-надзиратель мило и равнодушно улыбнулась ей, даже не повернув вслед головы. «Зачем же это чучело здесь сидит? Не иначе, как для убедительности интерьера...». Ларола пробежала несколько шагов и остановилась, пораженная догадкой: «Если я прохожу сквозь стены, то либо не существует стен, либо не существует меня... Или вообще ничего не существует?.. Мир фантомов...». Она внимательно осмотрела себя. Тело как тело. Приложила руку к груди, пытаясь услышать биение сердца. Рука ушла вглубь тела, словно в туман. «Значит все-таки мертва», – почти равнодушно констатировала Ларола. Но тогда какой во всем этом

смысл?! Божественные или дьявольские эксперименты?.. А я белый мышонок для какого-то Высшего Разума? И эксперимент продолжается?

Коридор привел ее к ярко освещенному изнутри помещению. Ларола вошла. В центре помещения стоял блистающий прозрачный саркофаг, к которому со всех сторон тянулось множество проводов и трубочек. А внутри саркофага висело в пространстве тело женщины. Оно было, действительно, прекрасно – это творение Аллаха! Ларола подошла вплотную и залюбовалась им. Самое главное, оно было, безо всякого сомнения, живое! Ларола обошла саркофаг и посмотрела в лицо женщины – словно разряд молнии прошел по ее бесплотной субстанции – это было ее тело! Тело Ларолы, любившей Зуфала, тело Ларолы, рожавшей Санжара... Любившей ли?.. Рожавшей ли?..

Похоже, что на какое-то мгновение Ларола потеряла сознание – перед ее взором плыли черные шары и кольца. Потом вернулась способность рассуждать. Здесь ничего не происходит случайно. Значит, ей таким своеобразным способом пытаются объяснить, кто она есть. Только она не может понять до конца. Видимо, это настоящее тело утонувшей Ларолы, продолжающее жить? А она? Ее душа? Одна из душ?.. Кто родил Санжара? Кто убил Зуфала? Неужели одна и та же душа?.. Не может быть!.. Похоже, что это тело – прекрасный сосуд, наполнявшийся то эликсиром жизни, то смертоносным ядом... Но зачем? Чтобы понять пределы человеческих возможностей?.. Быть может, не было никакого Зуфала, не было никакого Санжара, а был только эксперимент с ее мозгом, помещенным в это тело для повышения адекватности моделирования?

Быть может, Всевышний желал узнать, готово ли человечество к новому информационному уровню бытия, для которого надо активизировать дополнительную часть нейронов? Но почему именно так?.. Может быть, сам ход эксперимента зависел уже не от него... А от меня?..

Или, может быть, это чуждая нам цивилизация борется с потенциальной конкуренцией человечества в космосе, если оно сможет перейти на новый информационный уровень?..

Или, наоборот, через нее человечество сдает экзамен на аттестат зрелости?.. Бездарно сдает...

И вдруг Ларола ощутила в себе непреодолимый протест. Кто бы ни экспериментировал над нею – всевышний или всенижний, человек или нечеловек – надоело! Надоело! Она – не кролик и не мышка, она – Человек! И останется таковым, пока имеет право выбора.

Ларола вошла в саркофаг. Тело витало в пространстве, словно ожидая ее. Ларола вошла в тело, и вдруг ощутила ЖИЗНЬ. Но зачем ей жизнь теперь? И где ее мир?..

И тут исчез и саркофаг, и комната, и коридоры... Ларола стояла на дороге перед утесом, похожим на поднятый шлагбаум. Утес стонал и кричал... Перед ней расстилась бесконечная снежная долина, словно в алмазных и жемчужных россыпях.

Она сделала первый шаг. Снег больно вонзился в босые ступни тысячами острых иголок. Второй шаг... Третий...

А где-то у горизонта, ослепляя до слез, сверкал в ярких лучах холодного солнца белый домик. Домик ее детства.

Детства, которого не будет...

Газели¹

(перевод со староузбекского Е.Абдуллаева²)

Мои крылья в огне. На ночницу, задевшую пламя, похож.
На безумца, в которого дети швыряют камнями, похож.

Мое черное счастье – угасать вдали от друзей.
Лают псы; на бездомца, что бродит дворами, похож.

На солому горящую я, на того, кого время
исхлестало своими плетями, похож.

Ухо глохнет, гаснет свеча, в похмелье душа.
На сына, что кружит над пустырями, похож.

Так живу. То – на праведника в хонаке,
То – на грешника в темном зиндане похож³

Ночью ветреный друг в мой вертоград не пришел.
Дух из меня ушел, души моей клад не пришел.

Рыдания мои услышав – и соловьи онемели;
Утренних трелей каскад от них не пришел.

Запретил кто ему, сам ли слово свое не сдержал,
Взяв обещанье назад, не пришел?

У истока истоков просил я напрасно любви:
Мне на помощь источник услад не пришел.

Головою коснуться небес было не суждено.
Боже, боже, кипарис в ниший мой сад не пришел.

Даже частица света не попала в тоскующий глаз –
месяц тучей объят, не пришел.

Абид, одиночество – легче в толпе; ешь и пей,
пока кровь не остыла, пока твой закат не пришел.

Муджрим-АБИД

(Абидходжа, сын
Миракходжи Бухари).

Родился в 1747 г.
в селе Кумушкент
нынешней Бухарской
области, умер в 1826
в Бухаре. Автор трех
диванов, дошедших в
рукописях. Находился
под влиянием Навои
и Бедия; лирика
Муджрим-Абид на-
писана в классических
традициях (газели,
мухаммасы и др.)
Узбекистана

¹ Газели переведены по изданию: Мужрум-Обид. Газаллар / Нашр-га тайёрловчи Р.Комилов. - Тошкент: Давлат бадий адабиёт нашриёти, 1960.

² Перевод со староузбекского и примечания – Евгения Абдуллаева (Сухбат Афлатуни) – поэт, переводчик, драматург, прозаик родился в 1971 году в г. Ташкенте, в 1993 г. окончил философский факультет ТашГУ (НУУз). Живет в Ташкенте.

³ В последнем бейте (На обидларга ўхшаб ханақоқ кунжин макон э-тим, / На мужримлар киби махбуси ҳар зиндона ўхшарман) заключена игра слов: говоря, что он не подобен полностью ни праведникам (обидлар), ни преступникам (мужримлар), поэт обыгрывает свой псевдоним – Муджрим-Абид (Преступник-Праведник).

Грешником, познакомив с вином, вы меня сделали.
Разум отняв, вруном вы меня сделали.

Басни мои хвалили друзья, хулили враги;
так понемногу застольным шутком вы меня сделали.

Как с глазом – бровь, неразлучен с друзьями я был –
но на моем же пиру чужаком вы меня сделали.

От застольной свечи загорелась душа;
обугленным мотыльком вы меня сделали.

Глаз я кафира? Бровь вора? Ресница убийцы?
Что ж, мусульмане, врагом вы меня сделали?

Встретив стаю собак, у них пониманье нашел:
Другом, будто давно им знаком, они меня сделали.

О, они были мудры, делить научили меня
радость и боль, мудрецом они меня сделали.

Постигай же, Муджрим, высокую мудрость собачью,
что бы с тобою потом люди ни сделали.

Я в сад войду, и вот, гранат в слезах;
и всхлипнул соловей, весь сад в слезах.

Услышав о печалях, пережитых мной,
в песках Маджнун, в горах Фархад – в слезах,

Повешен за безумие любви Мансур;
«Я – Истина» – петля, столбы кричат в слезах.

Пока спокойна кровь – глаза сухи.
Что скажет нелюбившим – взгляд в слезах?

Но если на пиру вдруг вспомнят обо мне –
Пир станет тризной, свечи заблестят в слезах.

Когда от бед сойду в гузар исчезновения –
Пусть этот стих прочтут сестра и брат в слезах.

За дальние дали опять смотрю я...

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Перевод А.Файнберга¹

Твой лунный сад шумит листвою.
Ты и природа. Вы вдвоем.
Деревья говорят с тобою
Всю ночь на языке своем.

Ты воспевал не эти дали,
Но, всеми сучьями скрипя,
Они на цыпочки вставали
И молча слушали тебя.

Им слышно было, как в лице
Читал ты звонкие стихи.
И тихо листья с них летели,
Мерцая, словно огоньки.

Когда в Тригорском о свободе
Мечтал ты, как никто другой,
Поля и реки, все в природе
Оберегало твой покой.

И осень в Болдино стояла
Прекрасная, как никогда,
И в небе по ночам пылала
Твоя высокая звезда.

Но и тогда к седому лесу
Уже вела издалека
Бесславный пистолет Дантеса
Самодержавная рука.

И снег январский падал с крон...
Был страшный день с морозом скован.
Но смерть ничтожно, как закон,
Для тех, кто выше всех законов.

Поэт, виновных не вини.
Им небеса за все отплатят.
Исчезли навсегда они
С печатью вечного проклятья,

Абдулла АРИПОВ

Герой Узбекистана,
Народный поэт,
переводчик, актив-
ный общественный
деятель, автор госу-
дарственного гимна.
Родился в 1941 году
в Кашкадарьинской
области. Автор мно-
гочисленных поэтиче-
ских сборников.

¹ Файнберг А.А. (2.11.1939 – 14.10.2009) народный поэт Узбекистана, переводчик. За вклад в развитии культурных связей и сохранения русского языка и русской культуры награжден Пушкинской медалью. Автор многочисленных поэтических сборников.

А ты живой. И для тебя
Опять листва шумит весною.
И журавли летят, трубя,
Над необъятною строною.

Жива по-прежнему любовь.
Рука певца лежит на струнах.
Шуми же, сад мой голубой!
Звени, листва деревьев лунных.

Всю жизнь, ликуя и скорбя,
Он был певцом твоим, природа.
Он пел любовь, он пел свободу,
Теперь он слушает тебя.

ПРОЛОГ

Перевод Н.Ильина¹

На праздник весны умирать не стоит,
На праздник весны надо только рождаться.
Весна – проповедник самый достойный,
Она наш аванс, чтобы жить стараться.
Кому-то она торжество любви,
А для кого-то воскресшая юность,
Улыбку больного она оживит,
В весне, как в душе, есть бессмертная сущность.
И вновь пробуждается мир ликуя,
Весна – неба песнь, что расслышать я смог.
За дальние дали опять смотрю я:
Весна – ты пролог, ты еще не итог.

ПОКОЛЕНИЯ

Далеко в кишлаке, там, где детство прошло,
Я вдоль улиц иду, говоря сам с собой.
Вдруг какой-то мальчишка ко мне подошел:
“Чей вы ищите дом здесь, бобо?”
Я бы мог ему все о себе рассказать,
Не замешкав ответить бы мог,
Только станет ли слушать он это, как знать,
И какой ему с этого прок?
Ведь десятки годов утекли, как вода,
Пусть мне помнится все с той поры,
А теперь я чужой здесь, хоть были тогда
Мне приютом вот эти двory.
И я тоже парнишке свой задал вопрос:
Кто отец его, мать и кто дед?

¹ Ильин Н.Д. родился в 1950 году в г.Златоусте Челябинской области. Поэт, переводчик, филолог, преподаватель-методист. Автор ряда поэтических сборников и многочисленных статей. Живет в г. Ташкенте, работает в журнале «Преподавание языка и литературы».

Может, с кем-то из них я дружил или рос,
Хоть, наверное, многих уж нет.
Может, мальчику вспомнится речь чужака,
Пока папа его чай творит,
И он скажет: "Я видел сейчас старика –
Он как все мы точь-в-точь говорит".

МЛАДШАЯ СЕСТРА

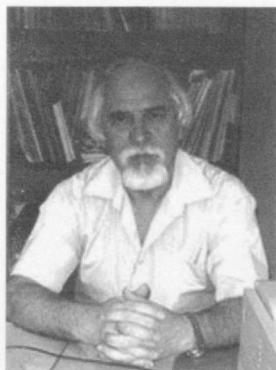
Посвящается Буритош Носировой

Уж вечер спустился, и солнце ушло,
Я мысль, как письмо, обращаю к тебе.
В старинном Насафе среди куполов
Сверкнувшим лучом показалась ты мне.
Пусть ты далека, но как будто с небес
Любовь твою сердцем я чувствую все ж.
От деда Арифа как память мне есть
Ты – слепок его, ты сестра Буритош.
Когда неразлучные прежде друзья
Гадали, пожать мою руку иль нет
(а так ведь бывало), тогда, помню я,
Такие, как ты, зажигали мне свет.
И если б не стало подобных сестер,
Смутились бы даже герои тогда:
Да, в небе, конечно, есть ангелов хор,
Но ангелы есть на земле иногда.
Обычный платок, что тебя покрывал,
Он знаменем доброго мог бы предстать.
Есть сестры такие – живой идеал –
Дано им потухший очаг разжигать.

ЧУЖОЙ

Когда, заблудившись, у твоих окон
Пройду я случайно – с враждой не смотри.
Ладно, не потчуй меня, как гостя,
Ладно, приветствий не говори.
Я для тебя не лист и не корень,
Это давно осознать я сумел.
Я ведь с дождем заблудившимся сходен,
Я ветром нечаянным прошелестел.
Тот, кто с тобою по жизни рядом,
К нему благосклонность твоя лежит,
Но я не отмечен ни добрым взглядом,
Ни даже досады не заслужил.
Врата души твоей неодолимы,
И ключ от них у тебя одной.
А я, заблудившись, прошел мимо,
Прошел твоей улицей, как чужой.

лирика

**Владимир
ВАСИЛЬЕВ**

Родился в 1948 году в г.Рыбинске. Писатель, поэт, переводчик, член Союза писателей Узбекистана, автор многочисленных фантастических произведений. Лауреат премии «Интерпресскон-91». Кандидат технических наук. Живет в Ташкенте.

Я помню Вас в одной из прежних жизней...

Я помню Вас в одной из прежних жизней...
Хотя, пожалуй, жизнь у нас одна,
Но каждой плоти в зеркале видна
Одна лишь плоскость без деталей лишних.

Вы ранили меня случайно перстнем -
Кровавым стал чистейший бриллиант,
А я был рад, я был безмерно рад,
И вскрик ваш мне казался чудной песней...

Печальных роз почти могильный запах
Всю вечность помнит Вечный Человек
И время опадает, словно снег,
И память воскресает в снежных лапах:

Тот первый взгляд, веселый и беспечный,
И лунный гребень, павший тяжело,
И бал, и танец... Веера крыло
Среди веков потерянно трепещет...

Вне вечности мы снова одиноки
И только пальцы наших странных строк
Друг друга ищут, вечность им – не срок...
Печально Бог читает наши строки...

ЖЕНЕЧКЕ

Вот и снова ноябрь...

Он привычно уже фантастичен:
Полудожь-полуснег
Полуосень и полузима...
То хватает за хвост
на лету замерзающих птичек,
То любовью дохнет –
И влюбленные сходят с ума.

Впрочем, эти не знают
Ни часа, ни времени года,
Жизнь – лишь время любить,
Длить мгновенье на все времена.
Страстью снежной пурги
Нас ласкает любовно природа
И слезами дождей

Вдруг прощения просит она...
 Потому так нежны
 И так влюбчивы все ноябрята,
 В предвкушение зимы
 Им не жалко остатков тепла.
 Улыбнувшись, они
 Превращают в рассветы закаты
 И любимых хранят,
 Словно берег морская скала.

ЛСА

Любови светлой дуновенье
 Над снежным полем зимних дней,
 В ней и прошение и прошение,
 Намек на чудо воскрешенья,
 Прекрасный бред души моей.

Она когда-нибудь проснется,
 Рассудит все и все поймет
 И над собою посмеется...
 И превратятся чувства в лед.

Любови светлой дуновенье –
 Наркотик нежный бытия...
 Как утонченно опьяненье!
 И невозможно отрезвление!
 Строка последняя моя -

Любови светлой дуновенье...

МОЛИТВА

Избави, Бог, влюбленных стариков
 От разглашения сердечной тайны!
 Спаси их от насмешек дураков
 И от своих издевок непрестанных.

Пусть властвуют над добрым миром
 снов,
 Где все возможно, только бы присни-
 лось...
 Хотя у них бессонница давно...
 Позволь уснуть им, сделай эту милость.

Избави, Бог, влюбленных стариков
 От прыти коз и от орлиных крыльев!
 Пошли им очищающий склероз,
 Чтоб наяву они о снах забыли.

Негоже людям смешивать миры,
 Которые вовек несовместимы.
 Случайный сбой божественной игры
 О, Боже всепрошающий, прости им!..
 Душе бессмертной в смертном нелегко:
 В нем – лишь любовью может
 проявляться...
 Избави, Бог, влюбленных стариков
 От мертвой неспособности влюбляться...

ПЕРЕЛЕТИ НЕБО

Ольге Бэйс

Мы похожи на семена –
 Носит ветер бродяг по свету...
 Всем нам почва своя нужна,
 Но ее на бетоне нету:
 Пыль и мусор да гололед –
 Все чужое и неживое.
 Каждый мир свой в себе несет...
 Чье же солнце его раскроет?
 И находим клочок земли
 В поле, в скалах, в лесу, в болоте
 От бетонного ада вдали –
 Ведь корней не пустить в полете...
 И росток протянувши ввысь,
 И открыв лепестки-антенны,
 Мы услышим шепот травы
 И задумчивый голос вселенной...

СЕДЫЕ СТИХИ

Седые буквы по строке –
 Как первый снег...
 Седые чувства между строк:
 Их как бы нет.
 Стихи, как храмы на песке,
 Корусть молитв...
 Видать, такой исполнен срок:
 Был – меч, стал шит.
 Седое слово... Белый лист,
 Как будто чист.
 Холодный свет седой звезды
 Да ветра свист...
 Вперед и вверх! Как альпинист!..
 Строка к строке.
 А впереди седые льды
 Щека к щеке...

СНЯЩИМСЯ

Мы в прошлой жизни виделись с тобой.
С чего иначе нам друг другу сниться?
Чтоб стать судьбе единою судьбой,
Из памяти Бог лепит наши лица.

Средь бреда ежедневной суеты
Мы узнаем друг друга по улыбке
По тишине, нездешней чистоты,
По узнавания огонечкам зыбким,

По чувству, что вернулся сам к себе
Из поисков пустых и бесполовых,
Как в гнездышко бродяга воробей
Наевшись крох в общественной столовой.

У души есть незримые крылья,
Что возносят нас над суетою.
У души есть огонь негасимый,
Что нам путь освещает во мраке.
У души есть великая сила,
Что любовью нетленной зовется...
Тот, кто чувствует крылья – свободен!
Тот, кто дарит огонь – равен богу,
Тот, кто любит – крылат и бессмертен...

Не превращай любовь в рюкзак!
На плечи хрупкие не вешай...
Пусть будет – шутка, пусть – пустяк,
Но только – не тиски, не клещи!..

Не превращай любовь в ярмо,
Не запрягай ее в телегу,
Не делай казнью и тюрьмой!
Пускай летит подобно снегу...

Наши встречи не случайны,
Даже если и печальны,
Наши встречи – это чаши
Наслаждения жизнью нашей.
Даже если горек вкус,
Это лучше, чем безвкусье,
Даже пусть глоток – укус...
Хуже, если в чаше пусто...
Ну, а если чувств вино
Пламенеет в нашей чаше,
Не страшитесь видеть дно –
Вряд ли вам его покажут:
Чаша чувств всегда бездонна,
Если им душа покорна.
Наши встречи не случайны,
В них бродяг-надежд причалы,
А надежды – это ветер,
Нас влекущий жить на свете.
И совсем не горек вкус!
Просто рот слегка прикушен
От избытка вечных чувств...
Чувствам чувствующий нужен!..
Наши встречи не случайны?
Что ж – полней и выше чары!

Дни мои – тень танцующих Журавлей...

Мы все когда-то вышли из воды,
За будущность нimalo не тревожась.
А после, устыдившись наготы,
Искать одежды стали, зябко ёжась...

И каждый выбрал то, что пожелал:
Кто – латы, а кто – платье подороже.
И, приодевшись, сладко замирал,
Вдруг став солдатом, или же – вельможей.

И дальше брали то, что по душе,
Без спора, толчеи и зуботычин,
Кто власть к рукам прибрал, а кто – кошель...
Топор взял тот, кто был к нему привычен.

Кто выбрал меч – тот вкус войны познал.
Кто посох выбрал – странствовал по свету.
Венец терновый в лоб шипы вонзал
Тому, кто быть отважился поэтом.

Ты хочешь, чтобы для тебя
я, как качели эту землю,
отталкивая от себя,
качал – до взлёта и паденья?
Чтоб по дуге вперёд и ввысь,
взлетев до умопомраченья,
как в бездну падала ты вниз,
объятая в ночи свеченьем?
Скажи, ты хочешь, чтобы ночь,
раскачиваясь до предела –
как в лютый шторм поморский қоч,
роняла звёзды то и дело?
Пусть я немного постиг
и пусть любовь и жизнь не вечны.
Но превратится Вечность в миг
и Миг продлится бесконечно.

Алексей ГВАРДИН

Родился в 1965 г.
в Ташкенте. В 1989
году окончил ТашГУ.
С 1992 года работа-
ет художественным
мультипликатором
и художественным
постановщиком ани-
мационных фильмов
Узбекмультфильма.

Член творческого
объединения худож-
ников при Академии
художеств. Участник
и призер междуна-
родных конкурсов
карикатур.

* * *

Если даль не видна
за провисшими
тучами
и цвет неба забыт,
будто бы и
не знал,
и безветрие как
одиночество
мучает –
хоть какого б, но ветра!
Только б хмарь
разогнал.
Ах, как рады мы ветру,
неистово
рвущему
о штыки голых веток
упругую грудь...
И поверить так хочется
в изменение к
лучшему.
И не только в погоду...
Но хотя бы
чуть-чуть.

* * *

Я разом оборвал все струны
и рот ладонями зажал.
Но слово – дерзкое как гунны –
в язык вонзилось сотней жал.

Его лузгой с губы не сплунуть
и удержать в себе нельзя.
и незаметно не подсунуть,
глаза по-шулерски кося.

Нешадное оно – как пламень –
Першит мне горло и дерёт.
Оно – тяжелое как камень
и, раздирающее рот.

Но я молчу. Я нем – как руны.
Инстинктом чувствую искус.
Стал факелом Джордано Бруно,
отведав истину на вкус.

РЯБИНА

Смугла, как крепостная жница,
И трепетна, как дочь степей...
Янтарные узоры ситца
Пленят предплечия ветвей.

Ознобом призрачного счастья
До кроны вся истомлена.
И обнаженные запястья
Горячей дрожи бьёт волна.

Её молчанья нет призывней
И нет заклатья сильней,
Чем ветви под осенним ливнем,
Чем гроздь спелые на ней.

И жарче страсти нет на свете,
И нет пунцовее тоски...
И без стыда целует ветер
Её набухшие соски.

А ветер мнёт листву как платье
И разрывает кружева,
Не выпуская из объятий.
И шорох листьев как слова...

* * *

ДНИ

МОИ

ТЕНЬ ТАНЦУЮЩИХ ЖУРАВЛЕЙ

ТЕНЬ

МОЯ

ПАМЯТЬ ЭТИХ КАМНЕЙ

ИМЯ

МОЁ

ИЕРОГЛИФ

AZ-ART

Оторвавшись
 от
 быта и сбыта
 сбросив
 с ног
 тягость этих гирь
 руки
 ввысь
 распластав я вскину
 охвачу
 необъятную ширь
 из
 трубины
 долгов и повинностей
 в
 состоянии
 быка при кастрации
 вырвусь
 я
 и лишу невинности
 облака
 смяв небес комбинацию
 провокация
 нравов полиции
 отторжение
 всех НО и НЕ
 рукокрылой
 взлечу я птицею
 наяву
 взлечу
 не во сне
 раздвигая
 пространства границы
 пересекая
 прокисшую стынь
 вверх взлечу
 человеком-птицей
 только
 вверх
 и
 до самых глубин

Познакомься –
 это город:
 тишина аллей
 шорох шин гул моторов
 тени тополей
 перекрестье перекрёстков
 и оконных рам
 лоск и пот
 заплаты блёстки
 воробьиный гам
 метрополитена грохот
 и трамвайный звон
 встречи расставанья хохот
 сумасшедший гон
 водяная пыль фонтанов
 шарканье и бег
 свечи белые каштанов
 пуха тёплый снег
 лужи света
 брызги
 стены
 зелени кусты
 взгляд случайный
 гладь колена
 привкус пустоты
 перевитые ограды
 скомканный билет
 ядовитая помада
 огненный жилет
 проводами воздух вспорот
 разговоров взвесь.
 Познакомься:
 это город –
 ада с раем смесь.

* * *

Лет двести уже как не в моде сонеты,
Давно серенады уже не в чести,
Затянуты илом корветов скелеты,
Сорвавшихся в бездну уже не спасти.

Назад возвращаться – плохая примета,
Уж лучше – вперёд, весь в поту и в крови.
Но если не знал ни беды, ни любви,
Тогда для чего вообще амулеты?

И я бы плевал на дурные приметы,
С приметам жить – это участь старух.
Но что-то не так, если гибнут поэты,
Здесь что-то не то, если пусто вокруг.

Нет бога, нет чёрта и нет уж святых...
К тому же развеялись все миражи.
Скажи мне хоть слово, скажи мне, скажи.
Страшусь пустоты даже больше пустыни.

Не спутать вкус крови со вкусом победы
И если нет брода, тогда надо вплавь.
Оставь мне надежду, оставь мне, оставь,
Не дай захлебнуться мне волнами Леты.

На эту звезду, что исчезнет к рассвету
Ты вместе со мной об одном загадай.
Не дай мне сорваться, не дай мне, не дай
С оклизлой от пота и крови планеты.

* * *

Не прячась, не таясь,
 глашатаи весны,
привстав на стременах, влетают в город!
Крылатые кони их,
 как будто детства сны,
по воздуху летят, не зная шпоры!

Смиренна и тиха
 вчера ушла зима.
Оставив трон, как плод созревший древо.
Она, как в монастырь,
 ушла вчера сама.
Седая, дряхлая, но всё же – королева.

Нет в городе зимы,
 ещё в пути весна...
Безвластия короткий промежуток.
Но точно знаю я,
 что будет здесь она.
Она здесь будет...

Кто дал мне право быть иным
 из поколения в поколение,
 Собой самим сжигать мосты,
 дойдя до белого каленья.
 Ломать строку и на бегу
 захлёбываться пеной скверны,
 И обращать в угар и пар
 дар, часто жгуший непомерно...
 Бродить лучом по облакам
 и камнем быть на грешной тверди,
 На выдохе пить жизнь со льдом,
 наколотым секирой смерти...
 Кто дал мне право пить вино
 как истину, и быть Иудой,
 По отношению к тому,
 кем никогда уже не буду...

В нас – дикость степей и угрюмость лесов,
 В нас – сказка и быль нераздельны.
 И наша судьба как на чашах весов –
 в трактире и в богадельне.
 Нам кровь будоражит погибельный путь,
 нам сладостна горечь полыни.
 Мы каемся, плача, и бьём себя в грудь,
 и в прах обращаем святыни.

Нас гнев лихорадкой терзает и бьёт.
 Нас счастье страшит и тревожит.
 И в душах у нас гнёзда ненависть вьёт,
 и пламя любви нас корёжит.
 Мы грезим о воле, когда мы в цепях.
 Без шор мы свободы не видим.
 Мы из веку в век ненавидим любя,
 и любим, всю жизнь ненавидя.

мир глазами детей

Раим ФАРХАДИ

Заслуженный
 деятель культуры
 Узбекистана, кавалер
 ордена «Дустлик»,
 поэт, переводчик,
 сказочник,
 журналист-эколог.
 Фархади родился
 в 1942 г. Автор
 более 50 книг.
 Произведения поэта
 включены в учебные
 программы школ,
 лицеев, колледжей и
 вузов республики.
 Р.Фархади – член
 творческого
 объединения
 Академии художеств
 Узбекистана,
 главный редактор
 экологического
 журнала «Родничок»
 («Булоқча»)

Солнечный жираф**СВЕТ НОЧНОГО ФОНАРЯ**

Фонарю на столбе
 Хочется заснуть.
 Как и мне, и тебе,
 Ночью отдохнуть.

Закрывая глаза,
 Окунуться в сны.
 Полететь в небеса
 Во дворец Луны.

Побывать на балу
 Фонарей ночных.
 Услыхать похвалу
 За прочтённый стих.

Поболтать, пошутить
 С лампочкой одной.
 И её проводить
 В поздний час домой.

Фонарю не уснуть,
 Пригасив лучи, ...
 Освещает он путь
 Каждому в ночи.

ПОДРУЖКА

В детсаду у внука есть подружка. –
 Разнеслась по дому эта весть.
 Внук прошепчет дедушке на ушко:
 – Ой, она такая хохотушка...
 Дед, а у тебя подружка есть?
 Дедушка кивает головою:
 – Знай, тебя с ней познакомлю я. –
 И ведет на кухню за собою...
 Внук не представлял ее такою,
 – Да ведь это... бабушка моя!
 Чай заварен, за столом пирушка.
 И самса, и сладкая ватрушка,
 Вкусно с бабушкой и пить, и есть.
 В детсаду у внука есть подружка...
 И у дедушки подружка есть!

СОЛНЕЧНЫЙ ЖИРАФ

Шебетали птицы:
 «Вот какой жираф,
 Может он умыться,
 Облачко достав».
 С друзьями на поляне
 Играет он в пятнашки:
 Пятна на панаме,
 Пятна на рубашке.
 Но его грязнулей
 Кто здесь назовёт?
 Может быть, косули,
 Львёнок и енот?
 Он умытый, чистый
 Бродит среди трав.
 Просто он пятнистый,
 Солнечный жираф!

ПОРТРЕТ МУРАВЬЯ

Говорю муравью:
 – С добрым утром! Привет!
 Если хочешь,
 Я твой нарисую портрет.
 Вот отличные краски.
 Вот новый альбом.
 Говорю муравью:
 – Мы, пожалуй, начнём.
 Перестал он ползти
 По отвесной стене.
 Молодец муравей –
 Он позирует мне!
 Голова...
 И весёлые точки глаз...

Спинку, лапки его
 Я рисую сейчас.
 – Муравей, погоди,
 Не спеши убежать.
 Сделать надо набросков
 Ещё целых пять.
 Муравей по стене
 Убежал... Ничего.
 Удалось уловить мне
 Характер его.
 Наконец, завершил я
 Работу, друзья,
 Дав картине название:
 «ПОРТРЕТ МУРАВЬЯ».

АРБУЗНЫЙ БАЗАР

Надуваются арбузы,
 Как футбольные мячи.
 Их подбрасывают ловко
 Удалые силачи.

А один из них, смотрите,
 Тренированный какой:
 Держит два больших арбуза
 Он легко одной рукой.

Говорите: НЕ – БЫ – ЛИ – ЦА
 И фантазия моя...
 Можно этого добиться,
 Всем, вы знаете, друзья.
 Нам бросать арбузы ловко
 И держать рукой одной
 Помогает тренировка.
 Побежали! Кто со мной?

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

Родился в 1948 г. в г.Ташкенте. Поэт, прозаик, переводчик. Автор книг «Глиняный соловей» (1993), «Тайна охотничьего домика» (1994), «Аистиный снег» (1996) и других. Имеет публикации в журналах «Звезда Востока», «Арион», «Нева», «Костер», «Сельская молодежь». С 1996 по 2001 гг. возглавлял журнал «Звезда Востока». Живет в Москве.

Гуляламышь по потолку...

КОФЕ С МОЛОКОМ

Возле дома,
На крылечке
Пили кофе
Три овечки.
А хозяйский кот не пил,
Привередлив страшно был.
Он один лакал тайком
Кофе – только с молоком!

СТРАШНЫЙ СОН

– Мышка, мышка,
Что не спишь?
Что соломою
Шуршишь?

– Я боюсь уснуть,
Сестрица,
Кот усатый
Мне приснится!

ГУЛЯЛА МЫШЬ ПО ПОТОЛКУ

– Послушай, я тебе не лгу! –
Сказала мне старуха.
– Гуляламышь по потолку
Свободно, словно муха.

А кот, прищуря левый глаз,
За этой акробаткой
Следил почти что целый час
И всё вздыхал украдкой.

А так ли было или нет,
Ну кто тебе расскажет?
Мурлычет только кот в ответ,
Старуха что-то вяжет.

НЕ БОЙСЯ, КРОШКА!

Говорила мышке кошка:
– Ты не бойся меня, крошка!

Если даже и поймаю,
Я тебя не укушу.
А немного поиграю
И обратно отпущу.

Отвечала кошке мышка:
– Не такая я глупышка!

Всё равно тебе не верю.
Знаю, знаю с малых лет,
Что страшнее кошки зверя
Никого на свете нет!

Дружная семья Я

ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

Жили-были ПОНЕДЕЛЬНИК –
Торопыга и бездельник

Братец ВТОРНИК –
Удалец-проворник.

Красна девица – СРЕДА
Краснощёка, молода.

Строгий праведник ЧЕТВЕРГ –
Справедливый человек.

Хлопотунья ПЯТНИЦА,
Что без дела мается.

Величавая СУББОТА –
Бессуетная забота.

И златое ВОСКРЕСЕНЬЕ –
Отдых, праздник и веселье.

Братья, сёстры жили дружно.
Каждый был друг другу нужен,
Каждый вахту нёс свою
Хлопотал за всю семью.
Да вот только иногда
Бунтовала Середка:
– Книжку я вчера читала
И такое там узнала!
Понедельник – день тяжелый,
Быть началом недостойный.
Я красива, как картинка!
Не хочу быть серединкой.
Пусть с меня, на самом деле,
Начинается неделя!
– Или, может быть, с меня! –
Братец Вторник просиял.
– Иль с меня! – смеётся Пятница,
Не неделя, а сумятица!
– Хм! – Суббота проворчала, –
Как же так?
С конца – начало!
Ну-ка, тихо – встал Четверг,
Справедливый человек:
– Распустились все совсем,

Лариса ЮСУПОВА

Поэт, переводчик.
В 1978 г. окончила
режиссерское отделение
Ташкентского
института культуры.
Автор многочисленных
поэтических
сборников и детских
книг.
Совместно с композитором
Алиёй Тахтановой Л.Юсупова
создала цикл песен на
языке фарси.

Рассчитайтесь-ка на семь!
Не бывать Среде – Субботой,
Воскресению – работой!
Быть Среде – посередине,
Без нее неделя длинная.
Соблюдайте правила
И живите правильно!
Братья-сёстры согласились,
И опять все помирились.
Как-никак
Ведь мы – СЕМЬЯ.
Это значит
СЕМЬ раз Я!

ПРОШКА И КОШКИ

У лентяя Прошки
Жили-были кошки.
Жили все в одной квартире,
Веселились и дружили.
Первая кошка Кормила Прошку,
Вторая его поила,
Третья – прибрать любила.
А четвертая кошка
Ленивой была, как Прошка.
Такою лентяйкой стала,
Что Лень от неё устала.
Сбежала из дома Лень,
Осталась одна лишь тень.
все, кто привык лениться,
Стали любить трудиться.
Даже Прошенька-Лентяй
Сам заваривает чай,
Сам оладушки печёт,
В доме сам полы метёт!
Сам готовит кошкам
На обед окрошку.

МАМИН ВЫХОДНОЙ

Сегодня у мамы моей выходной,
Мама сегодня воюет с семьей:
С грязной посудой, с линяющей
кошкой,
С пылью, полами, невытым окошком,
С тапком, который бесследно исчез,
И с маникюром, который облез,
С папиным дымом от сигарет,
С дочкой за то, что не любит котлет.
Отвоевав с утюгом и окрошкой,
Мама воюет с печеной картошкой.
Завтра закончится эта война
Мама уйти на работу должна.

ПРО ТАНЮШКУ

Из-за дочки тети Тома
Я хочу сбежать из дома.
Я с ней вовсе не знакома,
А должна бежать из дома.
Знаю только, что Танюшка
– Дочка маминой подружки,
Что она читает,
Пишет и считает,
Моет всю посуду,
Успевает всюду.
И рисует Танюшка, и шьет,
Вышивает и даже поет.
Все на свете она успевает,
Тетя Тома с ней горя не знает.
ту Таньку я не видела,
Но уже возненавидела.

ГОРОД ОДИНОЧЕСТВА

(Рассказ)

Ксюха лениво наблюдала за мухой, застрявшей в паутине. Она жужжала, пытаясь освободиться от клейких пут, сотрясая всю паучью сеть. Возле своей жертвы сновал паук, пеленая её прочной нитью.

– Бедняга, она ещё надеется освободиться, – подумала Ксюха. Она посмотрела в окно, из которого был виден весь двор. На улице никого. За окном весна. Ещё только апрель, а уже припекает, как летом. Трава ещё не успела выгореть и стать ржавой. Огромная чинара своей мощной кроной затеняет весь двор. Скамейка, на которой собираются вечером ребята, пуста. Ксюха тоскливо посмотрела на учебник алгебры. Завтра контрольная, надо решить ещё три номера. Она тяжело вздохнула и принялась за дело. Второй вариант контрольной тоже прорешать нужно. Анвар, наверняка, попросит помочь. Ему математика туго даётся. Ксюха училась в 7 «Г» первый год. Она переехала с родителями в этот район летом, в новую трёхкомнатную квартиру. Теперь у неё была своя комната с видом во двор. Удобный письменный стол с книжной полкой над ним, раскладной диван, узенький шифоньер, мягкое глубокое кресло и журнальный столик, на котором стоял музыкальный центр (Ксюшина гордость) – составляли интерьер комнаты. Отчим Ксюхи дядя Петя сам покупал и клеил шелковые обои, сам делал ремонт. Шторы и тюль на окна они выбирали вместе с мамой. Комната получилась красивая и уютная.

Ксюха помнит дядю Петю с восьмилетнего возраста, когда он впервые пришёл к ним в дом и подарил ей большую говорящую куклу. Вначале Ксюха немножко ревновала маму к весёлому усатому дядьке, но вскоре успокоилась, так как дядя Петя часто с ней играл, придумывая смешные истории. Он даже маму отрывал от плиты, и Ксюха видела, как она счастливо смеялась над их проказами и выдумками. С приходом дяди Пети дом ожил. Неприметная бледненькая девочка с коротко стриженными тоненькими белокурыми волосиками к 7-ому классу подросла, округлилась и превратилась в симпатичную девочку со вздёрнутым носиком и длинными, до плеч, светло-русыми волосами. Главной достопримечательностью Ксюхиной внешности были её глаза – светло-карие с каким-то загадочным рыжеватым оттенком и искоркой, прятавшейся под густыми длинными ресницами, их красоту подчеркивали изогнутые дугой брови. Ксюха замечала пристальные взгляды мальчишек. Мама всегда старалась, чтобы её дочь выглядела особенно. Даже форма, которую строго требовали в школе, у Ксюхи была не покупная серо-голубая, а сшитая на заказ ярко синего цвета с белоснежным кружевным воротничком. Ксюха не была заносчивой и высокомерной. Она быстро сошлась с ребятами, но подруг у неё было не много. Девчонки тайно завидовали ей,

Вера ВАВИЛОВА

Родилась на Урале в 1952 г., окончила Куйбышевский медицинский институт, с 1974 г. живет в г.Ташкенте. В 1988 г. окончила биологический факультет ТГПУ им. Низами. Поэт, прозаик, публицист.

стараясь подражать во всём. Ксюха, а правильное, Оксана Устинова, так её звали учителя в школе, влилась в жизнь класса. Мальчишки сразу обратили внимание на новенькую. Особенно докучал Мишка Захаров. Он всё время крутился рядом и норовил потянуть за ленточку и развязать мудрёный бантик, над которым Ксюха пыталась у зеркала полчаса, или дёрнуть за хвост. Ксюхе это изрядно надоело. После очередной выходки она изо всех сил толкнула крепкого коренастого Мишку. От сильного толчка он качнулся, сделал шаг назад, споткнулся о ведро с водой, приготовленное для уборки класса и, не удержавшись, шагнул прямо в ведро. Ксюша видела его лицо, побагровевшее от злости, выпученные гневные глаза. Она поняла, что ей сейчас достанется от Мишки, и спасти её никто не сможет. Она рванула из класса и помчалась по коридору. Позади слышался топот и сопение Мишки. Ксюша поняла, что ей не скрыться от преследователя и приготовилась к бою, крепко сжав кулаки. Мишка резко затормозил перед её носом. Ксюха увидела его растерянность. Он схватил её за плечи, тряхнул, а затем, опустив руки, медленно пошёл назад, оставляя за собой мокрый след. В его глазах уже не было гнева, произошла какая-то странная перемена. Ксюха не поняла, что же случилось? Класс убирала молча. Мишка ворочал парты, а Ксюха драила полы. Ей было неловко, она чувствовала свою вину, глядя на мокрую Мишкину штанину. После уборки он вынес ведро с грязной водой.

– Ты меня извини, ладно? – заискивающе сказала Ксюха. – Я не знала, что так получится.

– Ладно. Чего уж там, я сам виноват, – буркнул Мишка, и веснушки ярче обозначились на его покрасневшем лице. Домой они шли вместе.

– Давай сумку, что ли, – нерешительно предложил Мишка. Ксюха, не колеблясь, отдала свой портфель. За перекрёстком Ксюша сворачивала направо, а Мишке идти прямо.

– Давай сумку, – кивнула Ксюша. Мишка послушно отдал сумку, нерешительно потоптался на месте. Ксюша видела, что ему не хочется уходить. Она ждала, что он проводит её до дома. Но этого не случилось.

– Пока, – бросила через плечо Ксюха и направилась домой. С тех пор Мишка перестал дёргать её за волосы, но и провожать домой не решался. Может боялся насмешек, а может, решимости не хватило. Только иногда его пристальный взгляд тревожил, не давал покоя Ксюше.

Однажды на школьном вечере Ксюха пустилась в пляс под зажигательную узбекскую песню. Никто не учил её танцевать, но звуки восточного напева отдавались в сердце, наполняя энергией каждую клеточку. Врождённая пластика, чувство ритма, задор, с каким она исполняла танец, завораживали, вызвали восторг окружающих. Плавными вскидывая руки и покачивая бёдрами, Ксюха плыла по залу. Она забыла о присутствующих, вся душа её жила в танце. То встряхивая головой и поводя плечом, то подрагивая всем телом и качая бёдрами, она зажигала темпераментом окружающих. Анвар, высоко вскинув локти в гордой восточной осанке, вышел к ней на танец. Они танцевали, упоённо отдаваясь музыке. Все стояли вокруг и хлопали им. Ксюха смутилась и убежала с вечера. Анвар сидел в классе в третьем ряду. Высокий парень с атлетической фигурой, черными выхощенными волосами и глубокими карими глазами привлекал внимание не только одноклассниц, но и девчонок постарше. Особенно вздыхали по нему узбечки, скромно потупя взор и мечтая поймать на себе его взгляд. На следующий день, после уроков, он проводил Ксюху домой, легко перекинув её сумку через плечо. Он с увлечением рассказывал о тренировках по тэквандо и соревнованиях. Ксюша весело смеялась его шуткам. С ним было просто и интересно. Они не заметили, как подошли к дому.

– Пока, – сказала Ксюха и, забрав сумку, исчезла в подъезде. С тех пор Анвар регулярно провожал её домой. Его дразнили мальчишки, подтрунивали над ним, но он не обращал никакого внимания на их насмешки. Через неделю он попросил Галинушку – классного руководителя 7 «Г» – пересадить его к Устиновой Оксане. У Галинушки не нашлось веских аргументов для отказа, и она согласилась. Такая неприкрытая симпатия Анвара вызвала бурю пересудов в классе. Девчонки надменно кривили губы, втайне завидовали Оксане. Мальчишки ехидничали и посмеивались, но задевать Ксюху не решались, зная крепкие кулаки Анвара. Особенно сильно злился Мишка и больше всех высмеивал появившуюся в классе парочку, отпуская колкие реплики в их сторону. Он завидовал Анвару и ругал себя за малодушие.

На день Святого Валентина в классе было особенно оживлённо. Все дарили друг другу маленькие картонные сердечки с пожеланиями. Девчонки замирали в ожидании такой открытки, тайно завидовали подруге, у которой таких «валентинок» было больше.

Те, кто не получил поздравлений, чувствовали себя несчастными. Анвар не стал покупать готовую «валентинку». Он решил сделать её сам, необычную, не такую, как у всех. На картонном сердечке он нарисовал парусник, настоящий фрегат, который стремительно плыл по волнам. Над ним кружили чайки и сияло солнце. На корме стояли две маленькие фигурки – девушки и парня. Они держались за руки и смотрели вперёд. На обратной стороне он подписал: «Навстречу мечте всегда вместе. Оксана от Анвара». Анвар пришёл в класс раньше всех, положил «валентинку» на парту Ксюши.

– Вот придёт и сразу увидит. Моя «валентинка» будет первая у неё, – радостно думал он. В класс постепенно стали собираться ребята. Анвар вышел в надежде встретить Ксюшу на лестнице. Оксана поднималась на этаж запыхавшись.

– С днём Святого Валентина, – сказал Анвар. – Тебя в классе сюрприз ждёт.

– Наверное, «валентинка»? – улыбнулась Ксюша и быстро побежала в класс.

– Ой! Что это? – она держала в руках открытку Анвара. Лицо её выражало явное огорчение. Анвар заглянул через плечо Ксюши и ужаснулся. Фрегат, над которым он трудился весь вечер, был залит наполовину чёрной тушью. В глазах Ксюши заблестели слёзы.

– Кто это сделал? – громко спросил Анвар. Класс не ответил. Зазвенел звонок. Вошла учительница.

– Я всё равно узнаю, кто это сделал, – шепнул он Ксюше.

Дома она вытряхнула из портфеля все «валентинки». Большой и яркой с золотыми буквами и ангелочком была «валентинка» Мишки Захарова. Ксюша равнодушно отложила её в сторону, даже не прочитав. Она взяла в руки самодельную открытку с изображением фрегата и долго рассматривала её. Затем бережно положила в шкатулочку, где хранила самые дорогие для неё вещицы: колечко, которое подарила мама, удивительный камешек, на котором отпечаталось древнее насекомое, его принёс с гор дядя Петя, маленькая записная книжечка, куда Ксюша записывала самые хорошие события в своей жизни. Сегодня она пополнилась новой записью: «Анвар подарил мне фрегат».

На следующий день, утром Мишка пришёл в школу с фингалом под глазом. Позже Ксюша узнала, что Анвар и Мишка дрались из-за неё. Ей льстило, что она была в центре внимания, что Анвар не давал в обиду ни её, ни себя. Когда на контрольной по узбекскому языку он выполнил её задание, а учительница поставила Ксюше четвёрку, Анвар подошёл к ней и потребовал:

– Поставьте мне 4, а Оксана – 5. У неё нет ошибок.

– Я знала, что ты ей помогал, вот и поставила оценку ниже, – ответила учительница.

Часто Анвар приходил к Ксюше домой. Мама доброжелательно относилась к нему и не мешала их дружбе. Анвар научил Ксюшу играть в шахматы, а по весне, когда дули сильные мартовские ветры, он принёс удивительного воздушного змея в виде орла. Они вместе запустили его на школьном стадионе. Орёл взмыл высоко-высоко и парил над девятиэтажными домами. Мальчишки с соседних дворов сбежались посмотреть на это удивительное зрелище. Ксюша держала за нить плывущего в облаках змея. Анвар направлял его полёт, натягивая нить. Их руки соприкасались, и у Ксюши сильнее стучало сердце. В классе их больше не дразнили – надоело. Все привыкли, что они всегда вместе, что Анвар защищает Ксюшу, не даёт в обиду. Ксюшины родители тоже привыкли к посещениям Анвара, к их дружбе. Мама Оксаны преподавала биологию в институте. Отчим дядя Петя работал на заводе. Вечером семья собиралась у телевизора, каждый рассказывал, как прошёл день. Дядя Петя очень любил горы. В несложные походы он брал с собой маму и Ксюшу. Она была еще совсем маленькой, когда они все вместе отправились в свой первый поход, поднимаясь по узенькой тропе над бурлящим внизу Чаткалом. Серые неприступные скалы, рокошущая река произвели на Ксюшу сильное впечатление. Высоко в небе кружили орлы. Пахло чабрецом, шалфеем и душицей. Вечером, у костра, дядя Петя рассказывал интересные истории о животных, живущих в Узбекистане, о своих приключениях на горных тропах. Ксюша с интересом слушала, прижавшись к маме. Она смотрела на языки пламени, с треском и шипеньем пожирающие поленья дров, и незаметно засыпала, положив голову на мамины колени. А ещё, они с мамой любили смотреть на звездное небо, на котором, будто волшебник рассыпал алмазы. Ксюше казалось, что там, далеко-далеко во Вселенной, может быть, живут разумные существа, и кто-то смотрит на Землю и тоже видит яркую голубую звезду.

Сегодня Ксюша возвращалась из школы одна. Анвар остался помогать физруку готовить спортзал к соревнованиям.

У Ксюши было хорошее настроение. Контрольную по математике она написала хорошо. Успела ещё и Анвару три номера решить. Сегодня суббота, надо до прихода мамы сделать уборку в квартире. Завтра дядя Петя ведёт в горы группу студентов. Об этом его просила мама. Ксюша очень хотела пойти с ними и пригласить Анвара. Он никогда не был в горах.

– Согласится ли мама? Отпустят ли его родители? Вечером она позвонила Анвару и сказала о горах. Он получил разрешение родителей, и они с азартом стали обсуждать предстоящий поход.

Тонкая извилистая тропа поднималась высоко в гору, а затем опускалась к саю, где клекотала и билась о камни бурная река. Дышалось легко и свободно. Пахло разнотравьем. Далеко к горизонту дыбились вершины скал, покрытые снежными шапками. Казалось, до них рукой подать, вот они – рядом, но это только казалось. Группа туристов осторожно шла по каменистому каньону. Дядя Петя знал толк в горных красотах. Он выбрал маршрут, который проходил по ореховой роше, петлял среди скал, вёл к большой пещере, а затем спускался к горной реке. Поток воды, падая со скалы, разбивался о камни на мелкие брызги, превращаясь в водяное облако, обдавая прохладой и свежестью. Разноцветные нити радуги тонким мостом из воздушной кисеи замерли над водой. После короткого привала группа двинулась дальше, держа курс к леднику. Анвар и Ксюша шли в середине цепочки след в след. Эмоции переполняли Анвара, и он с радостью делился впечатлениями с Ксюшей, которая была счастлива, что он разделяет и понимает её любовь к горам. Вернувшись домой к вечеру, Анвар проводил Ксюшу до подъезда.

– Спасибо тебе. Было так здорово, – он долго не выпускал из ладоней Ксюшину руку.

– Тебе правда понравилось?!

– Очень, и горы, и ты, – тихо ответил он.

В спортзале школы было оживлённо – собрались ребята – участники соревнований по тэквандо, болельщики, организаторы, тренеры. Ксюша очень переживала и, когда начался поединок, не могла усидеть на месте. Она вскакивала, кричала, стараясь подбодрить Анвара.

– Анвар! Давай, давай, бросай его! – кричали вместе с Ксюшей одноклассники. Она видела, как напряглись его мышцы в последнем усилии, вздулись голубыми жгутами вены на шее, как пот стекал по лицу. Ещё рывок, и противник повергнут.

– Ура! Победа! – взревел зал.

Домой возвращались гурьбой. Ребята бурно обсуждали соревнования, поздравляли Анвара. Ксюша гордо шла рядом, сияя от счастья. Она искоса поглядывала на Анвара, гордилась им, а прощаясь, обняла и крепко поцеловала в щеку. Анвар попытался удержать её, но узенькая ладошка Ксюши, как маленькая рыбка, выскользнула из его рук, и Ксюша скрылась за дверью подъезда.

Закончился учебный год, впереди – лето, каникулы. Ксюша старательно складывала свои вещи в большую спортивную сумку. Завтра они с мамой уезжают в горы, в детский оздоровительный лагерь. Мама будет работать библиотекарем, а Ксения отдыхать в отряде. Лагерь Ксюше понравился сразу. Шикарные двухэтажные корпуса, тенистые аллеи с газонами роз. Вокруг горы, покрытые снежными шапками. Рядом, в ущелье, бурлит горная река. А воздух! Пахнет шалфеем и душицей. Стрекошет в траве кузнечик, бабочка кружит над цветком. Вся территория лагеря в тени раскидистых чинар и сосен, кряжистых могучих дубов и стройных пирамидальных тополей. Дикий арчевый лес покрывает склон ущелья с правой стороны лагеря. Слева высятся скалы. Ксюша попала во второй отряд старших девочек. Их спальный блок состоял из двух комнат: одной большой и второй поменьше. Ксюша одной из первых залетела в спальню и выбрала кровать у окна в маленькой комнате на пятерых. Девочки шумной гурьбой заполняли спальни. Они тут же знакомились, стараясь подружиться. Рыжеволосая с короткой стрижкой Лида и Карина с пышной кудрявой шевелюрой чёрных волос заняли соседние кровати. Девчонки раскладывали свои вещи по тумбочкам, верхнюю одежду развесили в шифоньере. Оставались свободными две кровати у двери. В комнату заглянула ярко размалёванная девица в чёрных кожаных шортах, перчатках и бусах с пирсингом на нижней губе.

– Альбинка, душ сюда. Здесь комната поменьше – крикнула она через плечо и ввалилась в спальню, таща за собой огромную сумку.

– Ну, чё? Подруги, – растягивая слова произнесла она. – Я Тамилла. Буду здесь жить. Со мной Альбинка и Дианка. Из-за её спины показались ещё двое, таких же размалёванных.

– Но здесь только две кровати свободны, – возмутились Ксюха и Карина.

– Ничего. Подвинетесь. В соседней комнате мест много. Кому не нравится – валите. Компания была настроена решительно. Крупные девахи явно не вписывались в возрастные ограничения лагеря «до 14 лет». Рыженькая Лидка – худенькая нескладная девочка 12 лет – не стала возражать и, молча собрав свои вещи, переселилась в соседнюю комнату. Так же молча ретировалась и Карина. Ксюхе исполнилось 14, и она, чувствуя себя взрослым человеком, не стала пасовать перед наглой компанией.

– Ну, а ты чё сидишь?

– А мне здесь нравится. Я место давно выбрала и уходить не собираюсь, – заявила Ксюха.

– Ладна, – протянула Тамилка, надувая пузырь из жвачки. Настроение у Ксюхи явно упало, но сдаваться она не собиралась.

Всё же через неделю Ксюша сама переселилась в соседнюю комнату. Ей надоели частые посещения мальчишек с гоготаньем и матерщиной. А когда в комнате начали не только курить, но и распивать спиртное, Ксюша собрала пожитки и под рукоплескание Тамилкиной банды оставила свои рубежи. Но не считала себя поражённой, держалась так же независимо и смело.

Противостояние двух группировок дошло до критической точки после того, как мальчишки стали выделять Ксюху из общей массы и оказывать всяческие знаки внимания. Такой конкуренции Тамилка не могла вынести. А когда двое пацанов переметнулись в компанию Ксюхи, и Тамилкина свита поредела, она задумала жестоко отомстить.

– Вечером, после дискача, разберёмся, – шипела Тамилка.

Весь день прошёл в тревожном ожидании. Ксюха, как обычно, после обеда забежала к маме. Она не стала рассказывать всего, не сказала о предстоящей разборке. Но о Тамилкиной компании мама знала почти всё.

– Ты можешь переселиться ко мне. Для тебя стоит свободная кровать, но тогда все воспримут это, как твоё поражение, поймут, что ты спасовала. Решай сама. В жизни трудно отстаивать свои позиции, но иногда это необходимо. Ксюша запомнила эти слова. Видимо, сегодня настал этот решающий момент.

– Они, что? Тебя бить будут после дискотеки? Надо воспетке сказать, – подскочила Лидка.

– Не надо никому ничего говорить, – одёрнула её Ксюха. – Посмотрим ещё, кто кого бить будет.

– Ой! Ксюша, тебе не страшно? Их ведь много. Надо наших мальчишек предупредить, – забеспокоилась Лида.

– Угомонись ты. Ничего не будет. Поняла? – остановила её Ксюха.

На дискотеку она тщательно подбирала наряд. Наверное, так на королевский приём не собираются! Весь вечер она была на высоте, задавала тон, не присев ни на минуту. На медляк её пригласил лучший мальчик лагеря Вадик, по которому вздыхала не одна девчонка. Веселясь и танцуя, Ксюха наблюдала за станом врагов, где царил недоброе оживление. Прозвучали последние аккорды музыки и пожелание «Спокойной ночи». Все медленно расходились по павильонам.

– Разговор есть. Тамилка с тобой поговорить хочет, – преградил дорогу Ксюхе Шухрат, по кличке Басмач – один из лидеров Тамилкиной компашки.

– Ладно, поговорим, – смело ответила Ксюха, хотя где-то по спине пробежал недобрый холодок. Она вошла в комнату. Дверь за ней закрыли двое пацанов и встали у входа, отрезая все пути к отступлению. На кровати сидели Тамилка и Дианка. Вокруг стояли Басмач, Жаха и ещё пятеро пацанов.

– Всё. Наверное, бить будут, – пронеслась в голове недобрая мысль. – Ну я им так просто не дамся. Пусть хоть убьют, но от меня тоже получат. Кровь прилила к голове и пульсировала у виска, щёки пылали. Она плотно сжала кулаки. Ногти впились в ладонь, но боли Ксюха не ощущала.

– В чём дело? – она сделала шаг вперёд. К ней подскочил Жаха.

– Ты меня материла, побить хотела.

– Врёшь ты всё. Ну раз хотела, говоришь, то значит получишь, – Ксюха бросилась на клеветника. Она вцепилась в него мёртвой хваткой, рванула за ворот рубашки, била кулаками, не разбирая. Она понимала, что, если отступит, спасует, то вся компания, как шакалы на подранка, накинется на неё. При победе в поединке остальные не

рискнул ее тронуть. Ксюха не чувствовала боли от ударов. Жаха отчаянно отбивался, но неожиданный яростный напор этой бешеной девчонки заставил его отступить. В глазах промелькнул страх. Жаха уже не нападал, пытаясь увернуться от ударов, закрывал лицо руками. Ксюха заметила этот страх. Это придало ей сил и ярости. Мальчишки прекратили драку, отташив Ксюху. Она стояла разгорячённая с гневно сжатыми кулаками. Ноздри слегка подрагивали, закипала обида, подступали слёзы.

– Нет. Я не заплачу. Не дождутся, – мысленно твердила про себя Ксюха. Она, резко развернувшись, пошла к двери. Пацаны расступились.

– Будешь дальше врать, ещё получишь, – бросила она через плечо Жахе и вышла, хлопнув дверью.

– Ну, что? Они били тебя? – подлетела к ней Лидка. – Мы здесь решили всё старшей воспитке рассказать. Пусть их из лагеря выгонят, – возбуждённо затарахтела она.

– Не надо никому ничего говорить, – чеканя каждое слово, сказала Ксюха и устало опустилась на кровать. В дверь постучали. В комнату вошли Басмач и Артур.

– Ты вот, что, Ксюха, ты извини. Мы ошибались. Зря разборку затеяли. Ты девчонка что надо. На нас зло не держи, ладно?

– Смотри-ка вежливые какие стали. Раньше без стука влетали, ногой дверь открывали, а сейчас культурненько заходят. Во, как ты их, Ксюха, воспитала, – поразились Лидка. Ксюша ничего не ответила. Ей хотелось укрыться с головой одеялом и дать волю слезам.

С тех пор мир был восстановлен, и лидерство Ксюхи было признанным.

Смена в лагере заканчивалась. Оставалось три дня до закрытия. Однажды они с ребятами сбежали ночью из лагеря и поднялись на соседнюю гору, встречать рассвет. Тропа тоненькой ленточкой круто шла вверх, огибая уступы. Идти было нелегко. Луна слабо освещала окрестность. Ребята шли друг за другом, стараясь не отставать. Ромка, идущий впереди Ксюши, всячески пытался помочь ей: подавал руку, придерживал ветки кустарника, чтобы не били в лицо, втаскивал на очередной уступ. Все знали, что Ромка симпатизирует Ксюше, попросту говоря, втюрился в неё. Знала об этом и Ксюша, но виду не подавала. Ей льстило, что по ней сох один из первых мальчишек лагеря. Наконец, восхождение закончилось. Ребята расположились у могучей кряжистой старой арчи. Мальчишки развели костёр. Старые сухие ветки потрескивали от языков пламени. Едкий дым струился вверх, унося с собой в чёрное небо миллионы маленьких искорок. Звезды рассыпались по ночному куполу неба множеством бриллиантов и сверкали так близко! Ромка сидел совсем рядом с Ксюшей. Их плечи соприкасались.

– Вон там, видишь, полоса из звездочек? – спросил Ромка, осторожно обнимая за плечи Ксюшу.

– Где? – она сделала вид, что не заметила его руки на своём плече.

– Вон там, смотри, – Ромка сильнее прижал её к своему плечу.

– Теперь вижу, – взволнованно ответила Ксюша, не отстраняясь.

По кругу пошла бутылка водки, которую взял с собой предусмотрительный Эдик. Пили прямо из горлышка. Ксюша никогда не пробовала водку, но ей не хотелось отставать от ребят. Глоток обжёг горло, сдавил его спазмом. Ксюха закашлялась, на глаза навернулись слёзы.

– Да ты чё? Не пила никогда? – хихикнул Эдик.

– Просто поперхнулась, – смутилась Ксюша. Второй глоток окатил горячей волной. Стало весело и легко. Ксюха пустилась в пляс у костра, за ней – остальные. Ребята бесновались в дикой пляске туземцев. Успокоившись, они сели на траву. На горизонте посветлела полоска неба. Скоро рассвет. Из-за вершины показался край золотого солнечного диска, кокошником венчая красавицу-гору.

– Ура-а-а! – закричали ребята. – Да здравствует новый день!

Ромка обнял Ксюшу и неумело поцеловал в губы. Это был первый её поцелуй. Она не испытывала особых чувств к долговязому Ромке, но ей льстило его внимание, она сгорала от любопытства. Романтическое восхождение на гору, ночной костёр, чудесный рассвет, который она наблюдала впервые, вызвали особое состояние души. Ксюша с жаром отвечала на Ромкины поцелуи.

В лагерь они вернулись незамеченными. Позже Ксюша узнала, что мама с четырёх часов утра сидела на скамейке и наблюдала их спуск с горы, молясь, чтобы с ними ничего не случилось.

Ксюша вернулась домой отдохнувшая, загоревшая. На прощанье они с ребятами обменялись телефонами. Жаль было расставаться – за лето сдружились.

Анвар с нетерпением ждал приезда Ксюши. Они шли по вечерней улице, держась за руки, наперебой говорили о событиях последнего месяца. Им казалось, что они не виделись вечность. Анвар возмужал, раздался в плечах, над верхней губой появился чуть заметный пушок. Он предупредительно переводил её через арык, придерживая за талию. Его мимолётные прикосновения волновали Ксюшу, приятно будоражили. Она заметила, что он тоже наблюдает за ней, смотрит, не отводя глаз. Ей казалось, что он не слушает, а рассматривает ее, будто увидел впервые. Они остановились у подъезда. Было уже поздно и пустынно. Множеством сияющих окон смотрят в ночь дома. Расставаться не хотелось. Анвар несмело убрал прядь волос с лица Ксюши. Он, не отрываясь, смотрел ей в глаза, затем бережно и неумело поцеловал. Ей показалось, что её душа взлетела высоко-высоко к звёздам, а затем стремительно опустилась, будто на качелях.

Анвар приходил каждый вечер. Ксюша с нетерпением ждала его, стараясь поскорее управиться с уроками и домашними делами. Они гуляли по аллеям осеннего парка, иногда посещали дискотеку. Приглушенный свет в зале, мелькание огней цветомузыки, бешеный ритм современного рока, бутылочка холодного пива – всё это заводило молодёжь, и они отрывались по полной. К столику подсаживались друзья Анвара. Иногда они заказывали водку. Градусы делали своё дело: громкий хохот, матерные словечки, иступлённая пляска до изнеможения. Ксюша водку не пила, а к блатному сленгу привыкла быстро. Не хотелось выделяться из общей массы, быть похожей на пай-девочку в школьной форме с бантиками.

Поздние возвращения Ксюши домой мама встречала в штыки. Она видела, как на глазах меняется дочь, и это её не радовало. Яркий макияж, чёрный лак на ногтях, вызывающая одежда – всё это так не шло озорной курносой девочке с пышными волосами и доверчивым взглядом, какой была ее Оксана раньше. Она пыталась поговорить с дочерью, образумить, внушить. Ксюша в ответ лишь посмеивалась над мамиными страхами и устаревшими взглядами.

– Мамуль, ты всё усугубляешь. Я же не маленькая. За меня не беспокойся. А потом, я с Анваром. С ним не страшно. Он меня в обиду не даст.

– Ксюша, насколько ты серьёзно относишься к Анвару? Его родители знают, что вы дружите?

– Мама, ну какое это имеет значение? – раздражалась Ксюша. – Я, что, за него замуж собираюсь что ли? Да, он мне нравится и мне плевать, кто и что думает об этом, – и Ксюша, резко развернувшись, уходила к себе в комнату. Её возмущало, почему все лезут в её личную жизнь, все советуют. Дядя Петя нотации стал читать, запретил гулянья после десяти часов.

– Да кто он вообще такой? Он мне не отец. Конечно, он много для меня сделал: воспитывал, заболел, когда болела, не отходил от меня. Но всё же это не даёт ему права запирает меня на замок как какую-то преступницу. Мама на его стороне. Будто сами никогда не любили. Всё равно не удержат! Я дубликат ключа сделаю. Она становилась несдержанной, дерзкой, часто грубила родителям. После очередного скандала, когда мама, не контролируя себя, замахнулась на дочь, Ксюша с нажимом сказала сквозь зубы:

– Только попробуй, тронь, я в окно выброшусь. Поняла? – Глаза её горели такой решимостью и отчаянием, что рука у мамы дрогнула и бессильно опустилась, в глазах блеснули слёзы. Ксюша выбежала на лестничную площадку, громко хлопнув дверью. Вернулась она домой поздно. Навстречу по лестнице спускался Эдик – пацан-малолетка из соседней квартиры.

– К вам скорая помощь приезжала. Твоей матери плохо было. Вот только недавно уехала.

Ксюха, не дослушав его, бросилась вверх по лестнице.

– Быстрее, быстрее, – стучало сердце. – Это из-за меня. Мамочка, родная моя, я ведь тебя так люблю. Я не хотела, – корила себя Ксюха, на ходу снимая пальто и торопясь в комнату к лежащей на диване маме. Она опустилась на колени, прижалась, обняла. Мама гладила её по голове, и, казалось, нет в мире более близких, более родных душ, чем эти, и закончился кошмар непонимания, противостояния, отчуждённости.

Ксюша взялась за учёбу, помогала по дому, стараясь ничем не огорчать маму. Перестала бегать на дискотеки, мама мягко пыталась объяснить ей, что родители Анвара никогда не согласятся, чтобы они были вместе, что у них нет будущего. Она хотела уберечь дочь от возможных разочарований, раскрыть ей глаза на жестокую реальность жизни. Ксюха не

возражала, молча выслушивала, но в глубине души оставалась при своём мнении: – Стоит ли заглядывать так далеко вперёд? Ведь сейчас ей так хорошо с Анваром. Они любят друг друга. Что может быть важнее этого? Что для них предрассудки родителей?

После школы Анвар, как всегда, провожал Ксюху домой.

– Сегодня у Витька – друга моего – дняха. Пойдешь? – спросил Анвар, не выпуская её руки. – Будет весело. У него записи классные, сам на гитаре играет здорово. Пойдём, Ксюш.

– Меня, наверное, не отпустят, – грустно ответила Ксюха. – А, ладно, пойдём. Потом с родками разберусь. Не прибудут ведь, – махнула рукой Ксюха. Ей очень хотелось пойти с Анваром.

– Я тебя на остановке, у аптеки, ждать буду. Ровно в семь. Смотри не опаздывай.

– Ладно, – махнула рукой Ксюха и исчезла за дверью подъезда. До прихода мамы она перемеряла все вещи. Выбрала коротенькую чёрную юбочку под замш и яркую красную блузку. Макияж, причёска – всё было готово. Главное сейчас скорее уйти, не попасться на глаза родителям. До назначенного времени оставалось полтора часа. Это время Ксюха отсиделась у соседки Вики в доме напротив.

У Витька было шумно. Собрались ребята постарше, совсем незнакомые. Сам Витёк подрабатывал на барахолке – у его дядки был свой магазинчик со шмотками. Витёк ему помогал. Ходил он в крутых прикидах, аппаратуру имел что надо, был всегда при деньгах. Пацаны его за это уважали. Две девчонки, постарше Ксюхи, окинув её оценивающим взглядом, вели себя непринуждённо, видимо, в компании были своими. Ксюха чувствовала себя неловко, но рюмка – другая водки сняли скованность и напряжение. Девчонки затаились сигареткой, предложили Ксюхе. Она решила не выделяться в компании, но от первой затяжки закашлялась до слёз.

– Салага, – хихикнул Витёк.

Ксюхе стало неловко, да и время уже позднее. Она засобиравшись домой. Ребята не хотели её отпускать. Витёк спрятал её куртку. Все шутили, смеялись. Ксюхе было не до смеха, она не на шутку разозлилась.

– Отдай сейчас же, – с дрожью в голосе сказала она Витьку.

– А ты станцуй. У тебя ножки классные. Пусть станцует. Да, ребята? Тогда и отдадим.

Ксюша оглянулась, ища взглядом Анвара. Её лицо выражало мольбу защитить, помочь. Анвар, как все, стоял и улыбался. Ксюша рванулась к двери и раздетая выбежала на улицу. Было совсем темно. Леденящим ветром обдало её разгорячённое тело. Она еле сдерживала слёзы, готовые хлынуть из глаз. В горле – ком обиды и горечи, возмущения и разочарования. Анвар догнал Ксюшу, накинул на плечи куртку, обнял.

– Ксюх, ну чего ты? Ребята просто пошутили. Оденься, а то простудишься.

– Ничего себе шуточки, – возмутилась Ксюха, сбрасывая с плеча его руку. – Что я им, как собачка должна за курткой бегать?

Анвар долго успокаивал её, пытаясь сгладить неприятное впечатление от вечеринки. Они стояли в тёмном подъезде. От горячих поцелуев быстро забылась обида. Ей снова было хорошо с ним. От жарких рук, которые ласкали под курткой тело, изучая каждый изгиб, от страстных, уже не детских поцелуев, пульсировало в висках, бешено стучало сердце. Ксюша летела навстречу своему счастью и неважно, что будет потом, неважно, что было до этого. Все неприятности рассеялись, словно утренний туман.

Дверь в подъезде громко хлопнула. Ксюша отпрянула, быстро поправила кофточку. Мимо прошёл пожилой мужчина – сосед с нижнего этажа.

– Ой! Уже поздно! Мне дома влетит, – Ксюша с тревогой посмотрела на часы. Был второй час ночи. Она открыла дверь своим ключом, но прошмыгнуть в комнату незамеченной не удалось. Мама и дядя Петя не спали, ожидая её на кухне.

– Где ты была? – последовал традиционный вопрос. Голос мамы дрожал от негодования, а может, от пережитого волнения.

– На дняхе у Светки Поповой из нашего класса, – на ходу сочинила Ксюха.

– И, что? Вы до двух часов ночи веселились? Почему нам ничего не сказала? Мы с ума тут сходим, в голову всякие мысли лезут. Я твоим подругам звонила, они ничего не говорили о Дне рождения Светы, – мама распалялась всё больше. Дядя Петя молчал, укоризненно глядя на Ксюху.

– Что ты молчишь? Отвечай, где ты шлялась, дрянь?

– С кем ты была, Ксения? – включился дядя Петя.

Ксюша, потупясь, молчала.

– Опять с Анваром встречаешься? Сколько раз тебе говорить, чтоб держалась от него подальше? Сколько раз объяснять надо? – перешла на крик мама. Ксюшу, которая всего несколько минут назад была самым счастливым человеком, опускали с облаков на грешную землю, в реальный жестокий мир. Её сердце не выдерживало таких резких перепадов, душа протестовала, наполняясь гневом и возмущением.

– Что они знают о нашей любви? Сухари. Живут по плану, всё, как надо, всё расписано, упорядочено. А я так не хочу! Я не стану тлеть и медленно разлагаться! Лучше сгореть в любви, пусть дотла, – думала про себя Ксюша, всё больше ожесточаясь, сопротивляясь, отстаивая своё право быть счастливой. Она не выдержала напора родителей.

– Да, да! Я с Анваром гуляла! И буду гулять! Ничего вы со мной не сделаете! – кричала она в лицо матери. Резкая пощёчина обожгла кожу. Ксюша схватилась за щеку. Её широко распахнутые глаза удивлённо смотрели на мать, наполняясь слезами от обиды.

– Всё. Уйду от них. Не буду жить в клетке. Завтра Катке позвоню, может у неё пока пожить можно, а там Анвар что-нибудь придумает. Но Катке звонить не пришлось. Утром мама металлическим голосом заявила:

– Ты живёшь в семье и не хочешь подчиняться законам нашей семьи. Делаешь, что хочешь. Я отвечаю за тебя, за твою жизнь. Есть ещё один человек, который в равной мере несёт за тебя ответственность – это твой отец. Если ты не хочешь подчиняться законам нашей семьи, поживи с отцом. Сегодня мы поедем к нему на дачу, и ты останешься с ним.

Мамино решение прозвучало, как вердикт судьбы. Видимо, она не спала всю ночь, принимая его. Ксюша не заметила поблекшего от бессонной ночи лица мамы, кругов под глазами. Ей было не до этого.

– Решили от меня избавиться? Тем лучше. Буду с папкой жить. Он мужик, что надо! Не то, что эти диктаторы! Она вспомнила, как в сентябре приезжала с Анваром к отцу на дачу. Он ничему не удивлялся, не расспрашивал. Они купались в реке, ловили рыбу. Отец приготовил на костре вкусную уху. Было здорово! Но у отца была жена. Тётю Тоню Ксюша никогда не видела. Она представила свою жизнь с чужой женщиной в незнакомой квартире, и под сердцем как-то нехорошо заняло. Но сдаваться, просить прощения Ксюша не собиралась.

Загородный автобус мчал по трассе. Зима выдалась снежной: поля покрылись белым ковром, по обочинам намело сугробы. Ксюша с интересом смотрела в окно. Деревья будто в белых шубках стоят, искрятся на солнце. В городе взгляд упирается в громоздящиеся многоэтажные дома, в чёрный асфальт дороги, в разбитый старый тротуар. А здесь – красота! Не окинуть взором поля, рожицы, маленькие домики кишлаков. Однако на душе у Ксюши было далеко не радостно. Тревога терзала душу.

– Что будет? Как закончится их поездка к отцу? – она знала решительность своей мамы. Если она принимала решение, то железно. Ксюша не сказала, что нужно проехать ещё одну остановку, что они слишком рано вышли.

– Теперь-то уж точно папину дачу не найдём, – тайно радовалась она. Третий час они блуждали по дачному посёлку, утопая по колено в снегу. Ноги промокли и замёрзли, руки тоже, но мама и дядя Петя решительно шагали вперёд.

– Ничего, хоть до ночи ходить будем, но его дом найдём, – упрямо сказала мама. Ксюша поняла, что она не отступится, а окончательно замёрзнуть ей не хотелось.

– Надо ещё одну остановку по трассе проехать. Я знаю, – тихо сказала Ксюша.

– Знаешь – тогда води!

Отец в домике был не один. На выходные к нему из города приезжала тётя Тоня, которая суетилась сейчас у плиты. Молча выслушав маму, он спокойно сказал:

– Что, трудности подросткового периода? Ну, ничего. Поживёшь у нас, подумаешь, а понравится – останешься насовсем. Ничего, не волнуйтесь. Всё устаканится, – успокоил он всех.

– Раз с мамой не ужилась, со мной поживёшь, – вмешалась в разговор тётя Тоня, полноватая светловолосая женщина средних лет невысокого роста с тонкими крашеными бровями.

– Вы сейчас домой езжайте, вещи её соберите и вечером вот по этому адресу привезёте. Я уже в восемь дома буду, – тётя Тоня подала маме записку с адресом. – Только вот что, голубушка, у нас лишнего ключа нет. Со школы придёшь, меня на скамеечке у подъезда подождёшь, пока я с работы приду, – обратилась она к Ксюше.

Дома мама поставила спортивную сумку и распорядилась:

– Собери свои вещи.

Как хотелось Ксюхе броситься на шею к маме, обнять, заплакать и никуда не уходить из родного дома, но что-то мешало ей это сделать. То ли гордыня, непокорность, то ли сам чёрт, склонял на неверный путь. Ксюша молча собирала вещи. Дядя Петя взял сумку, и дверь за ними громко захлопнулась. Ксюша не слышала рыданий мамы. Они обе страдали. Но ни одна не сделала шаг навстречу. Видимо, мама понимала, что если она уступит, то дочь совсем станет неуправляемой. Ну, а Ксюше казалось, что она борется за своё счастье, за Анвара, от которого не может да и не хочет отступить, отречься.

Ксюша обрела полную свободу. Сидеть у подъезда до восьми часов вечера в ожидании тёти Тони не имело смысла. Она засиживалась у Катки после уроков или гуляла с Анваром. Но у них тоже были свои дела. Свобода стала тяготить. Вставать приходилось очень рано, чтобы успеть к первому уроку. Добираться до школы двумя транспортами с пересадкой. За ужином Ксюша не решалась попросить лишнюю котлету или добавку супа. Спать ложилась после того, как тётя Тоня закончит смотреть свой сериал. Уроки приходилось делать на кухне после ужина. И вообще, Ксюша чувствовала себя одинокой, всеми забытой, хотя с момента её переселения на новое место жительства прошло всего четыре дня.

Приближался Новый год. Ксюша всё чаще вспоминала маму, дядю Петю, новогодние вечера с вкусными пирогами, бенгальскими огнями, елочкой, которую наряжали вдвоём с мамой и, конечно же, новогодние подарки под ней.

– Неужели Новый год придётся встречать у тёти Тони? Как там мама? Думает ли обо мне, обижается, наверное! Будет ли она наряжать ёлочку? Что бы ей подарить такое красивое и нужное? Вот только где взять деньги? Тётя Тоня выделяет строго по лимиту – на проезд и булочку в буфете. На этом не сэкономишь. Завтра с дачи должен приехать отец. Попрошу у него. Я никогда у него денег не брала. Ксюша настолько была погружена в свои мысли, что не сразу заметила мальчишку в тёплой кожаной куртке с рюкзаком за плечами.

– Привет! Ксюша ты? Вот так встреча! Какими судьбами ты в наших краях? Ты здесь живёшь?

В высоком весёлом парне Ксюха не сразу узнала Ромку из летнего лагеря.

– Так, временно обитаю, – уклончиво ответила Ксюша.

– Слушай, у нас сегодня вечеринка. Новый год на хате у пацана одного отмечаем. Пошли с нами. Родаков не будет. Компашка, что надо, – пригласил Ромка. Ксюха представила свой тоскливый вечер в обществе тёти Тони у телевизора с её нудным сериалом и согласилась.

Компашка действительно была классная. Веселились от души. Девчонки простые, свойские. Ксюха с ними быстро нашла общий язык. Пацаны – что надо, не какие-нибудь хмыри приставучие или «ботаники». Они весело плясали, прогибая пол и сотрясая стены. Хотя до Нового года оставалось ещё три дня, ровно в 12, после бокалов с шампанским, устроили настоящий фейерверк из новогодних петард, хлопушек и даже салют.

Домой Ксюшу проводил Ромка. Было уже за полночь. На пороге её встретила разгневанная тётя Тоня. Она кричала на Ксюху, та молча закрылась в ванной и сидела там, пока гневный запал тёти Тони не иссяк.

– Она меня шлюхой обозвала! Да меня мама так никогда не называла! Так это мама. От неё все можно стерпеть. А эта Выдра? Кто она мне? Какое право она имеет оскорблять, унижать меня? – Ксюшу давили слёзы.

– Завтра же к маме поеду, прощения попрошу, – твёрдо решила Ксюша, засыпая на мокрой от слёз подушке. Утром с дачи приехал отец. Ксюша не стала рассказывать о случившемся скандале, тем более, что чувствовала свою вину. Она сказала, что вернётся домой, сославшись на то, что далеко ездить в школу. Отец не стал возражать. Он дал дочери нужную сумму денег на Новый год, и они сдержанно распрощались. С замиранием сердца Ксюша поднималась по лестнице. Сумку с вещами она оставила у соседки Нинки на случай, если мама отправит её назад или встретит холодно. Тогда Ксюша скажет, что зашла домой за учебником и уйдёт. Вот и знакомая дверь. Ксюха долго колебалась, собираясь с духом, прежде, чем нажала кнопку звонка. Сердце стучало так, будто хотело выпрыгнуть из грудной клетки. За дверью послышались торопливые шаги. На пороге появилась мама. В доли секунды мать и дочь прочли в глазах друг друга боль, разлуки, любовь и радость

встречи, нежность и раскаяние. Будто искра пробежала между ними, соединив их в одно целое. Не надо слов, объяснений, извинений. Их взгляд выразил всё, сказал обо всём. Они бросились в объятия друг друга – два самых родных и близких существа.

Весна набирала силу. Буйно зеленела сочная трава, зацветали багряник и акация. Ксюша и Анвар медленно шли по улице. Они направлялись к парку, где на небольшом озере можно было покататься на лодке или катамаране. Вдруг Анвар остановился, на лице растерянность, испуг. Навстречу шла высокая, статная узбечка лет сорока пяти с хозяйственной сумкой.

– Анвар, почему ты здесь? – строго на узбекском обратилась она к сыну. Тот, потупясь, молчал. Тогда разъярённая мать накинулась на Ксюшу.

– Что ты к нему цепляешься? Зачем от учёбы отрываешь? Он никогда с тобой не будет! У вас свои законы, у нас – свои. Анвар, я запрещаю тебе с ней встречаться, – кричала она на всю улицу. Ксюше она показалась фурией из фильма-ужастика. Не дослушав до конца тираду разбушевавшейся матери, Ксюша бросилась бежать. Она не знала, куда несут её ноги, только бы подальше от этого позора и унижения.

– Ксюша, стой! – крикнул ей в след Анвар. Она не остановилась. Он нашёл её сидящей на скамейке в парке. Слёзы высохли, и на щеках остались черные потёки туши.

– Мы всё равно будем вместе. Я не брошу тебя. Она ничего не сделает, – твердил Анвар, целуя её солёное от слёз лицо.

– Я в колледж поступать буду, в экономический, – успокоившись, сказала Ксюша. – Это на Пушкинскую ездить придётся. Далеко, времени мало будет.

– А я в школе остаюсь. В десятый пойду. Ничего, Ксюш, мы всё равно встречаться будем. Ты только не раскисай.

– Легко сказать «не раскисай». Напор твоей мамочки не каждый выдержит. Мои тоже против наших встреч. Они всё нотации мне читают, убеждают, что у нас будущего нет.

– А мы назло им всем будущее своё построим. Я школу закончу, работать пойду, а учиться вечером буду. Мы от них уйдём, сами жить будем, – убеждал Анвар, хотя сам мало верил в то, что говорил.

– Ладно философствовать. Тоже мне жених выискался, – засмеялась Ксюша. Ей не хотелось заглядывать в будущее. – Я замуж не собираюсь. И вообще все эти разговоры мне надоели. Только и слышишь: «Нельзя то, нельзя это, не доросла ещё». Это они так считают. Но, если хочется, то можно, – саркастически ухмыльнулась Ксюша.

– А тебе хочется? – тихо спросил Анвар.

– Это ты о чём? – смутилась Ксюша. – Не говори глупостей и не намекай, а то пойдёшь к своей мамочке. Ксюша встала и решительно направилась домой. Сзади понуро плелся Анвар, виновато опустив голову. От родителей Ксюша скрывала, что опять встречается с Анваром. Она занималась с репетитором английским языком. Анвар встречал её после занятий, и они гуляли до темна. На мамины подозрительные вопросы Ксюша всегда находила отговорки: то задержала англичанка, то автобуса долго ждать пришлось. Но однажды мама встретила её на пороге вне себя от гнева.

– Ты опять с ним встречаешься? Мне сказали. Тебя с ним видели в центре, вы в обнимочку шли, – мама с трудом сдерживала себя, чтобы не перейти на крик.

– До каких пор это будет продолжаться? Сколько раз тебе говорить одно и то же? Я тебя под замок посажу! Вообще никуда не выйдешь! – нервы у мамы не выдерживали.

– Ха! Под замок! Попробуй! Я вообще из дома уйду. В вашей тюрьме жить не собираюсь, – и Ксюша неожиданно для себя самой выбежала, хлопнув дверью.

– Оксана, вернись сейчас же! – услышала она за спиной мамин голос.

Она неслась по улице, не зная куда. Внутри боролись две Ксюхи. Одна пыталась образумить:

– Ну, чего ты вздыбилась? Все родаки такие. Куда ты на ночь глядя несёшься? Осталась бы дома. Всё как-то утряслось бы.

Вторая Ксюша спорила с первой:

– Ничего бы не утряслось. Я свободный человек. Почему меня как преступницу под замок сажать надо? И за что? За то, что мне Анвар нравится. Боятся, что я жить с ним буду. Пусть боятся! Я им это устрою. Вот сегодня же и устрою, чтобы напрасно не обвиняли. По крайней мере, буду знать, за что страдаю. –

Ксюша позвонила Анвару домой.

– Кто его спрашивает? – спросил в трубке незнакомый мужской голос с акцентом. Ксюша быстро положила трубку.

– Нет, так не получится. Не хватало ещё на его отца нарваться. Пойду к Катке, пусть её братишка позвонит, позовёт Анвара к телефону, – решила она.

Вечерело. Маршрутка остановилась у дачного посёлка за городом. Анвар вёл Ксюшу по узким тёмным улочкам к даче своего дяди, который надолго уехал в Россию на заработки. Ключей у Анвара не было, но он знал, что в дом можно проникнуть, выставив стекло на веранде. С собой в пакете они везли кое-какую еду. Анвар прихватил бутылку вина. Ксюша огляделась: одна небольшая комната и застеклённая веранда. Всё довольно скромно и просто. Ксюше понравилось её новое жилище, тем более, что рядом был Анвар. Как говорят: «С милым и в шалаше рай».

– А здесь ничего, жить можно, – сказала Ксюша, снимая курточку и принимаясь готовить ужин. Она нарезала колбасу и сыр, выложила из пакета ещё горячую самсу. Анвар включил обогреватель, поставил на плитку чайник, придвинул небольшой столик к тахте.

– Наш первый совместный ужин должен быть красивым, романтическим, – решила Ксюша. Нашлись даже свечи, которые она зажгла и поставила посреди стола. Вот только вместо хрустальных фужеров пришлось использовать обычные стаканы.

– За нас! Я люблю тебя, Ксюша, – поднял стакан с вином Анвар.

– За нас! – торжественно повторила Ксюша. Она чувствовала какую-то неловкость, стеснение, но после первых глотков вина это прошло. Анвар сел рядом. Он как-то по-особенному смотрел на неё. Нежно убрав прядь волос с Ксюхиной щеки, крепко поцеловал её в губы. Она напряглась всем телом, отвечая на горячий поцелуй и замирая в его объятьях. Её тянула к нему неведомая сила. Она прильнула к его груди, осязая бешеный стук его сердца. Её руки порхали, как два мотылька, нежно прикасаясь к его жёстким волосам, крепкой шее. Чувства, которые так долго сдерживались, наконец, прорвались мощным потоком, сметая и круша всё на своём пути – все запреты, условности и ограничения.

Все скандалы, неприятности остались где-то позади, в другой жизни. А здесь их встречал счастливый новый день и ярко светило солнце, разгоняя хмурые тучи. Они построили свой чудесный замок, замок на песке. Он был светлым и радужным. Они жили в нём своими иллюзиями, любили и радовались каждому счастливому дню. Просыпаясь рядом с любимым, Ксюша чувствовала, как волна нежности захлёстывает её. Ей казалось, что так будет всегда. И неважно, что происходит за стенами этого замка. Счастливая неделя промчалась как одно мгновение.

Анвар уехал в город за продуктами. В его отсутствие Ксюша переставила скучную мебель, сделала уборку, в вазу поставила веточку сирени, которую сорвала с куста, росшего у дома. Тонкий аромат наполнил комнату чудесной свежестью.

Несколько часов ожидания показались вечностью. Ксюша издала увидела Анвара и помчалась к нему навстречу. Её не заботило, как Анвар объяснил своё отсутствие домашним, не вспоминала она и своих родных, не думала о том, что закончатся весенние каникулы и надо будет возвращаться в школу. Всё это было в той, другой, серой и мрачной жизни. А сейчас она пила своё счастье, собирала по капелькам, по крохам, как бабочка пьёт нектар с цветка, как пчела собирает пыльцу. Она сама была похожа на красивую бабочку-однодневку, кружилась в своём восторженном танце, порхала, упиваясь своим счастьем, и не думала, что будет завтра. А завтра наступило стремительно, ворвалось в сказочный замок ураганом. Надо было готовиться к школе. Домой Ксюша идти не хотела, решила поговорить с Дианкой из соседнего класса. У неё мама на полгода уехала за границу работать. Диана жила со старенькой бабушкой. Квартира у них большая, 4-х комнатная. Ксюша как-то была у неё на днях. Решили, что Анвар подождёт Ксюшу на улице.

– О, привет, заходи, – удивилась Диана. Ксюша робко прошла в комнату. В квартире гремела музыка. Дианка опять перекрасилась. Теперь из-под светлых блондинистых прядей, спускающихся с макушки, виднелась чёрная чёлка. Коротенькая майка и шортики на бёдрах составляли весь прикид.

– Ксюха, у тебя чё, проблемы какие?

– Да так, из дома ушла. Родаки достали, – смутилась Ксюха. – Диан, можно я у тебя перекантуюсь пока?

– Не вопрос, подруга. Места много, вдвоём веселей.

– А бабушка твоя разрешит? Ты ведь с бабушкой живёшь?

– Бабуля возникать не будет. Старая совсем, почти не слышит. Ты за это не беспокойся.

Спать вот здесь, на диване будешь. Устроит?

– Конечно устроит, – обрадовалась Ксюша. – Спасибо тебе.

– Да, ладно. Чего там. Только убираться будешь, посуду мыть.

– Ладно, буду. Не волнуйся, – ответила Ксюша. – Я часа через два приду, мне кое-какие дела сделать ещё надо.

– Ладно, договорились.

Анвар с тревогой ждал Ксюшу. Запасных вариантов нет, если с Дианкой облом получится. Родителям он говорил, что гостит у двоюродного брата, предварительно предупредив его. Рустик сразу согласился покрывать Анвара. Его родители торговали на базаре, домой приходили поздно. В такое время вряд ли отец или мать Анвара позвонят. Всё прошло великолепно. Никто ни о чём не догадался. Сейчас школа начнётся, тренировки. Встречаться с Ксюшей реже придётся. Да и деньги, которые он откладывал на мобильный телефон, иссякли. Все ушли на питание. Ещё и Рустик остался должен.

– Ничего, всё обойдётся, – успокаивал себя Анвар. По довольному лицу Ксюши он понял, что всё получилось. Радостные и счастливые шли они, обнявшись, по аллее сквера, не замечая ничего вокруг.

– Анвар! – резкий мужской окрик, как гром среди ясного неба, прозвучал за спиной. Анвар вздрогнул, оглянулся. Неподалеку стоял отец. Не взглянув на Ксюшу, он резко скомандовал:

– Марш домой! Быстро!

Анвар, понуря голову, покорно пошёл за ним даже не простившись с Ксюшей. Сердце Ксюши сжалось от недоброго предчувствия. Ей казалось, что рушится мир, в котором она жила последнее время, что счастье её ускользает, как вода утекает между пальцев, и она не в силах его удержать.

– Нет, нет, ничего страшного. Анвар позвонит мне. Он что-нибудь придумает, всё будет по-прежнему, – старалась успокоить себя Ксюша. Но холодок под сердцем, поселившийся так внезапно, не исчезал, тревога змеей заползала в душу.

Прошло три дня, Анвар всё не звонил. Ксюша напрасно ждала звонка, просиживая вечерами у телефона. С завтрашнего дня начнется учёба в школе, может там она увидит Анвара, поговорит с ним, и всё образуется.

– Не понимаю я тебя, Ксюх, – пожала плечами Дианка, намазывая на хлеб масло. – Ну, что ты сохнешь по этому Анвару? Ему что родики скажут, то он и будет делать. Женится он обязательно на узбечке. Жену тоже родители подберут – обычай такой. Мужиками надо уметь управлять, а не страдать и реветь в подушку. Вот увидишь, он тебя бросит.

– Ну, что ты раскаркалась? Без тебя тошно. Он любит меня. Может, его дома закрыли и не выпускают. Он в школу должен прийти. Я его увижу и всё пойму.

– Ну смотри, подруга, тебе жить. Решай сама со своей любовью–морковью. Пошли, а то опоздаем. У нас первый урок – физика. Если опоздаю, физичка не впустит.

В классе девчонки обступили Ксюшу.

– Ты где была? Твоя мать всех обзвонила, спрашивала о тебе. Ты что, из дома сбежала? – засыпали её вопросами.

– На курорте была, – отшутилась Ксюша. Но ей было не до шуток. На душе кошки скребли. Скоро звонок на урок, а Анвара всё нет. Ксюша не слышала, о чём говорила химичка, объясняя новый материал. Она отрешённо смотрела в окно и думала о своём.

– Где Анвар? Почему не пришёл в школу? Может заболел? А если нет? Почему не звонит?

Ксюша с нетерпением дождалась конца урока. Она не знала, что делать, но спокойно сидеть на уроках не было сил. Во что бы то ни стало она должна увидеть Анвара. Она решила найти Рустама, с которым Анвар ходит на тренировки. Пусть он позвонит Анвару, может Ксюше удастся с ним поговорить.

Рустам сразу открыл дверь.

– Ты ко мне? Заходи. Тебя Оксаной зовут. Ты с Анваром встречаешься. Я помню, – сказал Рустам, закрывая за ней дверь.

– Послушай, Рустик, мне с Анваром поговорить надо. Я его уже четыре дня не видела. Там его родики в позу встали. Ну, ты понимаешь. Может, ты позвонишь ему?

– Ладно, давай попробуем, – Рустам набрал знакомый номер.

– Привет. Как дела? Ты, что в школу не пошёл? Я во вторую смену учусь, мне к часу. На тренировку придёшь? Тут с тобой поговорить хотят. Я трубку передаю.

– Анвар, это я, – взволнованно сказала Ксюша. – Ты меня слышишь? Куда ты пропал? – голос её предательски дрогнул, она боялась расплакаться. – Я не могу говорить. Не звони сюда. Потом всё объясню, – приглушено сказал он. Ксюше показался его голос каким-то чужим, бесцветным. Она сжимала в руке трубку, в которой раздавались короткие гудки.

– Неужели он больше не любит меня? Она выбежала на улицу даже не попрощавшись с Рустиком.

– Как же так? Он не любит? Что дальше? – на эти вопросы ответа Ксюша не знала, но возвращалась к Дианке, полная решимости действовать.

– Я докажу ему, что не пропаду без него. Я страдать не буду. Найду себе другого парня. Пусть он увидит меня с ним. Будет ещё локти кусать. Ещё за мной бегать будет, – решила Ксюша. Дианка была уже дома.

– У нас истории не было. Училка заболела. А ты чего так рано? С уроков ушла?

– Да я вообще только на одном была. Знаешь, Дианка, ты, наверное, права. Все эти пацаны не стоят того, чтобы по ним убиваться.

– Ну, а я тебе что твержу? Пошли с нами сегодня на дискотеку. Компашка отличная собирается.

– У меня шмотки все дома остались. В чём я пойду? В этом что ли? – Ксюша развела руками.

– Не вопрос. Я тебе кое-что подкину. У нас размер вроде одинаковый.

– Ладно. Идём. Я ему докажу, что и без него смогу.

– Правильно, Ксюх, не дрейфь. Они того не заслуживают, чтобы по ним сохнуть. Там такие ребята бывают – куда твоему Анвару, крутые мальчишки, – и Дианка закатила глаза к небу, изображая предел восторга.

Гремела музыка, в полумраке в сигаретном дыму за столиками сидели молодые люди, громко хохоча и перекрикивая музыку, обменивались короткими фразами.

– О, гляньте! Леди Ди пожаловала, – громко крикнул парень за столиком у стены. – Дианка! Давай к нам!

Диана приветливо махнула рукой.

– Пошли, это наши ребята, – и дефилируя между столиками, повела Ксюшу за собой. Парней было трое. Выглядели они круто. В чёрных кожаных брюках, в цепях и ошейниках с металлическими шипами, коротко стриженные, под хмельком. На столе громоздились недопитые бутылки пива, водки. На маленькой тарелочке лежали солёные орешки и анчоусы.

– Знакомьтесь, это – Оксана. А это – Гога, Макс и Ваван, – представила всех Диана.

– Угошайтесь, подруги. Что пить будем? – наклонился к Ксюше Макс, дымя дорогой сигаретой.

– Давай, как всегда, по пиву, – ответила за Ксюху Дианка.

Было пиво, потом водочка. Была весёлая компания и заводная музыка, внимание парней и весёлое настроение. От Дианки ни на шаг не отходил Макс. Скоро они исчезли из виду, растворились в полутьме ресторана. Ксюша танцевала медляк с Гогой. Выпитое кружило голову.

– Идём, выйдем на свежий воздух, – предложил Гога. За ними последовал Ваван.

– А где Дианка, где Макс? – спросила Ксюша.

– Они на хате нас ждут. Мы сейчас туда поедem. Хата классная, – улыбнулся Ваван, останавливая машину.

– Куда я еду? Зачем? Где Дианка? Почему мне ничего не сказала, что уходит? – молнией пронеслось в голове. Ксюша быстро трезвела.

– Я хочу домой. Отвезите меня домой, – беспокоилась она.

– А мы тебя и возём домой, милая, – засмеялся Гога. – Вот и приехали, – Ваван предупредительно открыл дверцу машины. Ксюша огляделась. Район совсем незнакомый, улица чужая. Здесь она была впервые.

– Ну, что, Ксюшенька, пошли, – обнял её за талию Гога.

До подъезда оставалось шагов десять. Ксюша в одно мгновение оценила обстановку и, резко вывернувшись из цепких рук, бросилась бежать. Она неслась, не разбирая дороги, по пустынной незнакомой улице. Завернув в ближайшую подворотню между многоэтажными домами, она нырнула в открытую дверь подвала. Ксюша слышала, как парни остановились во дворе.

– Куда она подевалась? Давай ты в этот подъезд, а я напротив, – скомандовал Ваван. Ксюша слышала грохот закрывающейся двери, шаги на лестнице. Она замерла у холодной сырой стены тёмного подвала, дрожа от страха. Вновь хлопнула входная дверь, стихли шаги и голоса. Ксюша устало опустилась на бетонные ступени, ведущие вглубь подвала. Пережитое волнение, страх и горечь одиночества прорвались в беззвучных рыданиях, сотрясающих её. Жуткая тоска сдавила душу. Никому она не нужна. Анвар – её любовь – и тот отрёкся от неё. Она встала, вышла из подвала и направилась к лифту. Последний этаж, лестница наверх, люк открыт, не заперт. Поток холодного воздуха остудил разгорячённое лицо. Ксюша подошла к самому краю крыши. Как высоко! Город распластался у ног. Большой чёрный город, светящийся огнями, как многочисленными глазами хищного монстра, готового поглотить её, маленького человечка. И нет ему дела до того, что творится у этого человечка в душе, как одиноко и больно, как невыносимо тоскливо и жутко, как сердце раскалывается на мягкие осколки, будто разбитое зеркало.

– Вот шагну вниз – и буду лететь, как птица. А потом меня не станет. Я исчезну в пасти этого огромного чудовища, которое делает всех одинокими и несчастными. Ксюша представила свои похороны, плачущих маму и дядю Петю, Анвара, рыдающего над её телом с белыми розами в руках. Она лежит в белом платье, красивая, как в том фильме, что шёл недавно по телеку.

– Как он назывался, этот фильм? Неважно. Теперь уже всё неважно... Но ведь я разобьюсь с такой высоты. У меня будет изуродовано лицо и тело, – Ксюша вздрогнула от такой мысли. Её была нервная дрожь. Она стояла на самом краю крыши, а ей казалось – на краю земли. Стоит сделать шаг, один лишь шаг, и она унесётся в другой мир, где не будет боли и одиночества.

– Мяу, мяу, – послышалось за спиной. Ксюша отмахнулась от этого назойливого «мяу», желая вернуться к своим мрачным мыслям. Но это «мяу» мешало сосредоточиться.

– Ах, да. Мои похороны... Будет много цветов. Будет...

– Мяу – мяу – мяу, опять тоненько, настойчиво и жалобно промяукало за спиной.

– Ну вот, даже умереть спокойно не дадут, – Ксюша оглянулась. Возле телевизионной антенны сидел крошечный рыженький котёнок и беспомощно мяукал.

– И ты один, и тебя все бросили, и до тебя нет никому дела, – Ксюша взяла его на руки. – Как ты сюда забрался?

– Мяу, – ответил котёнок. Она ощутила в руках теплое мягкое беззащитное тельце, погладила пальцем между ушек. Котёнок лизнул палец шершавым язычком.

– Ты такой же одинокий, как и я. Никому мы с тобой не нужны. Да ты, малыш, голодный, кушать хочешь. – Тепло этого маленького создания будто согрело Ксюшину душу. Она поняла, что нужна ему. Без неё он погибнет. Она бережно прижала котёнка к груди. Вспомнилось, как маленькой девочкой она так же прижималась к маме.

– Она, наверное, ждёт меня, переживает. Как жестоко я с ней обошлась. Она меня искала повсюду. Как важно человеку знать, что кому-то ты очень нужен. Ксюша быстро спустилась вниз.

– Скорее, скорее найти телефон и позвонить. Вот и телефонная будка.

– Алло! Алло! – услышала Ксюша тревожный голос мамы.

– Мамочка, это я. Прости меня, если сможешь.

– Доченька, родная моя, где ты?

– Я здесь, на улице. Я не знаю, где это. Здесь, напротив, супермаркет «Волна».

– Жди нас там. Никуда не уходи. Мы едем!

Ксюша устало опустилась на ступеньки магазина. На груди, свернувшись клубочком, тихо спал её спаситель ... Рыжик.

Памяти Сергея Ивановича Зинина

Его жизненная позиция была предельно четкой и определенной: «Я прожил свою жизнь большим оптимистом, хотя у меня были не всегда радостные дни. Встречал много хороших, умных, отзывчивых, веселых людей. Старался и им оказать услуги, сделать их дни радостными и счастливыми. Не все, конечно, получается так, как хотелось бы, но разве от этого ЖИЗНЬ стала хуже? Сейчас смотрю в окно, а там белое-белое покрывало от цветущих деревьев. Новая весна пришла, новые радости и огорчения несет нам. Даже эти деревья не очень уверены, что из каждого цветочка будет вишня или яблоко, но сейчас эти деревья своим цветением приносят нам радость и в этом уже радость жизни...»

А сегодня его нет с нами...

Сергей Иванович Зинин – человек широкого круга научных интересов. Его имя известно не только в нашей республике, но и далеко за ее пределами.

Выпускник Ташкентского государственного университета, он был оставлен на филологическом факультете преподавателем кафедры русского языкознания, окончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию по вопросам исторической ономастики, прошел путь от рядового преподавателя до заведующего кафедрой. В разные годы он представлял филологическую науку Узбекистана за рубежом, читая лекции в университетах Египта и Японии. Высокий авторитет ученого позволил ему занять должность заведующего отделом русского языка Института языка и литературы Академии наук Узбекистана, где к его заслугам смело можно отнести активизацию работы социолингвистических исследований в нашей стране.

В первые же годы становления суверенного узбекского государства С.И.Зинин на общественных началах возглавил научно-методический совет по русскому языку Министерства народного образования страны. При его непосредственном участии, с учетом сложившихся социально-политических условий в республике, были составлены новые научно-практические документы и изданы учебные пособия по этому предмету.

Обретенный за долгие годы достаточно богатый опыт общественных отношений, успехи в научной и педагогической деятельности выводят С.И.Зинина на высокую

государственную орбиту. Он избирается депутатом высшего законодательного органа страны, становится заместителем председателя, а затем секретарем комитета по науке, образованию и культуре Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Он принимает непосредственное участие в разработке Законов «О Государственных символах», «О Государственном языке», «Об общественных организациях» и ряда других важнейших для страны документов. В высший законодательный орган власти республики он избирался дважды. Его заслуги на этом поприще отмечены медалью «Шухрат».

Хорошо известна деятельность С.И.Зинина во главе Русского культурного центра Узбекистана, направленная на сохранение и дальнейшее развитие самобытных национальных обычаев, обрядов и традиций, русского языка, литературы, истории и культуры.

Опыт работы созданного им университетского клуба книголюбов как нельзя кстати пришелся на тот период, когда С.И.Зинин стал во главе Добровольного общества книголюбов Узбекистана. Пропаганда книги тесно сочеталась с организацией тематических выставок книжных знаков, к созданию которых были привлечены самые видные деятели изобразительного искусства страны. Венцом этой работы стал выпуск им уникальной мини-книги «Экслибрисы художников Узбекистана».

Пожалуй, самой искренней его любовью, главной страницей творчества стало изучение жизни великого русского поэта Сергея Есенина, которому он посвятил целый ряд оригинальных исследований. Это книги «Поездка Есенина в Туркестан», «Неизвестный С.А.Есенин. В плену у Г.А.Бениславской», «Сергей Есенин и Софья Толстая», многочисленные публикации в периодических и научных изданиях. С.А.Зинин издавал уникальную газету «Мир Есенина». Он писал о долгие годы жившей в Ташкенте дочери Сергея Александровича журналистке и писательнице Татьяне. Одна из последних книг, вышедших из-под пера ученого, посвящена творческой дружбе С.Есенина и А.Ширяева.

С.И.Зинин – один из создателей в Узбекистане Государственного литературного музея Сергея Есенина.

Чрезвычайно обширен диапазон исследований талантливого человека. С.И.Зинин писал о В.И. Дале, Е.Д.Поливанове, В.В.Решетове. Не до конца завершенной, к сожалению, осталась докторская диссертация о поэтической ономастике Ф.М.Достоевского.

Знавшие Сергея Ивановича Зинина люди, как правило, восторгались собранной им библиотекой, в полной мере отражающей его многогранную личность. Встречи с ним еще больше укрепляли позитивное мнение о человеке энергичном, инициативном, но беспрельдно простом в общении, всегда готовом рассказать о своих открытиях и находках, сделать их достоянием любой заинтересованной аудитории – от только вступающих на научную дорогу студентов до международного ученого сообщества.

А.Н.ДАВШАН¹

¹ Давшан Александра Николаевна доктор филологических наук, видный литературовед, общественный деятель, активно исследующий актуальные проблемы русского литературоведения и взаимодействия культур и литератур в Узбекистане.

Последняя книга С.И.Зинина («А.В. Ширяевец – поэт российский и туркестанский»)

До последнего дня С.И.Зинин продолжал работать над темой «Сергей Есенин и его окружение», в которой предполагалось дать сведения о всех лицах, связанных с жизнью и творчеством русского поэта до 1940 года. Эти поиски привели его к интересной личности, связанной с биографией Сергея Есенина – Александр Васильевич Ширяевец. Многие годы он занимался изучением творческой биографии не очень известного, но очень талантливого русского поэта, близкого друга С.А.Есенина, проживавшего с 1905 по 1922 годы в Туркестане.

Благодаря стараниям директора Национальной государственной библиотеки Ходжаева А.А. и его коллектива, Маркевич А.В. и других издана книга Сергея Ивановича об этом поэте. Эта книга как дань памяти Сергею Ивановичу, оставившему о себе большую и добрую память настоящего русского человека, который верно служил обществу, русской диаспоре, навсегда войдя в её историю.

Фактически эта книга – документальная история Туркестана начала XX века. Если посмотреть на библиографию, можно увидеть, что содержание книги основано на большом фактическом материале, взятом из архивов Ташкента, Москвы и других городов.

Вот как описывает Сергей Иванович приезд Александра Ширяевца в Ташкент: «В начале лета 1905 г. было принято окончательное решение о переезде в Туркестан. С трудом перенесли утомительную многодневную дорогу из Самары в Ташкент. В Ташкенте поселились на улице Шахрисабской, в доме Павлова, № 3. 25 июля 1905 г. Александр написал стихотворение «Не пойте песен под моим окном...», указав внизу дату и место: Ташкент. Это было первое стихотворение Александра Васильевича в нашем городе».

А.Ширяевец с интересом знакомился с городом. Для него многое было в диковинку, особенно деление Ташкента на две самостоятельные части: европейский «Новый» город и мусульманский «Старый». Он бродил вдоль берега канала, всматриваясь в необычные жилые узбекские постройки на другом берегу. Не решался пересечь эту границу, так как без знания узбекского языка и обычаев боялся попасть в просак.

В европейской части Ташкента ему нравилось ходить по улицам, вдоль которых в небольших арыках протекала чистая вода. В своих воспоминаниях Александр Васильевич пишет о Ташкенте: «От Соборной площади в центре города в сторону Константиновского парка пролежала Соборная улица, всегда многолюдная, особенно в праздничные и выходные дни. В центре парка стоял ограждённый массивными железными цепями памятник туркестанскому генерал-губернатору Кауфману. От центрального сквера радиально расходились несколько прямых улиц, одной из которых в честь 100-летия со дня рождения было присвоено имя А.Пушкина».

А.Ширяевец осматривал высокие стены городской крепости, посещал городские церкви, останавливался возле двухэтажных зданий женской и мужской гимназий, толкался на городском шумном Воскресенском рынке, читал развешанные афиши о представлениях в местном цирке.

Во второй половине января 1914 г. был издан первый альманах Александра Васильевича «Под небом Туркестана». Получив сигнальный экземпляр, А.Ширяевец не

скрывал своей радости: «Альманах» – великолепен! Ур-р-р-а-а-а!

10 марта 1914 г. в газете «Речь» была напечатана рецензия С.Городецкого «Де-вять книг», которая завершалась оценкой альманаха «Под небом Туркестана» (1914). «В лице Ширяевца мы имеем новую поэтическую силу, идущую прямо от земли, как Клюев и Клычков, – писал С.Городецкий. – Песни Ширяевца отмечены печатью бо-годанности, тем, что они не могут не петься. В них мы опять имеем то драгоценное совпадение форм искусства, лично-народного и нашего литературного, которое так поразило всех в Клюеве. Талант волжского певца силен и несомненен, а пример Клюева показывает, что русское общество дорожит певцами народа, когда узнаёт их и о них».

По инициативе редакции газеты «Туркестанские ведомости» под рубрикой «В помощь раненым русским воинам» в типографии при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора была отпечатана книжечка «Богатырь. Стихи и песни о войне Александра Ширяевца» (1915, 24 с.). Издание было благотворительным, о чём на обратной стороне титульного листа уведомлялось: «Весь сбор с изданий «Турке-станских ведомостей» «Стихи и проза» поступит в пользу раненых Русских во-инов».

Содержание стихотворения «Башня смерти» связано с личными впечатлениями во время поездок по Туркестану. В нём описывается эпизод жестокой расправы над осужденным в Бухаре.

Под впечатлением революционных преобразований 1917 г. в России, А.Ширяевец обращается к образу Стеньки Разина. В газете «Новый Туркестан» 29 марта 1917 г. напечатал большую подборку стихотворений под единым названием «Стенька Раз-ин». Он с восторгом воспринимает революцию 1917 г.

*Теперь ведь нет былого гнёта,
Иная жизнь, иные дни,
И не затушит властный «кто-то»
Свободы яркие огни,
Не навострит теперь «шпик» уши,
Доносов сгинула пора,
И от бесправного «чинуши»
Стал вольный гражданин. Ура!..*

Но дальнейшие события, совершавшиеся беззакония, приводят к разочарованию революцией и он пишет рассказ, в котором это беззаконие объясняет как пробужде-ние в человеке звериного начала. В рассказе Синицын, а его устами и сам Ширяевец, рассуждал: «Сколько было великих Учителей, пророков, сколько настроено храмов, расписанных величайшими художниками, а люди всё те же... Кто же должен прийти, чтобы вытравить навсегда в человеке звериное?».

В книге упоминается и история Национальной государственной библиотеки. Николай Николаевич Кулинский стал первым после революции заведующим наци-онализированной Туркестанской публичной библиотеки, которая несколько лет на-ходилась в подчинении Туркестанского народного университета. Идею передачи Пу-бличной библиотеки Туркестанскому народному университету осуществил первый ректор университета А.В.Попов. Был передан книжный фонд и приглашены на ра-боту в университет видные библиографы Я.А.Перельман, Е.К.Бетгер, М.А.Сикстель, К.Б.Беляева, А.А.Гаррицкий и др.

В Туркестанском университете А.Ширяевец посещал лекции по истории русской литературы, которые читал А.В.Попов, и слушал лекции по зарубежной литературе.

Остальное свободное время проводил в библиотеке.

*В стихотворении «Туркестану», он писал:
Край солнца, хлопка, рисовых полей,
Лоз виноградных, ароматов пьяных,
Ты не люб мне недвижностью своей,
Ты не живёшь, ты – в чарах снов дурманных!
А жизнь зовёт на новые пиры,
А жизнь творит за ярким чудом – чудо...
– Пусть зацветут шелками Бухары
Твои мечты, твоим навеки буду!..*

В середине мая 1921 года в Ташкент, в гости к Александру Ширяевцу приехал С.Есенин.

Поэт В.И.Вольпин вспоминал: «Приехал Есенин в Ташкент в начале мая, когда весна уже начала переходить в лето. Приехал радостный, взволнованный, жадно на всё глядел, как бы вливая в себя и пышную туркестанскую природу, необычайно сильнее небо, утренний вопль ишака, крик верблюда и весь тот необычный для европейца вид туземного города с его узкими улочками и безглазыми домами, с пёстрой толпой и пряными запахами».

На квартире А.Ширяевца среди споров на литературные темы были разговоры о работе С.Есенина над поэмой «Пугачёв». К этому времени уже были написаны все главы, правда, еще требовавшие тщательной редакторской доработки. Окончательно определилась авторская оценка личности Емельяна Пугачёва и его роли в повествовании. С.Есенин рассказывал об этом Александру, стараясь попутно выразить и собственную точку зрения на смысл своей жизни, объяснить ради чего он живёт.

После смерти А.Ширяевца, С.Есенин говорил, что «до поездки в Ташкент он почти не ценил Ширяевца и только личное знакомство и долгие беседы с ним открыли ему значение Ширяевца как поэта и близкого ему по духу человека, несмотря на все кажущиеся разногласия между ними».

Собрав материалы об Александре Васильевиче Ширяевце и подготовив к изданию эту книгу, Сергей Иванович, в первую очередь, сохранил для нашего государства историю жизни одной из ярких личностей плеяды писателей и поэтов Узбекистана.

Сергей Иванович Зинин, с которым мне довелось много лет общаться по общественной работе, был достойным человеком. Он оставил о себе добрую память, которую на долгие годы сохраняют те, кому довелось знать его. Его глубочайшая эрудиция, высокий профессионализм, энциклопедические знания, широта мышления, трудолюбие, скромность, настоящая интеллигентность и человеческое обаяние вызывали к нему уважение у любой аудитории – людей науки или юных студентов.

Пусть эта книга будет доброй памятью о Сергее Ивановиче, внесшем неоценимый вклад в сохранение русской культуры в Узбекистане.

В.А.КОСТЕЦКИЙ¹

¹ Василий Ануфриевич Костецкий родился в 1952 году в г.Токмак. Историк, краевед, общественный деятель, педагог-методист, автор многочисленных книг и учебников по истории Узбекистана.

литературоведение. литературная критика

Ассоциативное и символическое в романе «поток сознания»

Роман Джеймса Джойса «Улисс» по сложившейся уже традиции вполне обоснованно причисляют к классике модернистской литературы, называют «Евангелием модернизма», поскольку в нем воплотились основные специфические качества модернизма: «стереоскопизм» изображения; сложное пересечение различных временных планов; отказ от целостной картины и концентрация внимания на отдельных разрезах действительности; ослабление фабульного напряжения и единства; возросшее внимание к простейшим, элементарным клеточкам человеческого бытия; ассоциативный метод синтеза мыслей и эпизодов»¹.

Следует отметить, что новый способ художественного отображения мира, находясь на пике своей популярности, не был достаточно осмыслен литературоведением, для этого требовалось время. Его «анализировали мало, упрощенно трактуя как прямую передачу внутренней речи человеческого сознания. Обсуждали больше историю, истоки метода, спорили о его авторстве: понятно, что зачатки его легко обнаруживаются почти у каждого автора психологической прозы, начиная хотя бы с Лоуренса Стерна. Андре Жид производил в авторы метода Достоевского и Эдгара По. Припоминали, что термин «поток сознания» ввел Генри Джеймс, а французский эквивалент его, «внутренний монолог» – Поль Бурже, привлекали философию Бергсона...»². Однако, существует и другое мнение, согласно которому «Улисс» представляет собой «переходный, пограничный роман с точки зрения литературных эпох, и ранней своей частью он принадлежит по преимуществу модернизму, тогда как поздней – постмодернизму». В основе сопоставительно-типологического анализа романа к постмодернизму тяготеет построение текста на «пародийном обеднении стилей», в применении которого модернизм и постмодернизм «различны диаметрально»; первый характеризуется культом стиля, выражавшимся в стремлении к эстетизации как художественного образа, так и быта, второй превращает стиль в игру»³.

Создав специфическое художественное время и пространство, «поток сознания» получил известность благода-

**Дильшод
АРЗЫКУЛОВ**

Родился в 1972 г. В 2009 году окончил магистратуру при Джизакском государственном педагогическом институте. Работает преподавателем кафедры «Русского языка и зарубежной литературы». Имеет научные публикации в республиканских и зарубежных журналах.

¹ Ауэрбах Э. Мимесис. - М.: Прогресс, 1976. - С. 19.

² Хоружий С.С. «Улисс» в русском зеркале. - М.: Терра, 1994. - С. 45.

³ Хоружий С.С. Указ.соч. - С. 42.

ря роману «Улисс». Популярность нового способа построения художественного текста, тончайшего изображения внутреннего мира героев произведения, обусловила прочное ассоциирование «потока сознания» с вербальным текстом и литературой, оставив в стороне невербальные тексты и другие виды словесного творчества.

Модернистское постижение сущности бытия через предметный мир обуславливает обширную символику художественной культуры модернизма, которая актуализируется в пространстве текста. Средством актуализации символа как знакового воплощения какой-либо идеи является ассоциация, позволяющая осуществить развертывание символа внутри художественного текста и обеспечение интертекстуальных связей.

Ассоциация, представляющая собой «возникающую в опыте индивида закономерную связь между двумя содержаниями сознания (ощущениями, представлениями, мыслями, чувствами и т.д.), которая выражается в том, что появление в сознании одного из содержаний влечет за собой появление другого»¹, фактически, как следует из определения, сводится к движению сознания. Эта характерная особенность ассоциации актуализировала ее в художественной парадигме модернизма с ее интенцией, направленной на изображение ментальной среды человека.

В тексте «потока сознания» находит свое место любая деталь, всплывающая из глубин человеческого существа, лежащая вне сознания человека. Порядок их расположения не поддается стереотипным логическим обоснованиям. Одна увлекает за собой другую, третью, и все они образуют непрерывную цепь, спаянную посредством ассоциаций.

Ассоциация в силу своего мгновенного характера вполне может заполнять собой те промежутки сознания, которые американский психолог и философ Уильям Джеймс (William James, 1842–1910) определял как *transitive parts*. В представлении У. Джеймса сознание соотносимо с рекой, потоком, в котором мысли, ощущения, ассоциации постоянно «перебивают» друг друга, причудливо, «нелогично» переплетаются, и он описал подобным образом процессы, происходящие в сознании, предполагая лишь акцентацию их определенных свойств.

Процесс ассоциирования, рассмотренный в рамках концепции У. Джеймса, вполне укладывается в действие изменчивых состояний человеческого сознания.

В финальной части последнего восемнадцатого эпизода романа Джеймса Джойса «Улисс», озаглавленного «Пенелопа» (Penelope), в контексте «потока сознания» героиня Мэрион Блум, погружаясь в прошлое и мысленно находясь в нем (*past*), вспоминает события, имевшие место до ... (*super past*): она как бы восстанавливает воспоминания, возрождает в памяти то, что испытывала она в тот момент, когда Леопольд Блум предлагал ей руку и сердце. Характер переживаний Мэрион избирателен: их вызывают люди, животные, места и события, казалось бы, никак не связанные между собой – в тот момент, когда звучало предложение руки и сердца, Мэрион смотрела на море и вспоминала «обо всем, чего он не знал»: об отце, других мужчинах, матросах, часовом перед губернаторским домом, базарах, магазинах, своей родине и многом другом. Этот ассоциативный ряд наглядно показывает, что естественный ход мысли человека подчинен не причинно-следственным связям, а случаю.

В воспоминаниях Мэрион между фактическим предложением Леопольда и ее ответом прошло не более минуты, но изложение этого краткого временного отрезка занимает полстраницы, на протяжении которой настоящее и будущее стягиваются в единую точку, где будущее и прошлое сосуществуют вместе, где формальное «внешнее» течение времени деформируется и теряет смысл, превращаясь в «*clock without hands*» (часы без стрелок – А.Д.), и где образы прошлого несут в себе зачатки будущего, где пространственно-временная структура образует некое подобие лабиринта.

Течение времени вне и внутри человеческого сознания не совпадают, равно так

¹ Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мешерякова. - М.: Педагогика-Пресс, 1999. - С. 26.

же, как не совпадает продолжительность времени, за которое читатель прочитывает словесное выражение «потока сознания» героя, и само время, в течение которого героем переживается описанное. Психические процессы происходят гораздо быстрее, чем можно об этом рассказать. Отсутствие знаков препинания в эпизоде призвано подчеркнуть быстроту и непрерывность процесса, прочность и тесную взаимосвязь ассоциативных рядов. «Краткость отрезка внешнего действия резко контрастирует с богатством и разнообразием происходящих событий; словно во сне, сознание облепает весь реальный мир, <...> в перспективе времени уже мерцает некая символическая всевременность события, закрепленного вспоминающим прошлое сознанием»¹.

Модернистская направленность в иррациональность обуславливает его интенцию, направленную на возведение обычных предметов в категорию символов. Все образы в тексте «потока сознания» глубоко символичны. Символика текста «потока сознания», в силу его интерактивности, двояко ориентирована: с одной стороны, она раскрывает внутреннюю семантику повествования, с другой – обращена к различным культурным традициям вне повествовательной линии художественного произведения. В этом аспекте текст «потока сознания» способствует созданию такого своеобразного модернистского явления как интертекст.

Прочитанная в рамках художественного пространства модернистского интертекста символика в тексте «потока сознания», основанная на предметах быта, выходит в мир художественно-религиозных культурных традиций. Эта черта типична для текстов Джойса с их «законом замещения», переносящим христианские парадигмы в сферу искусства². Символотворчество в тексте «потока сознания» в романе «Улисс», происходит в рамках эстетической концепции писателя, пронизывающей все его творчество, изложенной в полуавтобиографическом романе «Портрет художника в юности».

Джеймс Джойс творит свой художественный мир из будто бы случайных слов, звуков, запахов, заставляющих человека вновь и вновь переживать события прошлого, далекого и не очень. Масса перетекающих друг в друга слов и фраз, ощущений, впечатлений, воспоминаний, образует совокупность в силу того, что отображает единое сознание человека, представленное в форме потока, или *integritas* – целостность.

Но, беспорядочная на первый взгляд, эта совокупность впечатлений-воспоминаний при более близком рассмотрении обнаруживает в себе стройный порядок, ясную структуру, четко прослеживаемые взаимосвязи множества ее составляющих, которые проявляют созвучие, стройность, гармонию.

Все это порождает ясность, понятность, вразумительность, неся дополнительную смысловую нагрузку. Сама ясность, возникающая из лабиринта переплетений чувственных ассоциаций, сверхчувственна, ее способен воспринять ум, захваченный целостностью и очарованный гармонией. Это наступающий внезапно момент эстетического наслаждения духовного происхождения. Ум, постигнув целостность и гармонию предмета, на мгновение замирает, удивленный и ошеломленный.

Подобная концепция прекрасного с контексте модернизма с его интенцией, направленной на раскрытие сущности вещей, создает ситуацию, когда чувственные ассоциации, происходящие из предметного мира, порождают ассоциации нечувственного характера, направленные в мир сверхчувственный. Этот кардинальный для художественной культуры модернизма переход от мира чувственного к миру сверхчувственному совершается на пространстве символа, в статус которого возводятся самые ординарные предмета, ситуации и люди.

Так, в «потоке сознания» Мэрион тривиальные будничные вещи перетекают в поворотные моменты жизни, и наоборот: Мэрион думает об умершем сыне и живой дочери, о муже и других мужчинах, о знакомых и незнакомцах, магазинах и одежде,

¹ Ауэрбах Э. Указ.соч. - С. 530.

² Хоружий С.С. Указ.соч. - С. 18.

буднях и праздниках, о религии и атеизме, молодости и старости, жизни и смерти, природе и городе, о Китае и Габралтаре. Можно сказать, что она думает обо всем. Поток ее сознания – масса разнородных мыслей, чувств, ощущений, впечатлений, воспоминаний. Таким разнообразием и количеством создается масштаб – под личиной индивидуального сознания разворачивается парадигма мира. Обширность предмета рассуждений вырастает в *integritas* (целостность).

Мысли Мэрион, несмотря на кажущуюся их беспорядочность, по-своему логично вытекают одна из другой. В ее потоке сознания выделяются темы. В ходе развития одной темы какая-либо мысль развивается в свою противоположность. Такая ирония делает образ емким и многоплановым, еще прочнее укрепляя связи в потоке сознания Мэрион. Связанность хода мысли, поток обеспечивается также ассоциациями слов, влекущих за собой целую ассоциативную цепь. Так создается *consonantia*.

И, наконец, эта структурно организованная совокупность различных деталей, подавляющих своим количеством, раздвигает границы индивидуального мира до глобальных масштабов, порождая ясность, понятность, в свете которой обычные вещи становятся символами.

К примеру, природа – это сфера, из которой берут свое начало образы в потоке сознания Мэрион. Все образы, взятые из природы, глубоко символичны: горы, море, цветы. Гора – символ трансцендентности, т.е. того, что находится за границами сознания и познания. Море – это “our great sweet mother”, “our mighty mother”; именно из морской пены родилась богиня любви и красоты Афродита, духовную связь с которой ощущает Мэрион. Цветок в восприятии Мэрион символ женского начала. Роза, фигурирующая в «потоке сознания» Мэрион, чаще, чем какой-либо другой цветок, представлена как символ женственности вообще, причем, женственности не только в абстрактно-идеальном представлении, но и в более конкретном, как необходимая составляющая, без которой невозможно продолжение человеческого рода.

Таким образом, в тексте «потока сознания» главным становится актуализация внутренней формы слова, процесс, важную роль в котором играет ассоциация как связующее звено между невербальным содержанием сознания и порождением его вербального выражения, точнее художественным образом этого процесса.

Ярко отражен процесс актуализации внутренней формы слова в именах собственных, реализуясь в ассоциативных рядах текста. Имя Marion, с одной стороны, ассоциируется с библейским именем Maria; с другой стороны, краткая версия того же самого имени (в авторской интерпретации) Molly несет в себе смысл от moll – «женщина легкого поведения», «блудница». Такой двойной смысл имени определяет Мэрион как воплощение женственности не только в абстрактно-идеальном, но и в смысле женского материнского начала, дающего жизнь всему сущему на земле. Имя Стивен рождает в сознании читателя ассоциацию с именем библейского первомученика Стефана и акцентирует внимание на участии художника в мире, ведь в греческом языке это имя означает венок, символ славы. Фамилия Дедалус содержит культурно-мифологическую аллюзию к знаменитому создателю лабиринта. Фамилия Мэрион – Bloom – это фамилия мужа и буквально означает цветок, символ женского начала: все женское воплощается в его образе. Имя ее мужа Leopold буквально означает «лев» и символизирует мужское начало. Главный герой «Улисса» Leopold Bloom одновременно движет желаниями Мэрион и невольно подчиняется им.

Весь содержательный спектр имен собственных, взятых как лексические единицы, в тексте «потока сознания» основывается на их внутреннем содержании, открывая в сознании читателя ассоциативные ряды. Таким образом, ассоциативные связи актуализируются не только горизонтально в плоскости романа, но и вертикально, получая развитие вне романа.

Стилистические заимствования в художественном контексте

Общеизвестно, что объекты заимствования входят в стилистический строй «передающего» языка, заимствуясь же, они из привычных стилистических обстоятельств вырываются и включаются в определенные стилистические системы художественных произведений (иногда и в стилистический строй «принимающего» языка) с аналогичной функциональной значимостью. Но известны случаи, когда заимствующий язык осваивает заимствования с другой функциональной значимостью, близкой или далекой от исконной. Оба явления мы объединили под общим названием «стилистические заимствования». Однако наряду с описанным есть и другой процесс, который мы условно называли «собственно стилистическим заимствованием», т.е. заимствование элементов стилистической системы одного носителя творческого контекста другим (при условии, что оба пишут на одном и том же языке). Это стилистическое заимствование в рамках одного языка. Продуктом, результатом подобного заимствования являются «стилемы-функционы» (термин проф. Х.Х.Махмудова, Алма-Ата). В данной статье делается попытка осветить некоторые моменты влияния стилистического строя тюрки и фарси на стилистическую систему носителя творческого контекста, пишущего на русском языке (например, С.Бородина), в результате чего и происходит стилистическое заимствование, т.е. речь идет о стилистическом заимствовании в плане контакта языков (на уровне речи).

Из большого количества примеров, подвергнутых строфическому и типологическому анализу, мы приведем лишь один – стихи, написанные С.Бородиным в восточной манере, которые включены в прозаический текст и приписаны влюбленному Халиль-Султану (трилогия «Звезды над Самаркандом»): «Она (Сарай-Мулк-ханым), опустив глаза, прочитала протяжно, подражая чтецам газелл:

Отец узором кожи тиснит. - 0/ - 0 - / 0 - / - 0/ -- 9 (4 : 5)

Дочка взором Халиля теснит. - 0/ 0 - / - 0 - / - 0 — 9 (4 : 5)

При анализе мы выявили:

- Грамматическое тождество – отец тиснит = дочка теснит, отец узором = дочка взором, отец кожи тиснит – дочка Халиля теснит

- Рифмуются глаголы «тиснит» и «теснит», в произношении почти совпадают.

**Давлятбек
САЪДУЛЛАЕВ**

Кандидат филологических наук, почетный профессор Кабульского университета и Ургенчского филиала Ташкентской медицинской академии, член-кор.

Российской академии педагогических и социальных наук. Родился в 1947 году в г. Ташкенте. Автор многочисленных монографий, учебных пособий, словарей, научных статей. Награжден орденами, медалями, грамотами за успехи в преподавательской, организаторской и дипломатической работе.

- Нарастание звуковых повторов, что является характерной чертой полной, точной и богатой рифмы и обуславливает ритм двустишия.

- Значение глаголов «тиснит» и «теснит» в контексте совпадает: «прижимать к чему-либо, заставляя отступить». Многозначность слов создает иносказательный смысл, бейт следует читать так: «Отец оставляет отпечаток узора на коже. Дочка оставляет отпечаток своего взгляда в душе влюбленного царевича Халиля».

- Получили симметричное соотношение ударных / неударных слогов в обеих строках – 4:5 = 4:5.

Таким образом, все формальные признаки туюга налицо (однако они могут быть присущи и рубаи, и кытѣ).

Для большей убедительности мы сравнили двустишие С.Бородина с примерами из классической тюркоязычной поэзии (в ирано-таджикоязычной художественной литературе того периода термин «туюг» не встречается). Алишер Навои считал туюг одним из характерных жанров именно тюркоязычной поэзии:

Ёраб, у л шахду шакар ё лабму дур.

Магар шахду шакар ёлабмудур.

Жонима пайваста новак отколи

Гамза укин кошига ёлабмудур? (О боже, это сладкий сахар (мед) или губы? Или они покрыты сладким сахаром (медом)? Или чтобы выстрелить в мою душу стрелой любви (связующей стрелой), Она на тетиву бровей своих нежности стрелу натянула? – пер. Д.С.).

Проведенный анализ двустишия С.Бородина и туюга Алишера Навои показал, что С.Бородин мастерски заимствовал порядок чередования членов простого предложения, тождественность их морфологического выражения, достоверно воспроизвел грамматическую однотипность словосочетаний, предложений, симметрическое соотношение ударных / неударных слогов, способ рифмовки, звуковые повторы, т.е. структуру туюга.

Основная цель туюга в данном случае – каламбур, иносказание (возможно, и шутивное посвящение), основанное на игре слов, почти совпадающих как в написании, так и в произношении. Эти черты туюга отмечались еще Алишером Навои и Захириддином Бабуром как основные: таджнис (игра слов, каламбур; омонимы в качестве рифмы) и радиф (слова или группа слов, повторяющиеся вслед за рифмой в каждом стихе, т.е. своего рода «группа поддержки»).

Двустишие С.Бородиным не развернуто в цельное произведение, хотя мастерство его и как писателя, и как переводчика (возможно, и как поэта) вполне позволяло сделать это.

караван истории

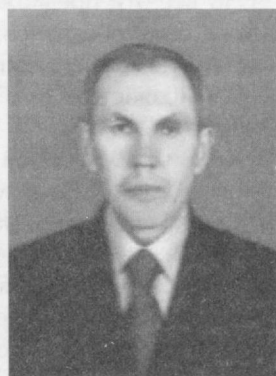
Ранние страницы истории Национального университета Узбекистана

(К 95-летию НУУз)

Национальному университету Узбекистана имени Мирзо Улугбека, одному из крупнейших высших учебных заведений не только нашей страны, но и всей Центральной Азии, весной 2013 года исполнилось 95 лет. За долгий период своей славной истории он сменил несколько названий – Туркестанский народный университет, Туркестанский государственный университет, Среднеазиатский государственный университет, Ташкентский государственный университет. И, наконец, в соответствии с Указом президента Узбекистана от 28 января 2000 года он получил нынешнее название: Национальный университет Узбекистана.

О его истории существует довольно обширная литература. Однако до сих пор остается относительно малоизвестным самый ранний период жизнедеятельности университета, когда он существовал в статусе «народного университета». Туркестанский народный университет, основанный 21 апреля 1918 года, явился фундаментом не только для НУУз, но и для ряда других высших школ Узбекистана и соседних государств.

Идея создания в Ташкенте, административном центре Туркестанского края, высшего учебного заведения имела некоторую предысторию. К началу Первой мировой войны в Российской империи имелось весьма большое количество высших учебных заведений самого разного профиля. Но из более чем ста вузов только четыре приходились на Зауральскую Россию (Сибирь, Дальний Восток, Туркестан). Из них три находились в Томске и один во Владивостоке. С начала XX в. неоднократно высказывались предложения открыть вуз в Ташкенте. Одной из первых была идея русского туркестанца М.М.Вирского, который предлагал создать в Ташкенте Восточный институт по примеру аналогичного учебного заведения во Владивостоке, открытого в 1899 году¹. Часто также упоминают об инициативе петербургского востоковеда С.Ф.Ольденбурга, по его мнению, Ташкент являлся подходящим местом для создания научной школы, деятели которой могли бы «изучать не только русские среднеазиатские владения, но и Персию, Афганистан, Кашгарию, Тибет и даже Китай и Монголию»². Но Ольденбург имел в виду создание

**Юрий
ОЛЫГИН**

Историк, публицист. Родился в 1950 году. Окончил исторический факультет Ташкентского госуниверситета. Автор многочисленных научных работ, опубликованных в Ташкенте, Москве, Оренбурге, Алма-Ате, Бишкеке, Душанбе, Самарканде, Бухаре. В 2011 году занял первое место на конкурсе русскоязычной журналистики Узбекистана в номинации «Публицистика».

¹ Вирский М.М. Ближайшие меры для упорядочения русского влияния и распространения просвещения среди туземцев Туркестанского края

// Туркестанские ведомости, 1900. – №11.

² Цит. по: Лунин Б.Б. Научные общества Туркестана и их прогрессив-

не учебного, а научно-исследовательского учреждения.

Региональное отделение Общества востоковедения, Городская дума, во главе которой в тот период находился яркий и даровитый деятель Н.Г.Маллицкий, со временем получивший известность ученого-географа и востоковеда, также поддерживали предложение об организации в Ташкенте высшего учебного заведения.

Но все эти предложения, вообще-то, были из области маниловских проектов – они не были обеспечены ни административной, ни финансовой поддержкой. Исключением, пожалуй, можно назвать предложение центральной власти «об открытии... сельскохозяйственного института в Ташкенте»¹. Начавшаяся война помешала выполнению этого плана.

Инициатором самой первой попытки создания в Ташкенте учебного заведения востоковедческого профиля явился первый Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, а основным разработчиком – первый в Туркестанском крае Главный инспектор учебных заведений А.Л.Кун. Они предлагали создать институт восточных языков, который бы готовил для нужд краевой администрации переводчиков, владеющих восточными, в первую очередь, местными языками.

«В институте предполагается, – писал в своей докладной записке от 28 февраля 1880 г. Кун Кауфману, – при пятилетнем курсе... изучение практически и теоретически следующих языков: арабского, персидского и тюркских наречий, истории и литературы народов, говорящих на этих языках, кроме того, восточной каллиграфии, разбор восточных рукописей и манускриптов, топографии, общих сведений естественной истории и составление научных коллекций»².

Правда, несмотря на свое название, предполагавшееся учреждение не мыслилось полноценной высшей школой, оно проектировалось «на правах среднего учебного заведения»³. Однако из-за неожиданной болезни и последовавшей в мае 1882 года смерти генерал-губернатора К.П.Кауфмана, данный проект не был претворен в жизнь.

После октябрьских событий 1917 года в России идея о создании высшего учебного заведения в Ташкенте оформилась в проект организации в Ташкенте университета.

В начале 1918 года имелось даже два самостоятельных проекта, исходивших, соответственно, из двух источников – от советских властей края и от созданного русской интеллигенцией Ташкента в феврале 1918 года Общества ревнителей высшего образования, объединявшего членов общественных организаций научного и просветительского профиля, существовавших еще с дореволюционных времен. Среди наиболее активных «радетелей» были В.И.Романовский, Г.М.Сваричевский, А.В.Панков, А.Л.Шишов, М.И.Слоним, Р.Р.Шредер и другие. Впоследствии усилия обеих сторон были благоразумно объединены.

21 апреля было объявлено о создании Туркестанского народного университета (ТНУ). Его ректором был избран Александр Васильевич Попов. На торжественное собрание по случаю открытия народного университета собралось множество людей. В этот же день газета «Народный университет», орган нового учебного заведения, на некоторое время, в середине 1918 года, ставшая практически ведущей газетой края, сообщала о создании ТНУ.

Идея университета, всеобщей доступности любого образования привлекла очень многих. Но рождение университета проходило довольно мучительно. Народный университет – явление совершенно новое. Необходимого опыта у инициаторов не было. В Ташкенте не хватало высокообразованных специалистов.

14 мая 1918 года было опубликовано распоряжение (№145) властей Туркестанской советской республики, подписанное председателем Совета народных комиссаров Колесовым и комиссаром по народному образованию Успенским. Оно гласило: «... впредь отменяются все стеснения и преграды к поступлению желающих учиться в том

ная деятельность. – Ташкент, 1962. – С. 135.

¹ Азиатская Россия. Т. I. – Санкт-Петербург, 1914. – С.254.

² ЦГАРУЗФИ-47, оп. 1, д.145, л.1 Доб.

³ Там же, л. 1.

или другом классе любого учебного заведения Туркестанской советской республики. Все вступительные экзамены отменяются. Школы всех рангов и ведомств открыты теперь для всех желающих учиться в них, без различия возраста, национальности, вероисповедания и свидетельств. Единственным условием для поступающих в любой класс любой школы Туркестанской советской республики отныне является желание учиться»¹. Документы о наличии какого-либо образования не требовались даже при поступлении в университет, не было и вступительных экзаменов.

Более того, документы о наличии соответствующего образования не требовались даже от педагогов. Еще 27 февраля 1918 года появился приказ туркестанского комиссариата по народному образованию «О выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей». Этот приказ предписывал до конца июля 1918 года организовать выборы всех без исключения лиц, занимающих педагогические и административно-педагогические должности (преподавателей, воспитателей, а также школьных врачей) учебных заведений...»². Представление документов об образовании, наравне с рекомендациями «политических партий или иных организаций с изложением своих педагогических и общественно-политических взглядов» в приказе все-таки признавалось желательным. Но тут же заявлялось: «Отсутствие звания учителя или диплома не является безусловным препятствием к занятию должности, и лицо, не удовлетворяющее требованиям в этом отношении, может быть допущено к занятию школьной должности»³.

Вначале Туркестанский народный университет представлял собой довольно странный образовательный комбинат. Он действовал на основе временного Положения, призванного служить базовым нормативным документом впредь до выработки Устава, «если к тому сложатся благоприятные условия».

В Положении утверждалось, что «Туркестанский народный университет имеет целью служить широкому распространению научного образования и прикладных знаний в Туркестанском крае, привлечению симпатий народа к науке, знанию и искусствам и удовлетворению всех культурных потребностей края в связи с задачами нового времени»⁴.

Предполагалось создание некоей громадной образовательной структуры – «единой народной школы», состоящей из разнообразных автономных частей. Положением определялось, что «университет представляет собой высшую ступень единой народной школы. К нему непосредственно подходит средняя народная школа, как средняя ступень и низшая народная школа, как низшая ступень единой народной школы.

... Высшая ступень, собственно университет, распадается на факультеты, средняя и низшая ступень – на отдельные школы.

...Совместно с деятельностью указанных трех ступеней единой народной школы действуют и примыкающие к ним по своим задачам культурно-просветительские и воспитательные, в широком смысле слова, учреждения: детские площадки, школы прикладных знаний и искусств, клубы, театры, организованные народные хоры, библиотеки, читальни, кинематографы, издательские организации.

...Каждая из этих частей-единиц строится на принципе полной самостоятельности в своей сфере и вместе непременно находится в тесной связи с общей организацией одинаковых с нею единиц, а через эту организацию и со всей организацией единой школы»⁵.

Было решено деятельность ТНУ начинать немедленно, практически без какой-либо подготовительной работы. В середине июля 1918 года ректор А.В.Попов сообщал: «В два с небольшим месяца возникло и организовалось более сорока отдельных культурно-просветительных, воспитательных и вспомогательных ячеек».

В рамках «факультетов» в летний период открыли различные краткосрочные (трех-

¹ Народный университет. – № 18, 26 апреля 1918.

² Народный университет. – № 3, 24 апреля 1918.

³ Там же.

⁴ Народный университет. – № 17, 24 мая 1918.

⁵ Народный университет. – № 17, 24 мая 1918.

месячные) курсы, а с осени предполагалось начать работу долгосрочных образовательных программ по классической вузовской системе. Говоря о целях различных ступеней «народного университета», инициаторы его создания декларировали широкую программу. Газета «Народный университет» писала, что задачей ТНУ является «научить каждого человека самостоятельной работе, помочь каждому разбираться во всех вопросах, которые ставит перед ним жизнь, научить его самостоятельному, разумному чтению книг и умению сознательно оценить каждое слово, привить и вырастить в человеке чувство красоты и любви к науке, вложить в него жажду к широкому самообразованию, открыть дорогу к самостоятельному творчеству, развивая личность каждого человека, его способности и таланты, дать ему возможность выработать свое собственное миропонимание...»¹.

Очень быстро обнаружили многочисленные издержки скоропалительных действий. Уже 25 мая, вскоре после организации школ, ректор А.В.Попов заявил, что «постановка учебного процесса в отдельных школах низшей ступени не стоит пока на высоте, соответствующей идее народного университета. Этого, по его словам, приходилось ожидать от выборов преподавательского состава данной ступени, носивших часто случайный характер голосования при огромном количестве воздержавшихся, именно наиболее сознательных и добросовестных и при уклонении от выборов и работы по разным соображениям многих ценных работников школы»².

В конце мая газета «Народный университет», комментируя «кадровый вопрос», поясняла ситуацию: «Выборы преподавателей народного университета некоторой частью населения были поняты как занятие оплачиваемого места; жизнь дорога, образовалось много безработной интеллигенции, очень нуждающейся... Приходили лица с целью заработать, не думая о трудности и ответственности самой работы»³. Многие школы вскоре после открытия пришлось закрыть для реорганизации.

Контингент учащихся также не отвечал первоначальным представлениям. Сообщалось, что «в иных школах запись доходит чуть не до 500 человек, но когда посмотришь на аудиторию, поневоле является мысль, что аудитория пуста, так как нет тех, для кого создан университет, нет рабочих, приказчиков, прислуги и т.д., потому что всем ясно, что семилетним ребятам место на детской площадке, во всяком случае не в народном университете... взрослых слушателей очень мало, в иных группах их совершенно нет»⁴.

На начальном этапе жизнедеятельности ТНУ попутно выяснилось, что многие слушатели рассматривали его как некую площадку для общения. На лекциях – постоянное хождение, разговоры.

Не меньшим препятствием в полноценном выполнении ТНУ своей задачи была «политическая жизнь слушателей и преподавателей университета. Собрания, митинги, комиссии, делегации и депутаты, все это не только отнимает у взрослого сознательного гражданина много дорогого времени, но еще и будоражит его жизнь, занимая его сознание целиком, не оставляя ему минуты покоя»⁵. Появление в Ташкенте университета в том виде, в каком он был поначалу, многими было воспринято скептически. Его несоответствие высшей школе было слишком очевидным. Непрофессионализм явно проявился при составлении программ. Предлагалось в начальной школе изучать микробиологию. Или, например, предлагалась программа курсов по этике. Среди ее пунктов: интуитивная теория нравственности, императив Канта...

Трудно представить, что подобная тематика была актуальной для туркестанцев в 1918 году.

Так называемые «факультеты» ТНУ явно слабо представляли свое назначение. Вот объявление о наборе на сельскохозяйственный факультет. Призывая потенциальных студентов, авторы объявления обещали «научить всех, как пахать, удобрять землю ... как садить

¹ Народный университет. – № 2, 21 апреля 1918.

² Народный университет. – № 18, 26 мая 1918.

³ Народный университет. – № 22, 30 мая 1918.

⁴ Народный университет. – № 24, 1 июня 1918.

⁵ Народный университет. – № 87, 17 августа 1918.

[так в тексте – Ю.Ф.] растения, ... как дерево подрезывать, поливать ... как доить корову».¹ «Доить корову» записалось более 300 человек – все горожане, не помышлявшие о жизни в деревне.

Ректор А.В.Попов не жалел усилий для исправления недостатков, каждый день он объезжал структурные подразделения ТНУ, проводил совещания, беседовал с учащимися, преподавателями, другими заинтересованными людьми, писал разъяснительные статьи для газеты «Народный университет». В одной из таких статей он отмечал: «Нужно ценить нежные ростки новой народной школы... и дать им скорее материальную и правовую опору... Жизнь сама исправляет ошибки этой новой школы. Теоретические курсы заменяются практическими, лекции беседами. Неинтересные курсы и неинтересные преподаватели отходят... Аудитория становится все более и более народной...».²

В разных структурных подразделениях ТНУ, в первую очередь в его высшей ступени, претендовавшей на вузовский статус, работали многие интеллигенты из русских туркестанцев, некоторые из них давно снискали научную известность. Среди них – Н.С.Лыкошин, Н.Г.Маллицкий, Л.В.Ошанин, П.П.Цветков, А.В.Панков. На курсах естественно-математического факультета преподавал ташкентский врач В.Ф.Войно-Ясенецкий, позднее ставший известным деятелем Русской Православной Церкви, епископом Лукой.

Несмотря на то, что народный университет в Ташкенте еще был в стадии становления, уже вынашивались замыслы создания многочисленных отделений «университета» в разных городах Туркестана. Уже с осени предполагалось открыть таковые в Самарканде, Ашхабаде, Верном, Коканде, Мерве, Кагане и других городах.

Кроме того, намечалось открыть учительские институты в Ашхабаде, Фергане, Самарканде, Пишпекке.

В ряде городов имели место инициативы местной интеллигенции по открытию собственных народных университетов в Самарканде, Андижане, других городах.

Самаркандский народный университет был открыт 10 июня 1918 года. Центральная туркестанская власть не одобряла появление на местах самостоятельных, не зависящих от ташкентского центрального «университета», учебных заведений.

В пылу революционного увлечения идеей «университизации» края, очевидно, упустили из виду такое обстоятельство, как отсутствие преподавательских кадров для такого множества «университетов». Даже Народный университет в Ташкенте, административном, культурном и образовательном центре края, испытывал недостаток квалифицированных специалистов. А каковы были шансы найти их в Мерве, Кагане?

12 мая 1918 года была открыта так называемая мусульманская секция Туркестанского народного университета. «Она, – как писала местная газета, – именно как секция, отделение общетуркестанского университета является фактом и вместе символом истинно культурного сближения Европы и Азии, для которого могут найтись свои основания и в религиях обеих стран, так как лучшее в европейской культуре Запада согрето лучами солнца, взошедшего на Востоке».³

Известный еще с дореволюционных времен ташкентский мусульманский деятель А.Еникеев в начале июня 1918 года опубликовал статью, озаглавленную «Краткая история возникновения в Ташкенте мусульманской секции народного университета». Он писал, что мусульманская секция ТНУ так же, как и «русская», должна состоять из трех ступеней – низшей, средней и высшей. «Но в виду невозможности, – пишет он, – в данное время осуществить этот принцип признано необходимым открыть пока только одну низшую ступень, как для мужчин, так и для женщин. Предположено открыть всего 24 школы низшей ступени в двух частях города, но до сего времени открыто всего лишь 12 школ...»⁴.

¹ Народный университет. – № 16, 22 мая 1918.

² Народный университет. – № 2, 21 апреля 1918.

³ Народный университет. – № 61, 18 июля 1918.

⁴ Народный университет. – № 18, 26 апреля 1918.

Собственно говоря, некоторые из этих школ появились несколько ранее самой мусульманской секции. После февральских событий 1917 года небольшая группа мусульман, обучавшихся в русских средних учебных заведениях Ташкента, образовала кружок учащейся мусульманской молодежи. Задачей кружка они определяли культурно-просветительную деятельность среди мусульманского населения. Было открыто две школы на небольшие средства, предоставленные татарской организацией «Иттифак».

Учеников в эти школы сначала записалось около 400 человек, но через некоторое время регулярно посещающих осталось менее 70. Многие записавшиеся были не готовы к систематическим занятиям, почему-то было распространено мнение, что если речь идёт о «новой школе», то и знания там будут усваиваться как-то по-новому, очень быстро и, главное, без собственных усилий. Похожее мнение, кстати, имело хождение и в «новых» русских школах. Преподавателей, требовавших систематического выполнения учебных заданий, обвиняли в буржуазных подходах, «старорежимных методах», игнорировании положения рабочего класса.

Организованные наспех, эти школы оказались не работоспособными. Их приходилось закрывать. Для реорганизации начальных школ, действовавших под эгидой мусульманской секции ТНУ, была создана специальная комиссия из четырех человек, в их числе Абдулла Кадыри и А.Еникеев.

Дело тормозилось и тем, что не было единого мнения о школьных программах. Активный деятель мусульманского просветительского дела Мунаваркари Абдурашитханов считал, что школы для коренного населения должны иметь конфессиональный характер, главным в них должно быть религиозное образование. С этим не все были согласны.

День 12 мая, в соответствии с Указом президента Узбекистана И.А.Каримова от 28 января 2000 года, был определен как дата основания нынешнего Национального университета.

До сих пор практически нет сведений о жизни и деятельности первого ректора первого университета в Средней Азии Александра Васильевича Попова. Лишь в одном из юбилейных сборников по истории Ташкентского университета сообщалось, что он «видный деятель народного образования..., ранее преподаватель одной из петроградских гимназий, приват-доцент Высших женских курсов»¹.

Архивные изыскания позволили выявить ранее неизвестные факты из биографии первого ректора Национального университета Узбекистана. Александр Васильевич Попов – питомец Санкт-Петербургской Духовной академии. После ее окончания он учился в Санкт-Петербургском университете, преподавал в разных учебных заведениях Закон Божий и пользовался в этом качестве большим успехом.

Ректором ТНУ А.В.Попов был до 5 декабря 1918 года, когда Советом народного университета вместо него был избран новый ректор – Г.Н.Черданцев².

Первые месяцы существования ТНУ показали, что для его полноценного функционирования необходима огромная организационная работа, при которой недопустима поспешность. Университету требовалась, в первую очередь, кадровая помощь. Решить эту проблему в Ташкенте собственными силами было невозможно.

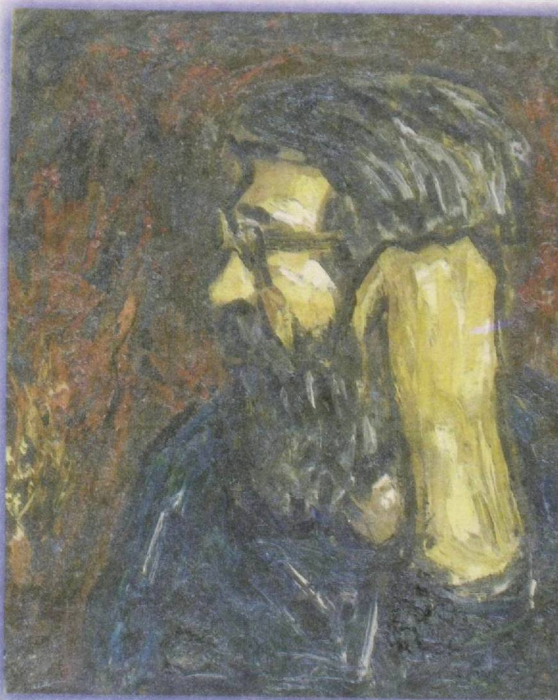
Полноценное становление ТНУ в качестве высшего учебного заведения состоялось лишь в 1920 году, после прибытия в Ташкент так называемых «поездов науки», с большой группой высококвалифицированных российских ученых и педагогов. Многие из них пожертвовали состоявшейся научной карьерой ради идеи создания первого университета в отдаленном регионе.

¹ Народный университет. – № 3, 24 апреля 1918.

² Там же.

Портрет Э.Ахмедовой
Э.Жолдасов

Портрет А.Кокоткина
Э.Жолдасов

Хлеб. Э.Жолдасов

Джампык-кала. Дворец.
Э.Жолдасов

Подписка на журнал «Звезда Востока» продолжается.
Наш индекс — 831.

В свободную продажу журнал
не поступает, распространяется по подписке.
В розницу журнал можно приобрести только в редакции.